

Милош Марко

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ВОЙНА
И
"ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ"**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

Перевод со словацкого
Т. И. КОМКОВОЙ и Н. А. ПРОКОФЬЕВОЙ

Ответственный редактор и автор предисловия
доктор исторических наук
А. Х. КЛЕВАНСКИЙ

Милош Марко

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ВОЙНА**

И

**«ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ
ЭКСПЕРИМЕНТ»**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

1972

В книге освещаются события 1968—1969 гг. в Чехословакии. На конкретных примерах раскрывается многообразие средств и методов, используемых империализмом в так называемой психологической войне против государств социалистической системы. Особое внимание уделяется раскрытию целей, преследуемых реваншистскими кругами ФРГ по отношению к социалистической Чехословакии, борьбе социалистических стран за сохранение безопасности в Европе и за укрепление социалистического содружества. Автор книги приводит ряд новых интересных материалов, касающихся теории и практики антикоммунизма, нашедших свое выражение в «чехословацком эксперименте» 1968 г.

Милош Марко

Психологическая война и «чехословацкий эксперимент»

*Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. В. Моисеенко*

Художественный редактор *В. Н. Тихунов*. Художник *Н. Б. Старцев*

Технические редакторы *И. А. Макагонова, Т. И. Анурова*

Сдано в набор 19/V 1972 г. Подписано к печати 29/VIII 1972 г. Бумага № 2.
Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 9,1. Тираж 10 000.
Тип. зак. 1126. Цена 56 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука», Ленинград, В-199034, 9 линия, д. 12

1968 ГОД.
ОБЪЕКТ АТАКИ —
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Успешное воплощение в жизнь великих идей марксизма-ленинизма — вот что прежде всего определяет эпоху, в которую мы живем. Треть человечества, вставшая под знамя социализма, является главной силой прогрессивного общественного развития.

Современный капитализм, погрязший в неразрешимых противоречиях углубляющегося общего кризиса, вынужден приспособливаться к новым условиям. Скомпрометированный в глазах народов мира, он уже не может открыто провозглашать свои действительные планы и вынужден создавать новую сложную систему идеологического прикрытия своей эксплуататорской и агрессивной природы.

Стремление империализма повернуть колесо истории вспять обречено на провал. Однако пока не закончилась эпоха перехода от капитализма к коммунизму, эксплуататоров не покидают надежды на реставрацию капиталистических порядков. Все области общественной жизни — экономика, политика, идеология, культура — являются сегодня ареной исторической борьбы сил прогресса и социализма против сил империалистической реакции. Где и когда может, империализм ведет открытую агрессивную войну, не останавливаясь перед применением новейшего оружия массового уничтожения. Там, где таких возможностей у него нет, он ищет другие пути, средства и методы. «Психологическая война» — война за умы и души населения социалистических государств — является ныне, по мнению идеологов империализма, тем, что может обеспечить достижение его неизменной стратегической цели — уничтожение социализма. Психологическая война есть средство продолжения той же реакцион-

ной политики империализма, что и войны в прямом и обычном смысле этого слова, те войны, «локальные» или «глобальные», в которые уже не раз он ввергал человечество.

Борьба двух противоположных идеологий, борьба, не знающая компромиссов, пронизывает всю жизнь современного общества. При этом теоретики и практики идеологической диверсии (другим термином и нельзя обозначить изоэтранные и коварные приемы, разрабатываемые и применяемые ими) исходят из постулата, наиболее четко сформулированного небезызвестным Э. Бжезинским, постулата, гласящего, что идеологические изменения якобы происходящие в социалистических странах, будут одновременно содействовать проведению политических перемен.

На возрождение и стимулирование антикоммунистических и националистических тенденций, в первую очередь тех, которые принимают форму антисоветизма, делают сейчас основную ставку идеологи и стратеги империализма. Чтобы вырвать отравленное оружие из грязных рук «зеленых беретов» от идеологии, нужно знать и суть различных стратегических и тактических доктрин и теорий, которые они вырабатывают и пропагандируют («наведения мостов в Восточную Европу», «дифференцированного подхода» к социалистическим странам, «мягкого проникновения»), и их повседневную практику — приемы, средства, формы организации новейшей машины идеологической экспансии.

Следует иметь в виду, что идеологическая война против коммунизма ныне возведена в ранг государственной политики. Мощные комплексы исследовательских и пропагандистских, разведывательных и военных центров и организаций создаются и финансируются прямо или косвенно правительствами империалистических государств, а их деятельность тщательно координируется на различных уровнях вплоть до высшего — в рамках агрессивных блоков. Нельзя забывать и то, что приходящие на смену друг другу внешнеполитические концепции, будь то теория «наведения мостов» или «новая стратегия в интересах мира», каждый раз опираются на соответствующие военные доктрины «гибкого реагирования» или «наращивания военной мощи» для «реалистического сдерживания».

Книга Милоша Марко является одной из первых попыток анализа того, как концепции ведения психологической войны, разрабатываемые в «мозговых бункерах» ведущих империалистических государств, их авторы пытались практически применить в 1968—1969 гг. в Чехословакии. На этот раз, как известно, для достижения неизменной стратегической цели империализма испытывалась новая тактика, отличная от той, которая была несколько ранее применена в Венгрии. Причем, как и в Венгрии, на этот раз речь шла не только о попытке империализма опрокинуть социалистический строй в Чехословакии, «речь шла о попытке нанести таким путем удар по позициям социализма в Европе в целом, создать благоприятные условия для последующего натиска на социалистический мир со стороны наиболее агрессивных сил империализма»¹.

В 1968 г. удар был направлен против социалистического государства, значение которого определялось не только его ключевым географическим и военно-стратегическим положением в Европе, но прежде всего весомостью того вклада, который оно вносило в общую борьбу прогрессивных сил мира, сил социализма с империалистической реакцией.

Чехословацкие события конца 60-х годов явились одной из крупнейших битв между социализмом и империализмом. Смысл и ход этой битвы нельзя понять, не оглянувшись на исторический путь, пройденный народами Чехословакии за последние четверть века.

Этот кратчайший исторический срок потребовался трудящимся Чехословакии для ликвидации частнособственнических производственных отношений, эксплуатации человека человеком, утверждения новых, социалистических форм жизни в городе и деревне, значительного подъема благосостояния народа, науки, просвещения, культуры. Опыт создания нового общества, приобретенный народами Чехословакии, подтвердил, что общие принципы и закономерности строительства социализма в полном объеме действительны и для страны, вступившей на путь социалистического строительства в стадии промышленно развитой экономики.

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, стр. 14—15.

Героическими трудовыми усилиями народа, целенаправленными действиями Коммунистической партии в Чехословакии было построено новое общество, обеспечивающее всестороннее развитие человеческой личности, высокий материальный уровень жизни, прочную безопасность государственных границ. Весь опыт развития страны еще раз подтвердил непреложную истину о всепобеждающей силе идей марксизма-ленинизма.

Строительство нового общества, тем более в развитом индустриальном государстве, требует неустанных поисков новых средств и методов хозяйственного, политического и идеологического руководства при строгом учете общих объективных закономерностей.

В этих поисках нового не исключены промахи и неудачи. Их не избежала социалистическая Чехословакия.

Дискуссия перед XIII съездом КПЧ в 1966 г. и сам съезд вскрыли многие из этих недостатков и ошибок, а также нездоровые тенденции в жизни партии и страны. После январского Пленума ЦК КПЧ 1968 г. новое руководство партии во главе с А. Дубчеком не сумело, однако, сделать из этого необходимые выводы. Оно дало возможность правым и антисоциалистическим силам использовать в своих целях стремление партии и народа к устранению ошибок и недостатков прошлых лет. Руководство партии не дало ответа ни на один из поставленных жизнью вопросов, ибо оказалось политически разнородным, ослабленным правыми ревизионистами. Опираясь на сформировавшееся еще до января фракционное ядро правооппортунистической оппозиции, эти, как они величали себя, «мужи января», проникшие в руководящие партийные органы, с мелкобуржуазных, социал-демократических, а то и анархистских позиций критиковали и отвергали весь прошлый теоретический и практический опыт международного коммунистического движения и КПЧ, пропагандировали некую «улучшенную», «новую модель» социализма, «социализма с человеческим лицом», а по сути — старую реформистскую и националистическую идею некоего чехословацкого «демократического социализма».

Национализм и антисоветизм стали главным идейным оружием правых оппортунистов внутри партии. Именно на этой основе они постепенно сближались с контрреволюционными элементами вне ее. Логика политической борьбы толкала правых к союзу с откровенной реакцией,

консолидировавшейся в различных легальных и полуполитических объединениях, идеологически и материально связанных с зарубежными антикоммунистическими центрами. Постепенно сформировался политический блок праворевизионистских и антисоциалистических сил. Его составные части хотя и расходились в идеологических и тактических вопросах, однако выступали единым фронтом в борьбе против партии и союза с СССР. Один из руководителей Клуба-231 И. Бродский откровенно заявил в своей книге, недавно опубликованной на Западе: «Мы все сходились в том, чего мы не хотели, — гораздо меньше было ясности в том, что мы желали. В одном мы все были едины: необходимо уничтожить систему, полностью ее выкорчевать, перебить ее носителей и исполнителей»². Эти тенденции нашли свое выражение в опубликованном в конце июля 1968 г. откровенно контрреволюционном политическом памфлете «2000 слов», явившемся прямым руководством к насильственным действиям и разрушению социалистической общественной системы. Все это происходило тогда, когда Чехословакия стала объектом особенно острой идеологической экспансии антикоммунистических центров на Западе.

Так называемый чехословацкий эксперимент, планируемый стратегами империализма и осуществляемый руками правых оппортунистов, должен был стать новым веским аргументом, оправдывающим ревизию марксистско-ленинских принципов строительства социалистического общества. Характерно, что, атакуя социализм, и праворевизионистские и антисоциалистические силы, и антикоммунистические центры за рубежом сосредоточили огонь на главных, общих принципах социализма — руководящей роли марксистско-ленинской партии, ведущей роли рабочего класса, централизованном планировании.

Реакция лишь до поры до времени не прибегала к тем же формам и методам борьбы, которые она применяла, например, в Венгрии, где она с самого начала действовала более или менее открыто. Однако эта так называемая «ползучая контрреволюция», как свидетельствуют факты, ждала лишь своего часа.

Многое в обстановке 1968 г. напоминало канун событий двадцатилетней давности — февральских событий

² Цит. по: «Rudé právo», 28.V 1971.

1948 года. Как и тогда, основные усилия реакции были направлены на раскол рабочего движения, на ослабление руководящей силы общества и государства, коммунистической партии, на подрыв дружеских связей с СССР и социалистическими странами, переориентацию внешней политики республики. Недаром на тайных собраниях прямо говорилось о грядущем «антифеврале».

Объективный анализ событий 1968 г., проведенный Пленумом ЦК КПЧ в декабре 1970 г., свидетельствует, что к августу 1968 г. идеологическая борьба переросла в борьбу за власть. Республика оказалась на грани гражданской войны. Блок ревизионистских и антисоциалистических сил нашел всестороннюю политическую, моральную и материальную поддержку на Западе, ибо в Чехословакии перед империалистическими стратегами, казалось, открывалась возможность осуществления их долго и тщательно разрабатываемых планов. В то же время внутренние силы, преданные социализму, парализованные действиями представителей правых в руководстве партии и государства, не были в состоянии мобилизоваться и отразить фронтальный натиск контрреволюции ни политическими средствами, ни с помощью государственной власти. В этих условиях должен был вступить в действие высший принцип интернациональной солидарности, зафиксированный в братиславском коммюнике шести братских партий, принцип, гласящий, что защита социализма является общим делом всех социалистических государств. Необходимо было предотвратить неизбежную кровавую трагедию, гибель тысяч людей даже ценой того, что первоначально вступление союзнических войск государств Варшавского Договора на территорию Чехословакии встретится с непониманием как внутри страны, так и за ее рубежами.

«Этот интернациональный акт, — констатирует документ, принятый декабрьским Пленумом ЦК КПЧ, — спас жизнь тысяч людей, обеспечил внутренние и внешние условия для мирного и спокойного труда, укрепил западные границы социалистического лагеря и разрушил надежды империалистических кругов на пересмотр результатов второй мировой войны»³.

³ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». М., 1971, стр. 45—46.

Здоровое марксистско-ленинское интернационалистское ядро партии в трудной и сложной обстановке послеавгустовских дней постепенно разворачивало все более решительную политическую борьбу за завоевание на свою сторону всех честных членов партии и граждан республики, за разоблачение и изоляцию ревизионистских, националистических и антисоциалистических элементов и создало предпосылки для того, чтобы в апреле 1969 г. были проведены кардинальные перемены в партийном руководстве и решительный поворот в политике партии.

Новое руководство партии и государства в короткие сроки осуществило идейно-политический и организационный разгром праворевизионистских и антисоциалистических сил и их центров, приняло решительные меры по очищению и укреплению государственного аппарата, укреплению социалистического характера политической системы Национального фронта, стабилизации экономики. Важнейшим условием преодоления кризисных явлений в общественно-политической и экономической жизни страны, гарантией дальнейшего успешного строительства социализма явилось восстановление идейного и организационного единства партии, ее боеспособности, очищение всех звеньев ее от носителей ревизионистских взглядов.

XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии, собравшийся в мае 1971 г., явился историческим рубежом, который завершил сложный и поучительный период истории чешских и словацких трудящихся и стал началом нового этапа их деятельности, направленного на укрепление и развитие своей социалистической родины.

Силы международной и внутренней реакции проиграли свою битву в Чехословакии. События в Чехословакии — еще одна убедительная демонстрация той непреложной истины, что самой надежной гарантией против любых попыток ослабить социалистическое содружество, лишить трудящихся их исторических завоеваний является единство и сплоченность народов социалистических государств.

Идеологи и практики антикоммунизма в многочисленных публикациях, вышедших на Западе, откровенно признали и то, что «чехословацкий эксперимент» являлся попыткой проверить возможность реставрации капитализма, и то, что попытка эта оказалась неудачной.

«Эксперимент», по их мнению, провалился потому, что Запад, с одной стороны, недооценил способность и реши-

мость социалистического содружества к действию, а с другой — переоценил силы и способности чехословацких врагов социализма. Признавая, что Запад принял желаемое за действительное и поэтому оказался у разбитого корыта, они не хотят, однако, понять, что в Чехословакии, и прежде всего в ее рабочем классе, нашлись силы, верные идеалам социализма, и именно эти силы, получившие своевременную и действенную помощь своих друзей и союзников, сорвали планы реставрации капиталистических порядков. Провал авторов разнообразных концепций «уничтожения» коммунизма и их незадачливых чехословацких единомышленников, нашедших убежище на Западе, — лишь повод для очередного пересмотра ими своей стратегии и тактики, для подготовки новых «экспериментов». И об этом нельзя забывать. Нет сомнения, что поражение врагов социализма в Чехословакии стало еще одним фактором, содействовавшим переменам к лучшему, происходящим ныне на Европейском континенте.

Однако нельзя не видеть, что реально мыслящим политическим деятелям, в частности в Федеративной Республике Германии, противостоят силы реванша и милитаризма, упорно препятствовавшие ратификации договоров СССР и ПНР с ФРГ, подтверждению нерушимости границ между двумя германскими государствами и продолжающие сопротивляться удовлетворению справедливого требования Чехословацкой Социалистической Республики признания недействительным мюнхенского соглашения с самого начала со всеми вытекающими отсюда последствиями. У этих сил есть союзники и за Ламаншем, и за океаном, стремящиеся сохранить ФРГ как европейский опорный пункт стратегов психологической войны, как базу для идеологических и не только идеологических диверсий против Чехословакии и других социалистических государств. «Мы живем в условиях неутраченной идеологической войны, — указывал Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС, — которую ведет против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда, используя самые изощренные приемы и мощные технические средства»⁴.

Об этом еще раз напоминает и публицистическая книга М. Марко.

⁴ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, стр. 113.

ОТ АВТОРА

Когда мы приступили к подготовке настоящего издания книги «Психологическая война и «чехословацкий эксперимент» — по истечении трех лет после ее написания, — то у нас не возникло необходимости вносить какие-либо поправки в ее основные главы.

В 1968—1969 гг. правооппортунистическим силам КПЧ и антисоциалистическим силам в государстве при всесторонней политической, моральной и материальной поддержке антикоммунистических сил извне удалось осуществить «эксперимент», подобных которому в истории было не так уж много. Государство было приведено в состояние глубокого кризиса, создалась контрреволюционная ситуация, которая грозила перерасти в кровавый террор. Речь шла о попытке контрреволюционного переворота, в которой участвовали правые оппортунисты, находившиеся в рядах партии, поддерживаемые внутренними антисоциалистическими силами и зарубежными диверсионными центрами.

В Чехословакии об этом написано немало статей, книг, опубликованы официальные документы, вскрывающие корни возникновения этой ситуации и обстоятельства, которые предотвратили кровавые события и привели к ликвидации состояния глубокого кризиса нашей партии и общества.

Первое издание, однако, необходимо было дополнить в той его части, которая касалась положения, сложившегося в нашей стране по прошествии трех лет, и уроков, которые извлекли КПЧ и социалистическое государство из ошибок и недостатков прошлого, из факта наличия антикоммунистических тенденций как у нас на родине, так и за рубежом.

Первоначальное издание следовало прокорректировать и в главах, касающихся антисоциалистических и антикоммунистических тенденций в мире. Следовало также отметить, что, несмотря на антикоммунистические усилия наиболее реакционно настроенных кругов империалистических государств, в мире, в частности даже в соседней Федеративной Республике Германии, нашлись реалистические силы, стремящиеся устранить основные препятствия на пути к нормализации отношений и создать условия для экономического и политического сотрудничества с социалистическими странами, и в частности с ЧССР. Необходимым оказался и материал, посвященный судьбам послеавгустовской эмиграции, тем людям, которые бегством за границу и работой в диверсионных империалистических центрах показали свое истинное лицо.

Первоначальный текст книги автор дополнил некоторыми цитатами из официальных документов, ярко свидетельствующими не только об окончательном поражении антисоциалистических сил в Чехословакии, но также и о серьезных выводах, которые сделали прогрессивные силы всего мира из событий в Чехословакии.

МЕТОДЫ И ВАРИАНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Исходные позиции антикоммунистической политики

Империалистическая политика по отношению к социалистическим странам с начала 60-х годов претерпела ряд изменений. В результате перегруппировки сил в мире и под влиянием изменений, произошедших в ряде государств, американский внешнеполитический курс «холодной войны» против социалистических стран оказался в состоянии кризиса. Империализм начал искать новые пути для осуществления своей неизменной стратегической цели — уничтожения социализма. Д. Ф. Кеннеди 14 июня 1960 г. заявил: «Наша задача состоит в том, чтобы обновить свою силу и силу свободного мира, для того чтобы доказать Советам, что время и историческое развитие работают не на них, что соотношение сил в мире не изменяется в пользу Советов. В понятие реальной силы мы включаем равномерный темп роста экономики, науки и техники, военной силы, влияние во вновь образованных независимых государствах, нашу систему, образование, силу, жизнеспособность и влияние нашего образа жизни».

Появилось новое направление в империалистической политике — «освобождение социалистических государств», предусматривающее поиски нового пути, постепенной и более тщательной разработки программы «ослабления экономической и идеологической зависимости этих стран от СССР».

Правящие круги США пришли к выводу о бесперспективности военного конфликта со странами социалистической системы, они поняли, что развязывание глобальной ядерной войны в современных условиях явилось бы для них самоубийством. Настало время, когда они уже не могли игнорировать соотношение политических сил,

сложившееся на мировой арене, и были вынуждены принять его во внимание при общей оценке своей внешней политики, при поисках других, не военных путей, которые бы, однако, также вели к поражению социализма, т. е. к достижению той стратегической цели, от которой они никогда не отказывались.

Эти изменения нашли свое практическое выражение в так называемой «великой стратегии», разработанной правительством Кеннеди. В ней отразились поиски новых отношений и к капиталистическим странам (лозунг «взаимозависимости»), и к развивающимся («помощь», «новые отношения», «сотрудничество» и т. п.), и к социалистическим («глобальная стратегия»). В отношении к Советскому Союзу США стали прилагать усилия для создания так называемой взаимнезависимости, которая бы тем не менее вела к ослаблению его позиций.

Основой новой политики по отношению к социалистическим странам стало не выступление против социалистической системы как единого целого, а выявление различий и специфики отдельных государств и изыскание дифференцированного подхода к ним. Правительство США начало использовать даже малейшие различия во взглядах в рядах международного коммунистического движения с целью подрыва единства социалистических стран и ослабления их связей с СССР, искать наиболее эффективные способы идеологического воздействия на социалистические страны, изыскивать любую возможность оказывать влияние на их внутреннее развитие с тем, чтобы постепенно реставрировать капитализм.

Официально это именовалось концепцией «объединения мира».

При исследовании источников возникновения этой концепции и в особенности последующей теории, разработка которой началась вскоре после прихода к власти Л. Джонсона, обращают на себя внимание рассуждения западногерманского теоретика Алларда фон Шака¹. В противовес политике мирного сосуществования и соревнования Шак выдвигает необходимость сотрудничества и координации государств западной системы. «Сегодня наиболее

¹ A. von Schack. Der geistige Kampf in der Koexistenz, Aussenpolitik. «Zeitschrift für internationale Fragen». Stuttgart, 1962.

важным является идеологическое наступление, при этом следует различать методы и средства, которые необходимо применять в странах, где противник захватил определенные позиции, от методов и средств, которые необходимо применять в странах, руководимых коммунистами. В этом последнем случае следует добиться такого духовного простора, чтобы идейный противник был вытеснен из сознания населения».

Шак предлагает выждать благоприятную «революционную ситуацию», при которой необходимо использовать имеющиеся возможности в соответствии с конкретными условиями. «Западный мир и нейтральные государства, — сокрушается Шак, — имеют множество удобных случаев, однако у них нет единства, которое бы дало возможность координировать действия в коммунистических странах».

Шак предлагает организовать единый штаб планирования ведения психологической войны и определяет задачи этого центра следующим образом:

- изучение и оценка ситуации в отдельных странах;
- выработка комплекса общего идейного богатства и отбор «кристаллизующих лозунгов»;
- воспитание людей для выполнения специальных заданий в духе борьбы против коммунизма;
- централизованное руководство средствами пропаганды и агитации;
- согласование внешней политики некоммунистических стран со стратегией и тактикой, выработанной этим центром.

Автор указывает на то, как могут быть использованы национальные трения, религиозные пережитки, такие человеческие слабости, как любопытство, женское тщеславие, жажда развлечений, а также пассивное сопротивление и саботаж.

Он предлагает использовать конгрессы, дискуссии, почтовые связи и культурный обмен для установления контактов; рекомендует использовать молодых людей, стремящихся познать мир и склонных критически судить о своем окружении. «Таким образом, люди из социалистических государств сознательно или бессознательно станут носителями идей Запада, а это явится предпосылкой для внутренних изменений и переворота в государственных устройствах этих стран».

Далее он рекомендует дифференцированный подход к странам Восточной и Центральной Европы, дифференцированный подход к различным слоям населения (например, к «новому классу»), к слоям, которые когда-то жили лучше. Автор предлагает также использовать ту часть населения, которая тяготеет к западной культуре, те слои, которые хотели бы немедленно жить лучше.

По отношению к ПНР, ВНР и ГДР он предлагает использовать различные национальные, исторические и социальные факторы. Особенно это касается ГДР, где, на его взгляд, имеется благоприятная ситуация, однако он советует учесть горький опыт событий 17 июня 1953 г. и предостерегает от того, чтобы недовольство преждевременно не переросло в открытое восстание, которое в таком случае оказалось бы неудачным.

Аналогичные же принципы выдвигает другой представитель западногерманского империализма Франц Йозеф Штраус: «Наше идейное богатство необходимо исподволь психологически искусно внедрять в общественную жизнь коммунистических стран с помощью всех средств современной пропаганды. . . Люди в коммунистических странах станут, таким образом, сознательными или бессознательными носителями идей Запада, будет создана атмосфера всеобщего недовольства, что явится предпосылкой для ненасильственных внутренних преобразований и перемен в этих государствах. Непрерывной деятельностью, которая утомит противника, необходимо ускорить этот естественный процесс. . . Обстановка в Европе создает возможности для успешного ведения психологической войны со стороны Запада»².

Психологическая война и средства массовой информации

В настоящее время на Западе существуют хорошо оснащенные институты, разрабатывающие различные теории, являющиеся основой для создания новых методов действий империалистических стран против социалистического лагеря. К интенсивно разрабатываемым теориям

² «Aussenpolitik», N 11, 1962.

буржуазных политиков относилась одно время теория воздействия на «эли́ту». Однако вскоре как в области самой доктрины, так и в области ее практического применения стала преобладать точка зрения, что эффективность психологической войны определяет деятельность средств массовой информации.

Еще до второй мировой войны в американской «Энциклопедии социальных наук» (*Encyclopedia of the Social Sciences*) Лассуэлл писал: «Пропаганда на международной арене превращается в одно из важнейших средств передачи давления, которое действует в направлении разрыва уз традиционного социального порядка»³. После второй мировой войны в связи с расширением экспансионистских планов американского империализма Лассуэлл развил свою концепцию следующим образом: «Пропаганда наряду с дипломатией, экономическими мероприятиями и вооруженной силой становится инструментом тотальной политики. Политическая пропаганда — это использование средств связи и информации в интересах власти. . . Цель заключается в экономии материальных затрат на мировое господство»⁴.

Термином «психологическая война» первоначально в империалистических странах обозначалась пропаганда в ходе войны, пропаганда, которая непосредственно служила военным целям. Д. Лернер — в годы второй мировой войны ответственный сотрудник американской пропагандистской службы — в связи с этим писал: «Среди основных перемен, вызванных переходом от мира к войне, можно назвать следующие. . . санкции становятся экономической войной, дипломатия становится войной политической, пропаганда становится психологической войной»⁵.

Подобную формулировку содержит и официальный американский военный словарь, изданный в 1948 г. В статье «Ведение психологической войны» (*Psychological warfare*) мы находим следующую ее характеристику: «Это планомерные пропагандистские мероприятия, оказывающие влияние на взгляды, эмоции, позиции и поведение вражеских, нейтральных или дружественных

³ *H. Lasswell. Propaganda. «Encyclopedia of the Social Sciences», vol. 12. New York, 1934, p. 256.*

⁴ «*Propaganda in War and Crisis*». New York, 1951.

⁵ *D. Lerner. Sykewar. New York, 1949, p. 6.*

иностранных групп с целью поддержки национальной политики»⁶.

Новое издание военного словаря в 1950 г. содержало уточненную формулировку, на которую обратил внимание Ю. Арбатов в статье «Внешнеполитическая пропаганда империализма»: «Психологическая война — планомерное использование нацией или группой наций пропагандистских или соответствующих информационных мер, направленных на вражеские, нейтральные или дружественные группы с тем, чтобы повлиять на точки зрения, эмоции, позиции и поведение в интересах поддержки и целей данной нации или группы наций»⁷.

«Психологическая война», таким образом, понимается как определенный комплекс пропагандистских методов, к которым принадлежат и так называемые неортодоксальные методы, применяемые ранее преимущественно в ходе войны, а затем и во внешнеполитической пропаганде мирного времени. Так, например, американские стратеги различают наряду с так называемой «белой» «серую» и «черную» пропаганды как легальное средство для мирного времени.

Что же, собственно, скрывается под этими терминами? В американском армейском наставлении «Ведение психологической войны» говорится:

«1. «Белая» пропаганда — это пропаганда, которая распространяется и признается источником или его официальными представителями.

2. «Серая» пропаганда — это пропаганда, которая не идентифицирует специально свой источник.

3. «Черная» пропаганда — это пропаганда, которая выдается за исходящую из иного источника, чем подлинный»⁸.

В учебнике «Психология для вооруженных сил» указывается, что «серая» и в еще большей степени «черная» пропаганда имеют преимущество безответственности, так

⁶ «Department of the Army, Dictionary of US Military Terms for Joint Usage», 1948.

⁷ Ю. Арбатов. Внешнеполитическая пропаганда империализма. «Мировая экономика и международные отношения», № 2, 1966, стр. 33.

⁸ «Department of the Army, Psychological warfare Operations», p. 8.

как позволяют распространять слухи и скандальные истории, не дискредитируя собственное правительство⁹.

Империалистическая пропаганда рассчитывает не столько на идеологию или убеждения людей, сколько на различные методы, непосредственно влияющие на их поведение. Так, например, Г. Шпейер в работе «Пересмотр основ психологической войны» категорически выступает против «идеологического убеждения», против попыток «обращения людей». По его мнению, самое важное — это привести объект пропаганды непосредственно к «политически уместным» оппозиционным действиям, конкретнее — к недобросовестной работе, к актам диверсии, к распространению сплетен, к организационному объединению педовольных или нелегально действующих лиц.

В сущности речь идет о попытках заменить идеологическое оружие различного рода провокациями и тем самым привести объекты пропаганды к нужным целям. Подобного рода направление приближает пропаганду к диверсионной и шпионской деятельности.

В «черной» пропаганде вообще трудно различить, где кончается пропаганда и начинается диверсия. Не случайно проведение «черных» операций в большей своей части доверяется секретной службе. Наконец, в Великобритании и ФРГ термин «ведение психологической войны» или «ведение политической войны» получил значительно более широкий смысл и относится не только к пропаганде, но включает в себя различного рода подрывную деятельность. Стирание граней между пропагандой и шпионажем, диверсией и террором является особенностью «ведения психологической войны», берущей свое начало из теории и практики фашистской пропаганды. Немецкий специалист по этим вопросам Э. Хадамовски писал, что «пропаганда и террор не являются чем-то противоположным друг другу. На деле насилие может быть составной частью пропаганды»¹⁰.

Наряду со всевозможными «текущими» диверсионными заданиями агентура преследует также и стратегическую цель (в западногерманской и американской литературе пишется и о «субверсии»), в частности атомизацию обще-

⁹ «Psychology for the Armed Services». Washington, 1945, p. 493.

¹⁰ E. Hadamowski. Propaganda und die Nationale Macht. Oldenburg, 1933, S. 81.

ства, то есть «подрыв политической и социальной структуры страны-объекта до такой степени деградации национального сознания, что государство становится не способным к сопротивлению»¹¹. Поэтому одновременно с этой деятельностью теоретики американской разведки разрабатывают также так называемую повстанческую деятельность, которая якобы поможет достичь желаемого. Эта деятельность определяется ЦРУ как «постоянная борьба, ведущаяся методически и шаг за шагом приближающая к достижению промежуточных целей, которые впоследствии делают возможным падение существующего режима»¹².

Обширный реестр методов антикоммунистической пропаганды

Методы диверсии бывают различными в зависимости от обстоятельств. Прошлое дает тому достаточно примеров: от открытой интервенции в Испании до пятой колонны в Чехословакии и в других оккупированных гитлеровскими фашистами странах; от поддержки контрреволюции в Венгрии до передачи военных и других стратегических задач агентами ЦРУ некоему государству. США перешли от старомодного шпионажа к современным методам ведения психологической войны, используя при этом «научно-исследовательские институты», «теоретические конференции» и университетские «коллоквиумы».

К сфере психологического воздействия относятся также развлечения — переключение интереса различных слоев населения от социальных проблем к сексу, интимной жизни кинозвезд и гангстеров, к уголовным сенсациям, а также к различным формам пустого времяпрепровождения. Значительным стимулом остаются религиозные пережитки, распространение фальшивых мифов и суеверий, терпимое отношение к употреблению препарата ЛСД. Истинные методы и цели подобного рода деятельности иногда прикрыты благопристойными фразами. Ведущий сотрудник Информационной службы Соединенных Штатов (ЮСИА) Томас Соренсен говорил на симпозиуме по

¹¹ P. W. Blackstock. *The Strategy of Subversion. Manipulating the Politics of other Nations*. Chicago, 1964, p. 49.

¹² David Galula. *Counterinsurgency Warfare*. New York—London, 1964, p. 4.

вопросам пропаганды: «...задачи американской пропаганды состоят в том, чтобы создать за границей благоприятную атмосферу, способствующую осуществлению внешнеполитических целей Соединенных Штатов... и чтобы создать представление о США как о прогрессивной и демократической державе, стремящейся к сотрудничеству со всеми свободными государствами с целью проведения в жизнь своего внешнеполитического курса»¹³.

Эта политика имела своим последствием реорганизацию и усиление всего внешнеполитического и пропагандистского аппарата, что, в частности, находит свое выражение в постоянном росте бюджета одного из главных распространителей «белой» пропаганды Информационной службы США (с 84,2 млн. долларов в 1954 г. до 170 млн. долларов в 1967 г.).

Антикоммунистическая пропаганда переходит от лобовой атаки к научно руководимому наступлению против отдельных стран или определенных общественных слоев. Согласно мнению американских специалистов, сегодня в задачи дипломатии входит не только предусмотреть следующий шаг противника или его правительственных кругов, но и предвидеть, какое влияние будет иметь тот или иной шаг (аргумент) на общественное сознание — психологию масс противника. В секретных сообщениях характеризуются некоторые из этих исходных позиций и принципов: «Определенные цели внешней политики могут быть достигнуты скорее путем контакта непосредственно с населением иностранных государств, чем с их правительствами. Использование современной аппаратуры и информационной техники создает в настоящее время возможность информировать большую или влиятельную часть нации, воздействовать на ее поступки, а иногда и стимулировать действия определенного рода. Эти группы населения впоследствии способны оказать значительное, в конечном счете решающее давление на свои правительства»¹⁴.

Режиссеры и творцы антикоммунистической пропаганды все больше объединяются вокруг концепции, которая подчеркивает психологическую сторону дела: посредством

¹³ «Propaganda and the Cold War — A Princeton University Symposium». Washington, 1963, p. 65.

¹⁴ Из сообщения подкомитета американского конгресса о состоянии идеологических операций от 17.IV 1964 г.

эмоций воздействовать на разум человека, вызывать глубокие психологические потрясения. Л. Фразер в этой связи прямо ставит вопрос: «На какие эмоции прямо или косвенно пропаганда может воздействовать?» И тут же отвечает: «На любые — на простые эмоции вроде страха, на сложные — такие, как гордость или любовь к приключениям, на недостойные эмоции вроде жадности или на добрые — такие, как сострадание или самоуважение, на эгоистические эмоции вроде честолюбия или альтруистические, такие, как любовь к семье. Все человеческие эмоции и инстинкты в то или иное время давали пропагандистам средства влиять (или пытаться влиять) на поведение тех, кто служит для них мишенью»¹⁵.

Еще более откровенно пишет профессор Й. Эллюил из Бордоского университета. «В пропаганде, — пишет он, — речь идет уже отнюдь не о том, чтобы открыто писать в газете или говорить в радиопередаче, что именно, согласно желанию пропагандиста, индивид должен думать или чему он должен верить. Фактически проблема ставится так: заставить такого-то и такого-то думать то-то или, точнее, заставить определенную группу людей действовать определенным образом. Как этого достигают? Людям не говорят прямо: «Действуйте так, а не иначе», — но находят психологический трюк, который вызывает соответствующую реакцию. Этот психологический трюк называют «стимулом». Как видим, пропаганда, таким образом, уже не имеет ничего общего с распространением идей. Речь идет теперь не о том, чтобы распространять идеи, а о том, чтобы распространять «стимулы», то есть психологические и психоаналитические трюки, которые вызывают определенные действия, определенные чувства, определенные мистические порывы»¹⁶.

Разумеется, ни в коем случае не имеется в виду утверждение в пропаганде принципа какой-то безыдеологичности, однако сами идеологические категории используются здесь как «стимулы», направленные на возбуждение эмоций и инстинктов с целью перетянуть на определенную сторону или подтолкнуть в соответствующем направлении человека, социальную группу или целый народ. Это ни

¹⁵ L. Fraser. Propaganda. London, 1957, p. 1, 7, 10.

¹⁶ Цит. по кн.: R. Wüst. La guerre psychologique. Lausanne, 1954, p. 116.

в коем случае не означает, что проблема идеологической борьбы недооценивается, а, наоборот, понимается как настоящая война, называемая психологической.

Методы манипулирования общественным мнением

Пропаганда, распространяемая империалистическими центрами, руководствуется определенными принципами, выработанными квалифицированными специалистами в области психологии и институтами по изучению общественного мнения. Исходя из теоретических работ, а также из практики империалистической пропаганды в области средств массовой информации, можно констатировать следующее.

Принцип «всеобщей ясности» подчеркивает, что в пропаганде должны использоваться некоторые слова или выражения, так тесно связанные с общепринятыми идеями или представлениями, что они уже сами по себе являются убедительными и не требуют дополнительных доказательств, поддержки или информации. Это относится к таким понятиям, как любовь к родине, к семье, стремление к личной свободе и т. п. Этот принцип основывается на таких всеобщих понятиях, как мир, право, свобода, которые заставляют человека принимать их, не спрашивая об их историческом толковании и не требуя доказательств, для чего они предлагаются.

Принцип «свидетельских показаний» означает необходимость придать пропагандируемому сообщению официальную видимость авторитета. Отдельные популярные личности или группы выдаются за людей, близких аудитории, взгляды которых эквивалентны точке зрения «простых, обычных людей».

Метод «упрощения» сужает предмет пропаганды до ясного, точного и догматического утверждения. Сложные явления изображаются как простые и легкие для понимания. Психологической предпосылкой применения этого метода является спекуляция на известных человеческих слабостях, спекуляция, которая заставляет поверить, что нет ничего непонятного для «обыкновенных» людей, т. е. просто-напросто спекуляция на подсознательной тяге к упрощению путем примитивного объяснения сложных проблем.

«Правдивость и правдоподобность», по мнению стратегов современной психологической войны, является одним из главных условий успеха пропагандистской операции. Достаточно один или два раза злоупотребить ложью, чтобы все дело было безвозвратно испорчено. Фразер заявляет: «Не лги, если есть угроза разоблачения, и помни, что со временем тебя, по всей вероятности, а может быть, наверняка, разоблачат»¹⁷. Западные творцы методов психологической борьбы ратуют не столько за правдивость, сколько за правдоподобность. Между обоими этими понятиями они проводят строгую грань и придерживаются той точки зрения, что пропаганда не должна всегда содержать «всю» правду. На этот принцип указывает известный журналист и политический деятель Р. Кроссмен, который в военное время работал в области психологической войны. Он утверждает: «Задолго до того, как вы будете пытаться деморализовать, разубедить или переубедить, перед вами в качестве первой встанет задача — заставить себе поверить» — и далее: «С точки зрения психологической войны поражение создает огромные возможности, особенно если вы искусны и говорите, что поражение еще более тяжкое, чем оно есть на деле. Вы должны быть откровенны на сей счет, более откровенны, чем сами факты. Тогда вы действительно начнете завоевывать доверие противника»¹⁸. Можно указать в качестве примера на современную пропаганду США, которая как будто бы не скрывала политические, социальные, а подчас и экономические трудности или неудачи в войне (Вьетнам), чем, понятно, спискала себе репутацию некоей объективности и правдивости.

Однако разоблачительные публикации в газетах, поддерживаемых группой монополий, не входящих в военно-промышленный комплекс, лишь подтверждают тот факт, что «свободой печати» пользуются только те печатные органы, за которыми стоят влиятельные силы. Внутри монополистических кругов существует конкуренция, которой время от времени определяются выступления их представителей как в сенате, так и перед общественностью. С этой точки зрения при кажущейся объективности Дэниеля Эллсберга, передавшего для печати так

¹⁷ L. Fraser. Propaganda, p. 13.

¹⁸ W. Daughelty and M. Janowitr. Op. cit., p. 45.

называемые пентагоновские документы, публикация их не представляет собой исключительного явления.

Как писал французский журнал «Планета», по мнению бывшего шефа ЦРУ А. Даллеса, полувоенная акция (т. е. прямая интервенция) и шпионаж дали прекрасный материал для романов и фильмов. Но, несмотря на это, они не принесли мирового господства — этого можно было бы достигнуть лишь с помощью политической и психологической акции. На этом основании ЦРУ «вышло за рамки обычного шпионажа, где, впрочем, не достигло больших результатов, для того чтобы начать действительно современную психологическую войну»¹⁹.

Буржуазные руководящие центры считают лучшей ту пропагандистскую доктрину, которая располагает особо рафинированными методами отбора и комментирования информации, а также обладает способностью фабриковать необходимые факты. В современной буржуазной теории пропаганды можно различить следующие направления²⁰:

а) направление, которое основывается на психологической апелляции; в подсознании человека изыскиваются инстинкты и им подобные источники поведения и оказывается воздействие на них. Это направление пропаганды исключает рациональную сторону человеческого сознания и действия;

б) направление, которое основывается на идеологической информации как основном факторе воздействия на людей.

Центром внимания первого направления являются не идеи и их содержание, но способ, с помощью которого возможно подвести индивидуума к тому, чтобы он вел себя определенным, требуемым пропагандисту образом. Л. Фразер доказывает, что на поведение людей можно повлиять лишь в том случае, если воздействовать на их интеллект таким образом, чтобы исключить при этом всякую возможность интерпретировать определенные действия людей как следствие работы пропагандиста²¹. В целом же, однако, человеческие действия трактуются как результат воздействия импульсов, которые давят на людей извне, тем самым отрицается роль сознания и мышления.

¹⁹ «La Planète», N 5, 1967.

²⁰ М. Chlupáč. К otázkam modernej marxistickej propagandy. Bratislava, 1969, str. 8.

²¹ L. Frazer. Propaganda, p. 7.

Согласно теории бихевиоризма, на поведение людей оказывают влияние целенаправленно создаваемые ситуации, которые побуждают их к определенным действиям. Пропаганда выполняет свою функцию путем манипулирования объектом, как того требует ее субъект. Поэтому исследовательская работа концентрирует свое внимание не на помощи идеологической системе, а на возможности целенаправленного манипулирования объектом воздействия. Пропаганда, опирающаяся на теорию стереотипов, вообще исключает сознание объекта и принимает во внимание только механизм двусторонних отношений реакции импульс-фиксатор. В данном случае пропаганда оперирует системой стереотипов, с помощью которой, согласно этой концепции, можно формировать любую идеологическую систему²².

На теорию и практику западной пропаганды существенное воздействие оказал венский профессор Зигмунд Фрейд. Его последователи развили далее его теорию о подсознательных стимулах, определяющих поведение людей, однако при этом они не выдвигали на первый план сексуальные мотивы. Психоанализ и методы глубинной психологии прежде всего используются в рекламе, а также в пропаганде политических тезисов. Психологи и пропагандисты ищут подсознательные или не полностью осознанные мотивы человеческого поведения и в зависимости от результатов своих наблюдений избирают соответствующие факторы воздействия, с помощью которых можно повлиять на поведение объекта. Отсюда в литературу пришел термин «манипулируемый гражданин».

Разумное, сознательное поведение людей является препятствием для буржуазной пропаганды, так как оно вызывает реакции и действия, которые невозможно предусмотреть. Поэтому такая пропаганда не считается с активным сознанием, а исключает его. Она стремится к тому, чтобы слушатель воспринял определенные символы идей (такие, как свобода, демократия, политическое равноправие, угроза коммунистической инфильтрации) и чтобы он реагировал на эти символы определенным, желаемым для буржуазной пропаганды образом, к чему его провоцирует соответствующая апелляция. Поэтому средства буржуазной пропаганды ведут полемику с марксизмом не путем

²² W. Lipmann. Public Opinion. New York, 1921, p. 3—4.

сопоставления идей и конфронтации ценностей, а путем активизации соответствующих заранее воспитанных инстинктов. Эта концепция особенно опасна в ситуации объективно меняющихся соотношений классовых сил в мире. Сознательное притупление и усыпление идеологической активности масс, сосредоточение внимания на внеидеологической сфере человеческого существования представляют собой угрозу для классовой и духовной эмансипации трудящегося человека.

Другое направление рассматривает объект как мыслящий индивидуум, который, однако, для формирования своих взглядов требует посредничества людей и созданных для этих целей учреждений. Эта концепция подхода к индивидууму значительно дифференцирована. Ее придерживаются те сторонники доверия к человеческому разуму и способностям человека постигать сложные общественные явления, которые «оперируют» с доверием объекта. Они преподносят индивидууму или достоверные (в зависимости от общественной ситуации и нужд политики), или соответственно интерпретированные данные о действительных событиях. Последователи этого направления манипулируют информацией для того, чтобы объект воздействия воспринял ее в определенной, необходимой пропагандисту форме, а не в первоначальном виде. Й. Мартин утверждает, что, если пропагандист хочет достичь положительных результатов, он должен сочетать благоприятную информацию с неблагоприятной, уменьшать значение отрицательной информации, выдавая ее за незначительную, и одновременно преувеличивать значение положительной информации²³.

К этому же направлению следует отнести тех, которые обращаются с человеческим познанием как с неизбежным объектом пропаганды. Однако индивидуум создает свои преграды против психологизирующей пропагандистской демагогии. У него растет сопротивление ей как чему-то, что несовместимо с научным познанием, к которому тянется человек, окруженный результатами рациональной деятельности. Эта пропаганда несет на себе печать априорности.

Р. Мертон констатирует, что многие американцы напичканы рекламными программами и пропагандой; они

²³ J. Martin. International Propaganda. Mineapolis, 1958, p. 17.

чувствуют, что с ними манипулируют, что их терроризирует пропаганда, что им внушаются определенные мнения и рекомендуются действия, которые далеко не всегда им на пользу и соответствуют их интересам²⁴.

Против деформирующего давления демагогической пропаганды, а скорее против ее ослабевающего воздействия борются рациональные пропагандистские теории. Одной из них является «public relations», теория, выдвигающая на первый план рациональные стороны человеческого познания. Разработанные согласно этой концепции материалы насыщены фактами и анализом. Их авторы стремятся избежать вульгаризации и примитивности, а также всего того, что отталкивает мыслящего человека от пропаганды. Они пытаются привести пропаганду в соответствие с объективным человеческим опытом. Однако, несмотря на это, они не в состоянии скрыть основные социальные конфликты.

Доктрина Джонсона о «наведении мостов»

Теории об использовании психологической войны и идеологических диверсий были разработаны в основном после 1964 г. Они исходили из опыта войны. Л. Джонсон, сменивший в ноябре 1963 г. Д. Ф. Кеннеди, заявил, что он будет продолжать политику, начатую Кеннеди. Однако Джонсон углубил доктрину «гибкого реагирования» Кеннеди настолько, что возникла опасность возврата к политике «на грани войны». Эта доктрина не означала, однако, простого возврата к «политике силы». В соответствии с принципами политики «гибкого реагирования» силы должны быть использованы более гибко и направлены на наиболее слабые места в лагере противника с максимальным учетом самых незначительных противоречий или разногласий, местного перевеса сил, при этом не упускается из виду возможная необходимость отступления, если акция не дает желаемых результатов. Предусматривались не только дифференцированные действия в зависимости от места, но и использование различных вариантов «силы».

²⁴ R. K. Merton. Elements de theorie et de methode sociologique. Paris, 1965, p. 6.

По отношению к социалистическим странам Джонсон переработал программу политики «объединения мира», предложенную Кеннеди. Джонсон сформулировал эту программу в своей речи 23 мая 1964 г. как политику «наведения мостов» в Восточную Европу: «Это могли бы быть мосты широкой торговли, идей, туризма и гуманитарной помощи».

Более подробно раскрыл принципы этой политики председатель комиссии по иностранным делам сената сенатор Фулбрайт, выступая в Далласе 8 ноября 1964 г. Конечной целью империалистической политики по-прежнему является уничтожение социализма и установление неограниченного господства США в мире. Эту цель, которую невозможно сегодня осуществить путем войны, путем столкновения с социалистической системой, следует достичь другими путями и средствами. Он исходил из того, что экономическими, политическими и идеологическими акциями удастся расщепить социалистическое общество и таким образом добиться «внутренней эволюции» социализма к капитализму. Ключевой предпосылкой политики «наведения мостов» к коммунистическому миру, согласно Фулбрайту, является то, что коммунистические страны подвержены как внешним влияниям, так и внутренним изменениям.

Ядро и основу политики «наведения мостов» составляет дифференцированный подход США к социалистическим государствам (к СССР, к восточноевропейским социалистическим странам, к азиатским и к Кубе). В своей речи 8 декабря 1964 г. Д. В. Фулбрайт заявляет: «Чрезвычайно разнообразная ситуация требует и разнообразной политики. Прежде всего именно это соображение должно приниматься во внимание при усилиях Запада возводить мосты к коммунистическому миру. Наша цель состоит не только в том, чтобы ускорить достижение необходимого международного взаимопонимания, но и добиться влияния на ход и характер изменений в коммунистическом мире таким образом, чтобы остановить его агрессивную и экспансионистскую политику по отношению к свободному миру. Для того чтобы это выполнить, мы должны тщательно различать отдельные коммунистические государства, поощряя те, которые проявляют тенденцию к ограничению влияния своей идеологии рамками своих собственных границ и стремятся завязать дружественные

отношения с Западом, и, наоборот, мы должны воздерживаться от поощрения в тех случаях, когда это необходимо, и применить санкции по отношению к тем странам, которые продолжают экспансионистскую политику. В современной международной обстановке не может быть единой американской политики по отношению к коммунизму или коммунистическому блоку. Благожелательная политика по отношению к Югославии должна в определенном смысле отличаться от нашей политики по отношению к СССР и радикально отличаться от нашей политики по отношению к коммунистическому Китаю».

Политика «наведения мостов» должна применяться прежде всего к восточноевропейским социалистическим странам. В отношении Советского Союза в большей степени должно использоваться запугивание атомным оружием и утверждаться незыблемость и долговечность западного альянса.

Цели американской политики раскрыл также американский военный теоретик Г. Рейнхард в публикации под названием «Американская стратегия в атомном веке», в которой указывается, что проводимая до сих пор статичная политика не внушает твердой надежды на победное окончание холодной войны, ибо отдаст инициативу в руки Советского Союза. Необходимо перейти к динамичной холодной войне, средствами которой можно будет по мере надобности наносить удары по наиболее чувствительным местам в системе противника. При ведении холодной войны не следует спешить, так как в таком случае возникает угроза третьей мировой войны. Для достижения успеха необходимо неустанно интенсифицировать холодную войну, вести ее продуманно, воздействуя на чувства народов Восточной Европы. При этом народы Восточной Европы не следует побуждать к преждевременным попыткам возврата к капитализму. Необходимо избрать такие методы, которые будут разрушать коммунистическую общественную систему изнутри и способствовать ее крушению. Лишь на последней стадии население этих стран может быть поощрено к проведению внутреннего переворота. В соответствии с ростом экономических трудностей в этих странах им следует давать своевременно обдуманное осторожное обещание об экономической помощи. Общее наступление может быть начато только тогда, когда создадутся благоприятные дипломатические,

экономические и военные условия. Этого возможно достичь в том случае, если Западная Европа в рамках Североатлантического пакта будет полностью боеспособна, а также в том случае, если капитализм укрепит свои позиции на Среднем Востоке.

Последовательные цели концепции «наведения мостов» между Востоком и Западом можно свести к следующим принципам:

создать новые отношения со странами, которые стремятся к расширению своей независимости и в то же время не способны на риск оказаться в изоляции;

обратить мысли молодого поколения к духовным ценностям западной цивилизации (разумеется — на Востоке, потому что молодежь Запада восстает против этой цивилизации);

создать условия для более свободного развития сил, вызывающих чувство национального превосходства;

пропагандировать, что перспективы прогресса для Восточной Европы зависят от расширения отношений с Западом.

На основе этой политики, разработанной для различных областей контактов — идеологических, культурных, торговых, туристских и т. д., — должна быть достигнута эрозия социалистического общества.

Параллельно с этим ёмкой концепцией современного антикоммунизма является теория градуализма (градации, постепенности).

Ее основные тактические правила можно сформулировать следующим образом:

проводить в жизнь и пропагандировать дальнейшую политическую и идеологическую дифференциацию внутри социалистического лагеря с помощью так называемых национальных моделей социализма с целью постепенного отделения социалистических государств от Советского Союза;

поддерживать любые формы плюрализма внутри социалистического лагеря, поддерживать полицентристские тенденции;

в политике внутренних реформ добиться таких изменений, которые бы постепенно привели к перестройке режимов таким образом, чтобы они приблизились к демократиям западного образца («путем реформизма к конвергенции»).

При проведении в жизнь этих целей следует избегать прямых указаний на то, что речь идет о возврате к старым отношениям или к реставрации капиталистической системы. Речь может идти только о каких-то мирных изменениях отношений внутри страны, для чего особенно подходит теория и методы социал-демократии.

На этой основе следует развивать и расширять экономическое, культурное, а также идеологическое сотрудничество. Культурное, научное и техническое сотрудничество должно оказывать влияние на идеологическую терпимость со стороны партии и тем самым вести ее к идеологическим уступкам.

Для того чтобы принятая концепция принесла желаемые результаты, к ней необходимо приспособить соответствующие методы, формы и средства.

Дифференцированный подход США или «мир не только белый»

В специальном американском журнале сухопутных войск «Military Review» Чарльз В. Кобаргер в статье под названием «Победа в нижних слоях спектра» кроме всего прочего писал:

«Сегодня война и мир представляют собой лишь различные комбинации государственных инструментов, применяемых для поддержки национальных интересов. Поскольку основные национальные интересы в течение продолжительного периода времени остаются неизменными, то переход от мира к войне представляет собой не что иное, как перестановку акцентов в средствах. Мир не является только белым, а война не всегда черная. Мы же живем в пространстве между ними. В настоящее время средства дипломатии включают в себя и все средства власти. Ими являются:

- 1) идеология, проявляющаяся обычно в форме пропаганды;
- 2) оружие, навязываемое прямо или через посредников;
- 3) богатство в виде денег, идей, оружия и услуг;
- 4) ловкость в политике, экономике, а также в военной и социальной областях».

Далее автор пишет, что средства эти обычно применяются в комплексе и лишь изредка самостоятельно.

Именно эти вопросы являются предметом многих исследований.

Американский журнал «Карент хистори» опубликовал статью о политике США в Восточной Европе. Автор статьи — М. Пётрович, профессор известного Висконсинского университета, «специалист» по истории СССР и балканских стран. В статье имеется ряд интересных рассуждений. Политика США в Восточной Европе, по мнению автора, исходит из того, что «социалистические режимы Восточной Европы не представляют собой случайного явления. Перспектива быстрого насильственного падения правительств этих стран представляется маловероятной»²⁵.

На основании этих теоретических предпосылок Соединенные Штаты начали строить свою политику, стремясь создать благоприятные условия для эволюционных перемен в странах Восточной Европы. В дальнейшем это вело к политике «наведения мостов». В связи с реализацией этой политики президент Джонсон 7 октября 1966 г. предложил вычеркнуть из списка товаров, которые было запрещено ввозить в социалистические страны, сотни названий, не имеющих стратегического значения, разрешить экспортному и импортному банкам гарантировать коммерческие кредиты Польше, Венгрии, Болгарии и Чехословакии.

М. Петрович отмечает различные направления американской политики в Восточной Европе.

Первое направление отражает взгляды тех, кто все еще мыслит в духе «холодной войны» 50-х годов. Идея «наведения мостов» кажется им опасной. Они придерживаются мнения, что вместо всего этого следовало бы начать политическую и экономическую войну как с Советским Союзом, так и с его «восточноевропейскими сателлитами». Они полагают, что следует для этого подключить все средства, начиная с программ радиопередач и кончая шпионажем. Важная роль отводится «политическим вождям» из Восточной Европы, оставшимся в настоящее время на Западе. В Западной Европе неизбежно создание сильного военного механизма. Торговля должна осуществляться под тщательным контролем. Необходимо оказывать давление на «коммунистические режимы» с тем, чтобы принудить

²⁵ «Current History», 1967, N 308.

их к уступкам. Культурные контакты должны быть ограничены либо полностью ликвидированы, так как они приносят пользу только социалистическим странам — тем, что повышают их престиж и предоставляют им возможность для шпионажа.

Сторонники другого направления исходят из особенностей развития Советского Союза и социалистических стран Восточной Европы. Они считают, что американская политика должна поставить своей целью ослабить контакты между этими странами, внедрить националистические взгляды в сознание их народов, использовать национализм для подрыва социалистического строя. Вместо военного конфликта этот политический курс ориентируется на постепенные изменения, с помощью которых, по их мнению, восточноевропейские страны могли бы приблизиться по своему статусу к таким странам, как Финляндия или Австрия. В области пропаганды Соединенные Штаты должны были бы «зависимым социалистическим странам» предлагать независимость.

Третье направление имеет много общего со вторым, но с той разницей, что предлагает занять по отношению к Советскому Союзу ту же позицию, что и к странам Восточной Европы. Сторонники этого курса придерживаются мнения, что в Советском Союзе и других социалистических странах якобы происходят изменения в направлении к либерализму. Все эти государства действительно хотят «мирного сосуществования», оно им нужно, и они приветствуют разрядку напряженности.

Правительство Джонсона проводило политику, которая представляла собой комбинацию второго и третьего направлений, отвечала практическим задачам и служила американским целям.

Эти принципы гибко применялись в политике США и особенно в политике реваншистских сил ФРГ по отношению к ГДР и Чехословакии. По всей вероятности, в 1966—1968 гг. на повестку дня в планах западных империалистов была поставлена ЧССР. При этом свои тактические приемы и стратегические цели империалистические разведки не рекламировали, но целенаправленно реализовывали.

Стратегическая цель: изменить статус-кво в Европе

Не все империалистические политики, теоретики, стратеги считают уместным так открыто заявлять о своей экспансионистской программе, преследуемой их концепциями в отношении Европы, как это сделал представитель западногерманского империализма Ф. Й. Штраус. В своем известном «Проекте для Европы» он констатирует: «Политика, которая хотела бы консолидировать статус-кво в Европе, принципиально несовместима с политикой, целью которой является европейское объединение. Каждый шаг, направленный к единству Европы и тем самым усиливающий автономию Европы, будет иметь своим последствием изменение статус-кво — разумеется, в пользу Запада»²⁶. В этом же духе высказывается З. Бжезинский* — директор института по исследованию «коммунистических проблем» при Колумбийском университете в Нью-Йорке и бывший член штаба планирования государственного департамента. Разрабатывая теорию «примирения» между Востоком и Западом, за которое якобы ратует империализм, он выдвигает основной постулат: «Статус-кво не должен быть самоцелью, но должен служить исходным пунктом для постепенных изменений»²⁷.

Другой специалист США, занимающийся поисками новых рецептов изменения соотношения сил в Европе в пользу империализма, Стенли Гофман, профессор Гарвардского университета в Кембридже штата Массачусетс, заявил: «Следует избегать всякого рода политики, создающей впечатление признания де-факто разделения Европы» и существования самостоятельных германских государств с различным общественным устройством²⁸.

Мы знаем, что Л. Б. Джонсон развил эти предложения в политику «наведения мостов». Ее осуществление должно было привести к постепенному отрыву отдельных социалистических стран от социалистического содружества и в конечном счете включить эти государства в объединен-

²⁶ F. Strauss. Entwurf für Europa. Stuttgart, 1966, S. 102.

²⁷ Z. K. Brzezinski. Der Rahmen für eine Aussehnung zwischen Ost und West. «Aussenpolitik und Zeitgeschichte» (прилож. к еженедельнику: «Das Parlament», Bonn, 27.III 1968, S. 8).

²⁸ S. Hoffmann. Die Idee eines «europäischen Europa». «Europa—Archiv», N 8. Bonn, 1968, S. 283.

ную капиталистическую Европу, основное ядро которой должны были составить западноевропейские империалистические государства²⁹.

Профессор З. Бжезинский так характеризовал позицию США по отношению к социалистическим странам Европы в начале 60-х годов: «Новая восточноевропейская политика Соединенных Штатов основывается на предпосылке, что чисто словесное недружелюбие не может ликвидировать коммунистические режимы. Вместо ожидания свержения коммунистического правительства Соединенные Штаты и в дальнейшем должны были бы поддерживать эволюционные изменения как в отдельных коммунистических странах, так и во всем советском блоке в целом»³⁰.

В этом направлении империалистические стратеги ФРГ разработали новую политику по отношению к социалистическим странам. Ф. Й. Штраус абсолютно открыто заявляет о ее цели и тактике: «Политика общеевропейской разрядки может привести к успеху только в том случае, если она будет проводиться постоянно, шаг за шагом. Едва ли здесь будет возможно ожидать быстрых решений, скорее следует мыслить в рамках исторического процесса, в ходе которого мы должны культурными и экономическими связями сильнее привязать народы Восточной и Юго-Восточной Европы к Европе Западной: посредством обмена молодежью, учеными, туризма, спортивных мероприятий и многих других удобных для этого средств»³¹.

Бжезинский в связи с этим в марте 1968 г. выразил надежду на то, что социалистические страны Европы будут двигаться «в направлении субрегионального сотрудничества, исключая Советский Союз».

Выводы Бжезинского, который два года провел в государственном департаменте в качестве эксперта по делам Восточной Европы, получили одобрение со стороны правительства и стали в значительной мере официальной доктриной американской внешней политики в отношении европейских социалистических стран. Теории Бжезинского рассчитаны на то, чтобы различными способами приблизиться к отдельным социалистическим странам.

²⁹ *H. Richter*. Der Brückenschlag des USA. — Imperialismus nach Osteuropa. «Dokumentation der Zeit», H. 416. Berlin, S. 1.

³⁰ *Z. K. Brzezinski*. Alternative zur Teilung — neue Möglichkeiten für eine gesamteuropäische Politik. Köln, 1966, S. 159.

³¹ *E. Strauss*. Entwurf für Europa, S. 44.

Д. Раск это стремление выразил словами: «Мы должны были бы содействовать эволюционным изменениям в коммунистическом мире, идущим в направлении национальной независимости, мировой кооперации и создания открытых обществ, а нашу политику дифференцировать в соответствии с позицией отдельных коммунистических государств»³².

Бжезинский сформулировал это требование более ясно и одновременно предостерегал от того, чтобы американские намерения, касающиеся Восточной Европы, «не расплылись бы в эйфории, политически ничего не выражающей благосклонности». Он провозгласил необходимость дифференцировать технику и тщательнее отбирать критерии, которые позволили бы проводить более гибкую политику, идущую навстречу стремлениям этих стран, а в случае необходимости избрать противоположную политику для того, чтобы новый подход приобрел бы еще более острые черты³³.

«Наведение мостов» не должно было касаться всех европейских социалистических стран без исключения. Для метода различного подхода к отдельным государствам был изобретен специальный термин «селективное существование».

Так называемая новая восточная политика, разработанная правящими кругами США, была направлена прежде всего против ГДР, которая представляет собой жизненно важный оплот социализма в сердце Европы, преграждающий, по словам Бжезинского, Западу путь к Восточной Европе с точки зрения географической, военной и политической. ГДР имеет такое значение для восточноевропейского населения потому, что ее существование отвечает интересам национальной безопасности европейских социалистических государств³⁴. В данной концепции речь никоим образом не шла о преодолении раскола в Европе, о создании действенной системы европейской безопасности или о разрешении германского вопроса. Задача заключалась скорее в том, чтобы организовать атаку на ГДР, имеющую стратегическое значение для обеспечения мира в Европе. ГДР должна была быть

³² «The Department of State Bulletin», 16.III 1964, p. 394, 396.

³³ Z. K. Brzezinski. *Alternative...*, p. 165.

³⁴ Там же, стр. 174.

изолирована для того, чтобы можно было создать оперативный простор для империалистической политики по отношению к остальным социалистическим государствам Европы. Бжезинский поставил такую задачу: «С целью подрыва восточноевропейского интереса к существованию Восточной Германии Запад должен четко дифференцировать свое отношение к Восточной Германии и другим восточноевропейским государствам. По отношению к Восточной Германии уместно проведение политики изоляции; по отношению к странам Восточной Европы целесообразна политика как экономического и культурного, так в конечном счете и политического воздействия»³⁵.

То, что конечную цель этой политики составляла ликвидация ГДР, вытекает из речи президента Джонсона 7 мая 1965 г., в которой он разъяснял свою доктрину «глобализации» и требовал: «Мы должны ускорить чересчур медленное разрушение железного занавеса. . . Необходимо покончить с позором существования восточной зоны»³⁶. Эта позиция Джонсона была связана со старым представлением об «освобождении» социалистических стран и должна была еще более усилить напряженность в Центральной Европе. Она означала, в частности, поддержку и поощрение западногерманских правящих кругов того времени в их реваншистской политике и экспансионистских устремлениях по отношению к ГДР.

На основе новой концепции отношений к Восточной Европе в государственном департаменте США был создан большой штаб экспертов, в задачи которого входило исследование возможностей проникновения в европейские социалистические страны. Был произведен тщательный анализ обстановки в отдельных странах.

Председатель ХСС Штраус в своем «Проекте для Европы», далее развитом в книге «Вызов и ответ»³⁷, выдвинул программные направления экспансионистской политики западногерманского империализма. План, разработанный Ф. Й. Штраусом, представлял собой специфический политический проект западногерманского империализма. В «Проекте для Европы» Штраус провозгласил новогерманские великодержавные претензии: «Не может

³⁵ Z. K. Brzezinski. *Alternative...*, p. 173.

³⁶ «Die Welt» (Hamburg), 10.V 1965.

³⁷ F. Strauss. *Herausforderung und Antwort*. Stuttgart, 1968.

бесконечно существовать Западная Германия, которая является экономическим гигантом и политическим пигмеем одновременно. Поэтому немецкой политике необходимы европейские просторы»³⁸. В отношении европейских социалистических государств он рекомендовал: «Мы должны были бы помнить о том, что Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния и т. д. принадлежат Европе так же, как Швейцария, Голландия или Бельгия. Необходимо поэтому воздействовать на эти страны в течение длительного времени и сделать все возможное для того, чтобы они вновь стали составной частью Европы, пока хотя бы в том смысле, который отвечает термину «Меж-европа»³⁹.

Один из самых ревностных поборников «восточной» политической стратегии, покойный президент «Союза изгнанных» Венцель Якш в своей статье предложил западногерманскому правительству программу, рекомендующую «...совместно с союзниками проводить восточную политику, целью которой является возрождение свободной Германии как единого целого... Для достижения этой цели федеральное правительство должно пользоваться любой возможностью, чтобы, не отказываясь от жизненно важных для немцев интересов, достичь нормализации отношений между федеральной республикой и восточно-европейскими странами»⁴⁰. О цели «нормализации» этих отношений он писал: «Действительная дилемма состоит в том, как помочь народам и странам Восточной Европы без того, чтобы не усилить их коммунистические правительства... Только тогда (как кажется этим стратегам. — М. М.), когда весь Европейский Запад проявит желание реагировать на эволюционное развитие, происходящее в восточном блоке, постепенно с помощью политики экономического партнерства на востоке от железного занавеса появится возможность противопоставить силам инерции ясные цели прогрессивных сил»⁴¹.

Внешнеполитический эксперт ХДС Эрнст Майоника в свое время выразил это стратегическое требование вос-

³⁸ *F. Strauss*. Entwurf für Europa, S. 149.

³⁹ Там же, стр. 45—46.

⁴⁰ *W. Jaksch*. Westeuropa—Osteuropa — Sowjetunion. Bonn—Brüssel—New York, 1965, p. 7.

⁴¹ Там же, стр. 12.

точной политики Бонна следующими словами: «Мы должны сделать все, чтобы воспрепятствовать идентичности интересов Зоны, центральноевропейских и восточноевропейских государств. Да успехом по сравнению с пылким положением было бы уже то, если бы эти страны вели себя нейтрально в германском вопросе... Укрепление наших позиций в социалистических странах должно происходить шаг за шагом, тяжелым муравьиным трудом, причем, естественно, мы должны предусмотреть и неудачи»⁴².

Сегодня помимо антикоммунизма, написавшего на своем щите девиз «лучше быть мертвым, чем красным», существует еще антикоммунизм «тихий» и «новый». Его сторонники изменили тактику: они притворяются миролюбивыми. В действительности же основной стратегической целью и в дальнейшем для них остается идея постепенной реставрации капиталистического строя. «Политика по отношению к Восточной и Центральной Европе в настоящее время, которая необходима Западу, — пишут теоретики антикоммунизма в коллективной работе «Восточная Европа на переходной стадии», — это политика мирного завоевания, предполагающего координированное использование таких действенных факторов, как культурный обмен, финансовые кредиты и дипломатические маневры, направленные на стимулирование сил, уже развивающих деятельность, которая в своем конечном итоге приведет к эрозии в этой области»⁴³.

Сегодня уже просто невозможно отрицать успехи, достигнутые социализмом. Однако признание его преимуществ и решительных побед для империалистов означало бы идеологическую капитуляцию. Поэтому помимо модернизации своей прежней политической тактики они начали изобретать и новые антикоммунистические теоретические концепции. В сравнении с концепциями прошедших лет новоявленные теории представляются многим более гибкими и более рафинированными; их творцы и глашатаи пытаются, кроме всего прочего, ответить на вопрос: к чему приведет соревнование между капитализмом и социализмом? Буржуазные идеологи из понятных соображений не способны принять иные перспективы раз-

⁴² E. Majonica. Deutsche Aussenpolitik — Probleme und Entscheidungen. Stuttgart, 1966, S. 190.

⁴³ «Tvorba», 1970, N 30.

вития общества, нежели капиталистические, поэтому они и хотели бы приписать успехи социализма животворному влиянию капитализма. Модернизированный антикоммунизм в этой связи взял на вооружение идею «возрастающего согласия» между капитализмом и социализмом, и обе эти системы трактуются им как два типа так называемого индустриального общества. На этом основании затем строится теория конвергенции, согласно которой социализм и капитализм будут постепенно сближаться между собой в течение какой-то неопределенной исторической эпохи⁴⁴.

Новый вариант идеологической диверсии: теория конвергенции

«Теоретическое обоснование» иллюзии о растущем согласии капитализма и социализма должно создать благоприятный идеологический климат для проникновения буржуазных воззрений, прав, идеалов и псевдонаучных концепций в социалистические страны.

В связи с применением более гибких форм борьбы против стран социализма на первый план выступает стремление империализма к идеологическому проникновению с целью разложения социалистических государств и их дружественного союза. Это относится особенно к Европе как той части света, где благодаря огромной силе социалистического содружества фронтальное наступление империализма уже с самого начала представляется безуспешным и самоубийственным. Поэтому тактика идеологической диверсии занимает первое место в политике «наведения мостов», в этом специально для Европы сконструированном варианте империалистической глобальной стратегии. Необходимо «проникать в самое сердце коммунистической идеологии, вносить войну идей в социалистические страны, проникать в зарубежные страны и расшатывать их общественное устройство», — пишут идеологические стратеги империализма США⁴⁵.

Эти контрреволюционные цели облачаются в самые разнообразные формы и в большинстве случаев искусно

⁴⁴ Z. Brzezinski and J. Huntigton. Political power USA—USSR. Convergence of evolution? New York, 1964, p. 419.

⁴⁵ R. T. Holt, R. W. von de Velde. Strategic Psychological Operations and American Foreign Policy. Princeton, 1964, p. 26.

замаскированы. Их авторы вынуждены признать главными препятствиями на пути осуществления своих реакционных замыслов марксистско-ленинское мировоззрение, успешную практику социалистического строительства под руководством марксистско-ленинских революционных партий, единство содружества социалистических государств. Поэтому логично, что это определяет главные направления их подрывной идеологической деятельности, проводимой во имя «европейского единства», основным содержанием которой остается открытый и скрытый антикоммунизм.

Важную предпосылку для реализации теории о «новом устройстве Европы» теоретики и идеологи империализма видят в затушевывании кардинального противоречия между капитализмом и социализмом. Они хотят прежде всего создать ошибочное представление у населения социалистических стран Европы о том, что основные и принципиальные различия между капиталистическим и социалистическим общественным устройством будут постепенно исчезать и что возможно, следовательно, европейские государства с различным общественным строем «объединить на европейской основе».

Псевдонаучной базой этой концепции является теория конвергенции. Суть этой теории заключается в утверждении, что социализм в результате научно-технической революции будет все больше и больше терять свои специфические особенности, которые принципиально отличают его от капитализма, и будет к нему приближаться. Теоретики конвергенции характеризуют конечный результат предрекаемого ими «развития» как новейшее «индустриальное общество», которое, как они утверждают, будет каким-то «промежуточным продуктом» капитализма и социализма.

Приверженцы теории конвергенции строят свои утверждения на определенных явлениях, которые характерны для государственно-монополистической системы правления в империалистических государствах. Например, они выдают за «приближение к социализму» все возрастающее вмешательство капиталистических государств в область экономики посредством регулирующих и направляющих мероприятий, продиктованных империализму быстрым развитием производительных сил в процессе научно-технической революции.

Развивая тезис о возрастающей роли государства в экономике капиталистических стран, буржуазные теоретики обходят главный вопрос: каков социальный характер государства и в чьих интересах оно принимает участие в процессах воспроизводства, а также осуществляет регулирование и программирование экономики.

Ряд буржуазных идеологов пытаются отождествлять социалистическую и капиталистическую экономику только на том основании, что различные социальные системы имеют некоторые общие черты научно-экономического характера, являющиеся результатом развития производительных сил, и что социализму и капитализму на первый взгляд присущи некоторые аналогичные экономические категории.

В теории конвергенции подчеркивается сходство промышленно-технического развития капиталистических и социалистических стран; однако при этом умалчивается, что сам этот процесс подтверждает ленинский тезис о создании материальных предпосылок социализма в недрах капитализма. Это обстоятельство апологеты теории конвергенции сознательно обходят.

Растущее обобществление производства в капиталистических странах, связанное с научно-технической революцией, является фактом. Нельзя отрицать и возрастающей экономической роли государства и развития зачатков планирования. Было бы, однако, ошибкой не видеть здесь принципиальных отличий в сравнении с социализмом. Существует, например, разница между методом планирования и принципом плановости, которые являются объективной закономерностью социалистического строя; капитализм не способен планировать в объеме всего общества, и его планы обычно ограничены рамками отдельных предприятий или монополий. Государственные экономические программы, о которых много говорится, в действительности носят характер прогнозов и заданий и вовсе не являются обязательными для частных фирм. Не выдерживает критики и утверждение, что одним из факторов конвергенции является «профессионализация управления». Нет необходимости напоминать, что руководителей предприятий оплачивают монополисты или империалистическое государство и они могут удержаться на своих местах, лишь проводя классовую политику, которую им диктуют вла-

дельцы капиталов. Поэтому само содержание управления экономикой в условиях обеих мировых систем диаметрально противоположно.

Однако нельзя забывать о главном — о качественном содержании этих категорий, а также о том, как эти категории проявляются в каждой из двух противоположных общественных систем. Зарплата и прибыль объективно представляют собой формы реализации экономических интересов в условиях социалистического и капиталистического строя. Однако содержание этих форм и категорий, их роль и функция в социалистическом народном хозяйстве в корне отличаются от существующих в капиталистической экономике. Прибыль в условиях социализма не является основным фактором, регулирующим пропорции в экономике, как при капитализме.

Введение новых методов руководства экономикой, совершенствование планирования и форм материального стимулирования в социалистических странах служат для буржуазных идеологов исходным моментом для утверждения о мнимом «отречении от социалистической модели».

Использование товарно-денежных отношений в социалистической экономике выдается за заимствование характерных черт капитализма. А большое внимание, которое социалистические страны уделяют повышению жизненного уровня трудящихся, что отвечает основной закономерности развития социалистического общества, характеризуется как реализация буржуазной теории о превращении социализма в потребительское общество.

Современный империализм действительно обладает рядом новых черт, а современный социализм действительно всесторонне применяет новую технику и поддерживает научно-технический прогресс. Однако, когда мы констатируем наличие некоторых новых черт империализма (государственное субсидирование развития техники и научных исследований, поддержка прогнозирования и программирование экономического развития, внедрение рациональных форм экономического управления), мы не можем не видеть, что именно вследствие этих явлений усиливается эксплуатация трудящихся (как собственной страны, так и других стран в результате использования иностранной рабочей силы и неокOLONИАЛИСТСКОЙ политики), растут противоречия между личностью и обществом, милитаризуется экономика.

Скрытые формы антикоммунизма и антисоветизма

Попытки ревизии марксизма-ленинизма предпринимались уже с момента его появления. Бернштейн считал марксизм устаревшим, и рецидивы этих тенденций мы можем проследить в связи с подготовкой событий, происходивших в Польше и Венгрии в 1956 г. В Польше, как и в ЧССР, ревизионисты воспользовались моментом, когда партия начала исправлять ошибки прошлого, и стали настаивать на необходимости «второго этапа», «свободной игры политических сил» и т. п. Взгляды Л. Колаковского в немалой степени оказали влияние и на чехословацких философов и публицистов. Весной 1968 г. ревизионистские воззрения отдельных философов в Польше вновь вылились в требование внеклассовой трактовки лозунгов свободы и демократии. Носителями идеи «второго этапа» возрождения должны были стать группы писателей и молодежи.

Когда центры психологической войны и идеологической диверсии обнаружили наивность, а возможно, даже желание многих чехословацких журналистов осуществить на практике так долго и тщательно разрабатываемые ими концепции, они наряду с нелегальной диверсионной и пропагандистской деятельностью, проводимой через зарубежные радиостанции, начали использовать для распространения антисоциалистических концепций легальные средства массовой информации и, более того, даже выступления и действия отдельных членов и ведущих функционеров КПЧ.

Эти центры работали при помощи огромного аппарата, изучавшего общественные конфликты и слабости нового руководства партии. Их работа облегчалась еще и тем, что в прошлом действительно имели место ошибки и недостатки.

Антисоциалистическая пропаганда, направленная против ЧССР, играла на националистических чувствах и пыталась развить идею о том, что культурные чехи и словаки принадлежат к развитой европейской цивилизации, а не к «отсталой русско-азиатской». Другим методом привлечения на свою сторону было расхваливание чехословацкой культуры, особенно ее либеральных течений и старых традиций, а в конце концов социализм и Совет-

ский Союз объявлялись по меньшей мере лишними, если не тормозящими развитие «старой богатой культуры».

Бжезинский в своей «Альтернативе разделения» развивает невоенные методы разложения социалистического лагеря. Основной их целью является присоединение ГДР к Западной Германии. ЧССР при этом отводилась не главная роль, но здесь должна была произойти по возможности незаметная «озонация социализма». Стратеги перспективных изменений статус-кво, созданного после второй мировой войны, весьма искусно разрабатывали «скрытые» формы постепенных изменений и даже предостерегали от преждевременных планов отторжения отдельных стран от социалистического лагеря. Это совпадало и с рекомендациями западногерманских коммерсантов, туристов, журналистов и других агентов, которым и не снился такой быстрый натиск антисоциалистических сил в ЧССР.

Желательная форма изменения должна была бы начаться с внутренней либерализации восточноевропейских государств. Это особенно относилось к Чехословакии, где рекомендовалась концепция «поддерживания небольших контактов и переговоров и стимулирование политики личных интересов». Цели империалистов выразил представитель республиканской партии в американском конгрессе Климент Заблоцкий, когда заявил: «Основой политики американского правительства по отношению к Чехословакии и другим странам Восточной Европы, которые начали либерализацию, должны быть усилия, направленные к возврату их в семью свободных и независимых государств. Интеллигентная и реалистическая политика Соединенных Штатов должна проводить различия между отдельными странами Восточной Европы и поощрять необходимые внутренние изменения». Заблоцкий критиковал конгресс за недостаточную реакцию на события, которые имели место в Восточной Европе. Он призывал правительство к тому, чтобы оно более эффективно, посредством миролюбивых торговых отношений и другими методами поддерживало темп изменений, особенно происходивших в Чехословакии⁴⁶.

⁴⁶ «Congressional Record», 13.V 1968.

«Либерализация социализма», согласно Бжезинскому, является наиболее желаемой формой изменений в восточноевропейских странах⁴⁷. Под флагом либерализации империалистические пропагандисты восхваляют свою буржуазно-парламентскую псевдодемократию, диктатуру монополистического капитала в империалистических странах. Их усилия направлены на устранение демократического централизма. Они рекомендуют децентрализацию национальных экономик социалистических стран с тем, чтобы помешать сосредоточению всех сил для осуществления научно-технической революции; в то же время они в невиданном объеме концентрируют свои собственные экономические, технические и научные силы. Они провозглашают «деидеологизацию» и при этом делают все возможное для того, чтобы всеми доступными им средствами проталкивать буржуазную идеологию в социалистические страны. Бельмом на глазу для них является руководящая роль коммунистической партии в социалистическом обществе и марксизм-ленинизм как научное мировоззрение рабочего класса.

Во имя так называемого демократического социализма они требуют отделения «партии от государства», дискредитируя марксистско-ленинское руководство партии, изображая его как «догматическое». Они пытаются представить научное мировоззрение рабочего класса как «устаревшее».

Ссылаясь на различные, вовсе не типичные для социалистического общества явления, идеологи антикоммунизма развили так называемую теорию эрозии восточного блока. Эта теория пытается искусственно сконструировать принципиальные разногласия между национальными интересами отдельных социалистических наций и основополагающим марксистско-ленинским принципом социалистического интернационализма. Один из представителей западногерманского империализма деятель ХДС Эрнст Майоника выдает тайные желания империалистов, пропагандирующих «теорию эрозии» и стремящихся разжечь националистические настроения в социалисти-

⁴⁷ Z. K. Brzezinski. *Alternative...*, S. 170.

ческих странах, говоря, что «взрывчатое вещество, угрожающее единству коммунистического блока, называется национализмом... Нужное решение мыслимо лишь посредством стимулирования национального эгоизма»⁴⁸.

Империалистические идеологи и теоретики изобрели весьма дифференцированную тактику, которая полностью обнаруживает их лицемерие и двуличие именно там, где дело касается национального момента в жизни народов. Выступая по отношению к социалистическим странам как защитники национальной самостоятельности и независимости и лицемерно превознося «национальные чаяния» и «гордые традиции» восточноевропейских народов, как это, например, делал бывший министр иностранных дел США Раск⁴⁹, они в то же время огнем и мечом подавляют национально-освободительное движение народов Азии, Африки, Латинской Америки. С одной стороны, с помощью националистической демагогии они пытаются расколоть содружество социалистических государств, а с другой — делают все возможное, чтобы затушевать национальные противоречия в сфере своего господства для создания империалистического «европейского единства» под флагом «европеизма».

За период более чем столетнего существования социалистических идей, их распространения и реализации в СССР и других социалистических странах антикоммунизм также многократно изменял свои методы и формы, начиная от коррупции и финансирования отдельных групп через вмешательство во внутренние дела государств до военной интервенции в страны рождающейся социалистической системы; от поддержки социал-домократизма до фашистской диктатуры, от различных форм террора до клеветы и фальсификаций, от примитивных листовок до «научных методов» идеологической борьбы против коммунизма, разрабатываемых политологами, психологами, социологами и коллективами целых институтов.

В последнее десятилетие возник ряд теорий, ревностно пропагандируемых различными западными центрами, радиостанциями и отдельными группами в некоторых социалистических странах. С ними связаны усилия стимулиро-

⁴⁸ *E. Maionica*. Deutsche Aussenpolitik. . . , S. 130, 137.

⁴⁹ «The Department of State Bulletin». 16.III 1969, p. 392.

вать тенденции «национального марксизма», «плюралистического общества», «интеллектуализации» революционного движения, «модернизации» марксизма-ленинизма с помощью элементов индустриального общества и т. д.

Ориентация на антисоветский «нейтралитет»

К главной практической форме империалистической антикоммунистической борьбы относятся антисоветизм и его ответвления, направленные на умаление роли КПСС в международном революционном движении, понижение ее успехов, а также усилия, направленные на раскол единства социалистических государств. Одним из главных орудий антикоммунизма является антисоветизм. Поэтому в «чехословацком эксперименте» прежде всего именно КПСС явилась скрытой и далеко не сразу ставшей явной мишенью нападков и клеветы. «Целью этой политики, — заявляет М. Петрович, — является ослабление связей между восточноевропейскими коммунистическими государствами и Советским Союзом путем стимулирования национальных интересов восточноевропейских государств и гальванизации исторических связей государств Восточной и Западной Европы»⁵⁰. Основной целью монополистических кругов и далее остается отрыв социалистических стран от Советского Союза, а их методом — поддержка различных форм национализма, выливающаяся в антисоветизм. Любая националистическая кампания представляет собой опасность. Антисоветизм направлен не только против независимости отдельных стран, входящих в социалистический лагерь, но равным образом — против всех развивающихся стран, против революционного рабочего движения, против свободы, независимости и безопасности народов в целом. Вспомним о том, как мировая реакция устроила дымовую завесу — страшный шум по поводу помощи, оказанной СССР при подавлении венгерской контрреволюции, в то время как Израиль, Англия и Франция развязали вооруженную агрессию против Объединенной Республики Египет.

⁵⁰ «Current History», 1967, N 308.

На подготовке агрессии против арабских стран, войны США во Вьетнаме и других примерах можно видеть, что империалистические государства не отказались от этого средства великодержавной политики, однако применяются и новые средства. Так, против социалистических стран они уже не выступают с позиций силы. В связи с утратой атомной монополии и укрепленном социалистическом сообществе империалисты поняли, что война для них явилась бы и их гибелью, и поэтому изыскиваются новые методы. Так возникла сначала политика «сдерживания», а позднее научно разработанные принципы психологической войны и идеологической диверсии, прикрытые фразами о помощи и освобождении народов. Стремясь разжечь сопротивление реакционных слоев, Эйзенхауэр провозгласил доктрину солидарности восточноевропейских народов: «Новая линия требует, — подчеркивал он, выступая в Цинцинатти в 1952 г., — чтобы мы использовали любую политическую, экономическую и психологическую тактику».

Лозунг «мостов» империалистическими программаторами был впервые использован не в «чехословацком эксперименте». Во время наибольшего натиска контрреволюции в Венгрии эти лозунги, перенятые от радиостанции «Свободная Европа», оказались в концепции Имре Надя, который обещал освободить Венгрию от обязательств, вытекающих из Варшавского Договора, а реакционные газеты тогда требовали, «чтобы Венгрия стала мостом между Востоком и Западом»⁵¹. Поразительно, как могла прийти в голову этим деятелям идея подобного рода, от которой еще во время войны отказался даже буржуазный государственный деятель д-р Э. Бенеш*, подписав договор с Советским Союзом, идея, бессмысленность которой для таких стран, как ЧССР и Венгрия, неоднократно подтверждалась историей. Уже с самого своего возникновения эта мысль несла в себе зародыш обреченности — ведь на мостах не живут, через мосты лишь ходят, а в современной истории через мосты походным порядком проходили и при громких «блицкригах» и при менее славных отступлениях. В дни венгерской контрреволюции «нейтралитет» даже в течение нескольких дней обозначал открытие границ

⁵¹ «Magyar Szabadsag», 31.X 1956.

«тоже нейтрального» австрийского государства, через которое в Венгрию хлынули террористические эмигрантские группы и толпы диверсантов империалистических государств.

Уже тогда стало ясно, что защита социалистических завоеваний от объединенных сил империалистических государств и их приверженцев внутри социалистических стран является интернациональной обязанностью. В дни венгерской контрреволюции чехословацкие коммунисты, партийные работники, железнодорожники и трудовое крестьянство искали связи со своими старыми венгерскими друзьями, с товарищами для того, чтобы им как братьям по классу оказать в тяжелые дни интернациональную помощь. Они переправляли через границу печатные материалы и листовки на венгерском языке, в которых призывали венгерских трудящихся защищать завоевания социализма и не забывать 1919 год *.

Опыт 1956 и 1968 гг. вновь показал, что проведение в жизнь ленинских принципов единства социалистических стран является условием прогресса и служит интересам каждого свободолюбивого народа, каждого социалистического государства, является гарантией национальной независимости и безопасности государств социалистического содружества. Янош Кадар в 1957 г. говорил: «Против международного империализма необходимо бороться силой международной пролетарской солидарности».

Антисоветская пропаганда (как и деятельность чехословацких ревизионистов), хорошо зная притягательную силу идей ленинизма и идей Великой Октябрьской социалистической революции, учитывая наличие этих мощных и действенных средств развития социалистической революции, нашла хитроумные модификации: она пытается представить ленинизм как один из национальных вариантов марксизма, а социалистическую революцию в России — лишь как бунт против злого царя.

Постулат «нейтралитета», тонко протаскивавшийся в публицистических выступлениях накануне августа 1968 г., а затем организованно интерпретированный в августе с помощью средств массовой информации, был одной из форм борьбы против сплоченности социалистических стран. Требования «нейтралитета» были теорети-

чески обоснованы «специалистами» из Военно-политической академии^{52*} и проявились в стремлении отказаться от Варшавского Договора, сформулированном, в частности, генералом Прхликом** на пресс-конференции в июне 1968 г.

В меморандуме, составленном в Военно-политической академии в первой половине 1968 г., среди прочего было сказано: «...наряду с коалиционной системой гарантий безопасности социалистических государств теоретически возможны также и другие системы безопасности: обеспечение безопасности государства в рамках нейтрализации своей территории или проведения нейтральной политики, а также создание возможностей для обороны государства собственными средствами».

Этот меморандум поддержал также тогдашний министр иностранных дел Иржи Гаек. Из секретариата министра ректору Военно-политической академии сообщили: «Министр д-р Гаек ознакомился с меморандумом и попросил, чтобы его постулат был учтен при выработке перспективной концепции чехословацкой внешней политики, которая постепенно разрабатывается. Суждения о тесной связи военной и внешней политики нашего государства, приведенные в меморандуме, отвечают нашим представлениям и основным позициям, из которых мы исходим при разработке соображений о более тонкой европейской политике...»

Ливанский журнал «Ад Дуниа аль Ядида» в статье «НАТО подготавливает планы выхода Чехословакии из Варшавского Договора» писал: «Совет НАТО полагает, что целесообразно продолжать политику «наведения мостов» со странами Восточной Европы». Была высказана точка зрения, что Чехословакия могла бы провозгласить нейтралитет в будущем году, если события будут развиваться в пользу оппозиции, на которую НАТО возлагает большие надежды...»⁵³

Стремление изменить курс чехословацкой внешней политики породило также идею «возрождения» Малой Антанты***, которая в первый момент должна была помочь сделать разрыв с Советским Союзом политически приемлемым. Одним из первых, кто в журнале «Репор-

⁵² «Tribuna», 1969, N 32.

⁵³ «Ad Dunia al Jadida», 11.IX 1968.

тер» публично высказал идею создания новой Малой Антанты, был Иржи Гаек. В статье «Малая Антанта — здоровая мысль» он писал: «Не вина великой идеи, что она подчас не во всем или вовсе не осуществляется. То же произошло и в случае с Малой Антантой — идеей, которая зародилась в умах чехословацких политиков... Малая Антанта была одной из попыток установить порядок в Центральной Европе и по мере возможности ограничить манипулирование центральноевропейскими народами со стороны сильных тогдашнего мира. Ибо малые народы сильны только тогда, когда сами себе оказывают помощь...»⁵⁴

Сегодня очевидно значение СССР как опоры социалистических государств и безопасности в Европе, как выдающегося защитника свободы развивающихся народов, как оплота мира, как морального фактора в развитии мирового революционного движения. Поэтому империалисты тратят столько усилий для ослабления мощи и влияния СССР и единства революционного рабочего движения, в особенности социалистического лагеря, который указывает путь другим странам.

Именно поэтому создание антисоветских настроений являлось одной из основных целей действий антисоциалистических сил у нас. Вспомним лишь анкету газеты «Литерарни листы», в которой, например, И. Р. Пик на вопрос: «С кем?» — отвечает: «С Ажаевым — «Далеко от Москвы». Вспомним, например, подобные же ответы И. Свитака в серии передач чехословацкого телевидения о смерти Яна Масарика*, антисоветские выпады в связи с маневрами союзных войск на нашей территории, об акции накануне совещания в Чиерне и наконец об истерии в августе и сентябре 1968 г. Как трогательно было единодушие печати, радио и телевидения со средствами массовой информации на Западе: «С одной стороны, совершенно очевидно, что в Чехословакии развитие событий сегодня шагнуло многим далее, нежели когда-то в Венгрии и Польше. Законодательные итоги этой недели (отмена цензуры печати) означают только первый шаг на пути, который неизбежно должен привести к изменению ориентации в духе лозунга «прочь от Москвы»⁵⁵.

⁵⁴ «Reporter», 1968, N 30.

⁵⁵ «Frankfurter allgemeine Zeitung», 1.VII 1968.

Империалистическая пропаганда стремилась изолировать Советский Союз, противопоставить ему все другие социалистические страны*. К сожалению, этому помогли и многие члены Коммунистической партии Чехословакии, хотя устав партии прямо обязывает придерживаться принципов пролетарского интернационализма и укреплять сотрудничество и дружбу с Советским Союзом. Пролетарский интернационализм несовместим с антисоветизмом, даже если тот, кто стоит на подобной позиции, как угодно клянется в верности марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму.

«Свидетельство» и «Свободная Европа» — голоса своих хозяев

Для методов и целей эмиграции, поддерживаемой империалистическими кругами, характерна деятельность Павла Тигрида с его журналом «Свидетельство» и радиостанции «Свободная Европа».

Павел Тигрид, сторонник политических концепций Т. Г. Масарика**, член социал-демократической партии, после освобождения перешел в чешскую народную партию, в феврале 1948 г. эмигрировал в Западную Германию. Его деятельность на Западе отчетливо отражена в радиопередачах «Свободной Европы», в журнале «Свидетельство». На открытом процессе, проходившем с 3 по 15 июля 1957 г., Павел Тигрид был осужден Пражским городским судом на 14 лет лишения свободы за преступные действия против Республики и шпионаж.

Журнал «Свидетельство» — ежеквартальник по вопросам политики и культуры — орган чехословацкой послефевральской эмигрантской группы, объединившейся вокруг Павла Тигрида. Первый номер этого журнала вышел в ноябре 1956 г. в Нью-Йорке вскоре после XX съезда КПСС, в период событий в Польше и контрреволюции в Венгрии, то есть как раз в тот период, когда усилился политический и идеологический натиск империализма на социалистические страны.

Журнал начиная с 1963 г. издается во Франции и печатается в Бельгии тиражом почти в 2000 экземпляров.

В настоящее время редакционный совет журнала «Свидетельство» составляют политические эмигранты 1948 г.

Журнал получает субсидию от комитета по делам «Свободной Европы» из Нью-Йорка (сумма неизвестна) и 1200 долларов от американской антикоммунистической пропагандистской организации International Advisory Council в Нью-Йорке.

Финансовые источники «Свидетельства», по утверждению его редакции, составляют «пожертвования частных лиц» и 5000 долларов, которые дает подписка.

В ЧССР «Свидетельство» пересылалось в основном по почте в количестве нескольких сот экземпляров, а также при посредничестве чехословацких граждан — как туристов, так иногда и через выезжавших в командировки за границу.

Источником информации о ЧССР служила прежде всего ежедневная и периодическая печать (местная и центральная), из которой выбирались в основном негативные факты политического, экономического и культурного строительства; искусственно вырванные из контекста отдельные абзацы использовались в целях политической пропаганды, враждебной нашему государству.

Другой источник информации — некоторые граждане ЧССР, связанные с редакцией «Свидетельства».

Тигрид и члены редакционного совета ищут личных контактов с лицами, легально или нелегально выезжающими за границу.

Что касается отдельных стратегических целей, тактики, методов и способов достижения конечного результата, то здесь чехословацкая эмиграция расколота на два основных, взаимопротивоположных друг друга лагеря. Один из них — так называемые непримиримые поборники «политики освобождения», объединенные в нью-йоркской «Лиге поработенных народов Европы», — заявляют, что «коммунизм и его мощь нужно сломить силой». Они рассчитывают на «освобождение поработенных народов» извне, на то, что в случае вооруженного восстания в какой-то социалистической стране «американская великая держава эти... силы поддержит не только морально, но и материально, а возможно и с помощью оружия».

Другие — так называемые градуалисты или приверженцы «политики самоосвобождения», выразителем взглядов которых является Тигрид, — отстаивают ту точку зрения, что чехи и словаки в конце концов будут иметь столько прав и свобод, сколько сами завоюют. Они

выдвигают принцип «постепенного завоевания больших прав и свобод в рамках однопартийной, недемократической системы».

Тигрид исходил из того, что «красивые формулировки нравственных постулатов политики освобождения намеренно скрывали их нереальность». «Политика освобождения» не принесла никаких конкретных результатов и, по новейшему мнению специалистов, «не оказала никакого влияния на советскую политику. Зато она вызвала опасения среди союзников Америки, стимулировала антиамериканизм и способствовала явным успехам Советов в уличении США как агрессивной державы». И чтобы не было сомнений в крахе «политики освобождения», Тигрид аргументирует это венгерскими событиями и провалившейся попыткой кубинских политических эмигрантов свергнуть режим в Гаване. Венгерские события якобы создали «оптимальные условия для практического осуществления политики освобождения, но застали ее сторонников абсолютно неподготовленными».

Несмотря на то что Тигрид умышленно подменял совершенно разные понятия (контрреволюционеры отождествляются с народом, с нацией; контрреволюция называется революцией; оппортунистические элементы отождествляются с коммунистами; советскую помощь он называет интервенцией, эмигрантов — изгнанниками), он доказывал, что «политика освобождения» как внутриполитическое и международнополитическое средство, на которое возлагала такие большие надежды послевоенная политическая эмиграция стран Центральной и Восточной Европы, «скомпрометирована, мертва и погребена».

Согласно Тигриду, в Чехословакии следовало бы осуществить пять специфических принципов, три из которых обязательны (свобода личности, политическая демократия, государственная независимость). Если эти три принципа будут соблюдены, то затем и оставшиеся два (свободная экономика и западная ориентация внешней политики) станут достижимыми или во всяком случае открытыми для обсуждения. Журнал «Свидетельство» считал, что нет непреодолимых препятствий, из-за которых Чехословакия не могла бы выполнить первые три предпосылки, сохраняя при этом выгоды социалистической экономической системы, присоединиться к принципам политиче-

ской демократии, не нарушая при этом союза и экономических контактов с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря и еще более широких — со всеми странами мира.

Тигрид искал возможностей контактов с теми коммунистами, которые хотя и носили партийные билеты или выполняли партийные функции, однако «по внутреннему убеждению и сознанию стремились к ревизии как теории, так и практики коммунизма».

Градуализм П. Тигрида не отвергает полностью войны как средства для разрешения международно-политических или идейных разногласий. Однако «если на ближайшее будущее атомная война исключается как средство международно-политических и идейных конфликтов, то градуалистическая концепция должна считаться с необходимостью сосуществования».

Журнал «Свидетельство» очень последовательно проводил требование распространения принципа мирного сосуществования на сосуществование идеологическое. «Если сосуществование должно быть действительно мирным, то это, разумеется, должно также относиться и к идеологии. Другими словами, верующие должны принять принцип взаимной терпимости».

Поэтому журнал пытался доказать исчезновение принципиального противоречия между социалистической и капиталистической системами. С точки зрения его целей, разумеется, было необходимо, чтобы так называемый догматический марксизм исчез со сцены как главное препятствие к примирению и взаимопониманию в вопросах, касающихся общественных интересов будущего мира. Тигрид провозглашал марксизм теорией и гипотезой, которые уже устарели и которые не удастся согласовать с проявившимися в настоящее время общественными явлениями, и поэтому марксизм, по его мнению, должен быть подвергнут ревизии или полностью отброшен.

Ревизионизму Тигрид приписывает выдающуюся функцию общественной и национальной силы, хотя подобные ему «теоретики» на Западе заранее исключают какую-либо возможность поддержки ревизионистов, ибо, по их мнению, ревизионистом может быть только коммунист и поэтому контакт с ним равнозначен «поцелую смерти»⁵⁶.

⁵⁶ «Tvorba», 1969, N 1—2.

Об основных принципах идеологической диверсии и скорости реакции на происходящие события можно судить и по передачам радиостанции «Свободная Европа».

Идея начать психологическую войну против коммунизма по радио возникла в государственном департаменте США в 1948 г., хотя сначала эта акция определялась как предприятие частного характера. Ее целью было помешать консолидации новых режимов в странах Восточной Европы и найти подходящую работу для руководителей политической эмиграции, попросивших убежище в США. Основная цель состояла в подрыве и свержении режимов в социалистических государствах.

В то время, когда шеф американской дипломатии Джон Фостер Даллес поговаривал о третьей мировой войне, генерал Люциус Д. Клей собирал пожертвования на создание радиостанции «Свободная Европа», утверждая: «Мы способны подорвать авторитет местных коммунистических режимов с помощью «Свободной Европы»⁵⁷. При этом он даже не считал нужным скрывать, что радиопередачи «Свободной Европы» должны стать одним из важнейших средств психологической войны.

Финансирование деятельности радиостанции «Свободная Европа» как «частной организации» с самого начала осуществлялось из особых средств, на основе так называемого закона о взаимном обеспечении безопасности и так называемой поправки Керстена 1951 г., которая позволяет президенту США щедро финансировать деятельность этой радиостанции.

Характер комитета по делам «Свободной Европы» подтверждает и его персональный состав. Например, одним из его основателей был Л. С. Джексон, советник правительства США по вопросам ведения психологической войны. В руководстве сменялись вице-президент США Албен Беркли, бывший военный губернатор в Западной Германии генерал Люциус Д. Клей (впоследствии шеф ЦРУ), Вильям Клайтон (бывший шеф ФБР), Иозеф В. Грин (бывший министр иностранных дел США), В. Д. Донован (бывший руководитель американской разведки) и т. д.

Радиопередачи начались в июле 1950 г. с Поссарт-платформы в Богенхаузене. Экспериментальная радиостанция

⁵⁷ «New York Times», 19.III 1952.

мощностью в 7500 ватт была в Лампертхайме вблизи Франкфурта-на-Майне. Позднее была построена средневолновая радиостанция в Гольцкирхене, работающая на Чехословакию и имеющая мощность в 700 000 ватт.

В 1967 г. в конгрессе США началась серия интерпелляций, связанных с деятельностью ЦРУ, и Л. Б. Джонсон создал специальный комитет. Комитет содействовал распространению время от времени по различным каналам сообщений о том, что поддержка радиостанции «Свободная Европа» будет прекращена. Однако уже в 1968 г. тот же комитет рекомендовал оказывать и в дальнейшем поддержку радиостанциям «Свободная Европа» и «Свобода».

Решения, принятые администрацией президента Никсона в 1971 г., только подтвердили старые рекомендации. Передачи «Свободной Европы» и «Свободы» и далее финансировались — и теперь уже совершенно открыто — из государственных средств. По поводу утверждений, что в большинстве случаев финансовую поддержку им оказывали частные лица и общественные организации, следует, еще заметить, что эти финансовые средства не составляли даже одного процента их общего бюджета, который в 1970 г., согласно заявлению сенатора Клиффорта Кейса, составлял приблизительно 34 млн. долларов.

В 1960 г. был учрежден так называемый Европейский центр документации. К числу его представителей относится Отто Габсбург, а также западногерманские и итальянские политические деятели. Результатом деятельности этого центра, в частности, явилось то, что мадридские радиопередачи на чешском и словацком языках были предоставлены для использования бывшими нацистами и судетско-немецкими деятелями с целью «воздействия» на ЧССР.

«Свободная Европа» была предоставлена для проведения гибкой пропаганды в распоряжение людей, которые по мере надобности вели эти радиопередачи даже «с позиций партии». В здании радиостанции «Свободная Европа» в восточной части Английского парка в Мюнхене «борются за социализм» в Чехословакии, Польше, Венгрии, Румынии и Болгарии, подобно тому как «борются» за коммунизм в Советском Союзе на радиостанции «Свобода», находящейся там же. В 1966 г. «Свободная Европа» вела передачи на Чехословакию по 127 ча-

сов в неделю («Би-Би-Си», «Голос Америки» — по 14 часов).

Именно в это время для центра американского шпионажа оказались достаточно убедительными «успехи» работы персонала «Свободной Европы» и ее исследовательских центров. Ей была предоставлена «свобода рук» для выработки стратегии психологической войны. Однако это не означало прекращения контроля со стороны ЦРУ, а было только знаком, как принято говорить, «признания и доверия».

Согласно собственным свидетельствам «Свободной Европы», в ее распоряжении — пять радиоцентров, имеющих 32 радиопередатчика, находящихся в ФРГ и Португалии. Из них четыре радиопередатчика были введены в действие в 1964 г. и достигли мощности в 250 000 ватт. Общая мощность радиосети «Свободной Европы» составляет 2 250 000 ватт.

Данные о численности людей, работающих в «Свободной Европе», согласно различным источникам, колеблются в пределах 2 тысяч. Корреспонденции составляют 17%, комментарии — 20%, обзоры печати — 7% времени радиопередач, не считая других политических сообщений. С помощью самого мощного в мире оборудования для радиоперехвата в Шлиссенхайме близ Мюнхена непрерывно прослушивается 38 радиостанций европейских социалистических стран и 17 станций других стран. Целый штаб людей постоянно «рецензирует» 700 газет и журналов, выходящих в социалистических странах.

Мы включили в эту книгу характеристику журнала «Свидетельство» и радиостанции «Свободная Европа» не только для того, чтобы ознакомить читателя с методами этих средств империалистической пропаганды, но и для того, чтобы напомнить, что летом 1968 г. некоторые люди у нас вследствие наивности или умышленно попытались легализировать эти органы пропаганды махрового антикоммунизма. Газета «Обрана лиду»* помещает «объективный» репортаж о радиостанции «Свободная Европа», а «демократы» из радиопередачи под названием «Песенки с телефоном» сожалеют, что ее глушат. Ныне эти «патриоты» раскрыли свое истинное лицо верных слуг своих зарубежных работодателей.

Средства распространения антикоммунизма чрезвычайно разнообразны.

Для распространения буржуазной идеологии в Чехословакии использовались почтовые посылки с печатными изданиями из капиталистических стран. В 1967 г. в Чехословакию по почте было послано 3,2 млн. таких посылок (в 1962 г. — 1,9 млн.). С января по май 1968 г. — 1,3 млн. С этого времени подсчет посылок был лишь приблизительным. В них содержался в основном научно-технический или рекламный печатный материал, однако число только наименований подписной политической литературы достигает 400 и включает в себя как ежедневные, так и еженедельные издания и другие публикации. Кроме того, в этих посылках содержалось много печатных изданий, никем не выписываемых, главным образом эмигрантских.

Доказано, что немалая роль в распространении антикоммунистической литературы и материалов принадлежала посольствам капиталистических государств в Праге, которые стремились к установлению контактов с чехословацкой общественностью; с этой целью они дарили книги и журналы, демонстрировали и передавали фильмы и т. д.

Все это являлось составной частью деятельности специальных сотрудников капиталистических представительских учреждений в Праге, стремящихся идеологически воздействовать на чехословацкую общественность (главным образом на молодежь, студенчество и часть творческой интеллигенции).

Значительное место в антикоммунистической деятельности занимает использование развития туризма для нетуристских целей. Для 1968 г. характерен рост количества туристов с Запада. Среди них было много не только журналистов, киноработников, но и военнослужащих западных армий (свыше 300), полицейских, неаккредитованных дипломатов и т. д. Разумеется, немалая часть из них выполняла на нашей территории конкретные, специальные задания.

В 1968 г. прибыло в Чехословакию с Запада в 3 раза больше журналистов, чем в 1967 г. (2234). В том, что они выполняли политическую миссию, нет никаких сомнений. В общих чертах их задачей было освещать послеянварские события для воздействия на общественность своих собственных стран, но вместе с тем в той ситуации, когда многие наши средства массовой инфор-

мации перепривали их интерпретацию чехословацких событий, это приводило к соответствующему воздействию на наше общественное мнение.

О фабриках по изготовлению «чехословацкой модели» 1968 г.

От старомодного шпионажа, который сегодня уже оснащен новейшей техникой, империалистические державы перешли к психологической войне, к воздействию на общественное мнение. Политическая и идеологическая диверсия проводится разведками, а ее содержание, формы и методы разрабатываются «научными» учреждениями и центрами, щедро оплачиваемыми из фондов монополистических государств.

Прямыми орудиями американского антикоммунизма являются различные частные или псевдочастные организации и движения.

Против социалистических стран направлена прежде всего деятельность комитета «Свободная Европа» — формально числящаяся частной американская организация, находящаяся в Нью-Йорке, которая по существу руководит деятельностью радиостанции «Свободная Европа».

Из других «частных некоммерческих организаций» стоит упомянуть хотя бы такие, как: Американский фонд помощи чехословацким эмигрантам, Ассамблея поработанных народов Европы, «Моральное перевооружение», Польско-американский фонд помощи и др. Эти организации даже не скрывают своих антикоммунистических целей. Так, например, организация «Моральное перевооружение» из своих средств, которые, по ее свидетельству, она черпает исключительно из частных пожертвований, смогла только за один 1964 г. оплатить акции на сумму 1 900 000 долларов. Размаху антикоммунистической пропаганды способствуют различные именные фонды, которых в США насчитывается свыше 10 000 с общим капиталом, составляющим 14 млрд. долларов. Наибольшие суммы на подрывную деятельность поступают из фондов Форда, Рокфеллера и «Карнеджио корпорейшн».

Главной организацией, специализирующейся на проведении антикоммунистической пропаганды, является ЮСИА, которая располагает самым большим пропаган-

дистским аппаратом во всем империалистическом мире. Согласно последним опубликованным сведениям, ее агентура насчитывает почти 13 000 сотрудников, из которых свыше 9000 находятся за границей. Журнал ЮСИА «Проблемы коммунизма», издаваемый на английском и испанском языках тиражом почти в 30 000 экз. каждые два месяца, представляет собой теоретическую трибуну антикоммунизма.

Важное место в пропаганде, проводимой ЮСИА против социалистических стран, занимают передачи радиостанции «Голос Америки». Для этого ЮСИА предоставляет приблизительно третью часть имеющихся у нее средств. «Голос Америки» ведет передачи почти в течение 700 часов в неделю на 37 языках, в том числе, разумеется, на чешском и словацком. Для этого применяется современная мощная сеть радио- и ретрансляционных станций, разрабатываются программы для «Свободной Европы» и РИАСа *, где сегодня работают чехословацкие «возрожденцы», подобные Вольному, Штефану **, Ездинскому и др.

Забота империалистических агентур об «информированности» чехов и словаков просто трогательна. В 1968 г. для Чехословакии вели передачи 14 различных радиостанций, работающих на чешском и словацком языках, расположенных в восьми европейских странах; наряду с этим использовалась система космических спутников связи (для распространения информации по всей территории Европы). Радиостанции размещались прежде всего на территории Федеративной Республики Германии. Во Франции и Италии находятся две радиостанции. По одной станции размещено в Великобритании, Австрии, Испании, США, Канаде, Албании и Китае. Все эти станции вели передачи на 88 частотах в общем объеме 162 часа ежедневно. Наибольшая часть передач при этом передается на 16 частотах радиостанцией «Свободная Европа». По объему передач за ней следуют Би-Би-Си, «Мадрид» и «Тирана», которые имели три часа радиовремени ежедневно, далее идет «Голос Америки» и радиостанция «Дойче велле».

Государственный департамент создал огромный штаб экспертов, которые должны исследовать возможность проникновения в европейские социалистические страны. Они провели обширный анализ положения в отдельных

странах. В большинстве крупнейших американских университетов организованы «центры», «институты» или хотя бы кафедры по изучению «коммунистических стран», «славянских языков», русской литературы и т. п. Общее число подобного рода институтов достигает почти 150. К наиболее известным из этих учреждений принадлежат: Институт международных коммунистических проблем и Русский институт при Колумбийском университете в Нью-Йорке, Международный исследовательский центр при Массачусетском технологическом институте в Кембридже (проф. Вилиам Гриффит), Научно-исследовательский институт Гувера при Стэнфордском университете, Научно-исследовательский институт советско-китайских отношений при университете Георга Вашингтона в Вашингтоне, Институт стратегических исследований в Вашингтоне, Русский исследовательский центр Гарвардского университета в Бостоне, институты при Техасском университете (здесь работает бывший советник президента Кеннеди и Джонсона Вальт Ростов и бывший секретарь президента Бенеша д-р Таборский), университет Гопкинса в Балтиморе и др. Теми же вопросами занимаются и учреждения в ФРГ.

Главной задачей всех названных выше институтов является прежде всего проведение некоего «основного исследования» в области антикоммунизма, а также подготовка кадров для зарубежной информационной службы в социалистических странах.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

**«Чехословацкий эксперимент»
и венгерская контрреволюция**

Когда мы листаем документы, касающиеся венгерской контрреволюции октября-ноября 1956 г., и сравниваем ее с событиями в Чехословакии в то знойное лето 1968 г., в глаза бросается аналогичность целей, но вместе с тем определенное различие методов, используемых в обеих акциях. На отдельные теоретические тезисы и практические шаги, которыми в равной степени хвастались как чешские, так и венгерские «модельеры», выдавая их за собственное изобретение, однако, нельзя приклеить марку «Сделано в Венгрии» или «Сделано в Чехословакии». Изпод чехословацких и венгерских наклеек выглядывает американская «Supurigitit Free Europa», или — другими словами, — США.

Рудольф Гофман, сотрудник газеты «Культурни живот», назвал «Историческими параллелями» свою статью⁵⁸, в которой отмечал сходство чехословацкой весны 1968 г. с польской и венгерской осенью 1956 г. Он оспаривает здесь тезис о том, что история не повторяется, и ставит вопрос — выдержит ли «чехословацкий эксперимент» сравнение с «польскими и венгерскими событиями», как называет Рудольф Гофман контрреволюционные выступления в Польше и Венгрии. Он с пренебрежением отмахивается от действительных причин, которые вызвали контрреволюционное выступление в Венгрии осенью 1956 г.

Сегодня уже эти события точно охарактеризованы, проанализированы и причины, их вызвавшие. В Венгрии это были ошибки, допущенные прежним руководством, далее это была внутрипартийная оппозиция, которая от

⁵⁸ «Vyber», с. 14, 1968.

ревизионизма пришла к прямому предательству. Венгерские коммунисты понимали причины в их взаимодействии. Ошибки прежнего руководства, которое не признавало никаких других точек зрения, кроме своей, явились причиной извращения основных принципов марксизма и нарушения социалистической законности. Оскорбленные национальные чувства вследствие допущенных политических ошибок стали благоприятной почвой, в которой пустили корни националистические иллюзии, чванство и антисоветские настроения. Внутрипартийная группировка сначала соскользнула на ревизионистские позиции, а затем под лозунгом устранения ошибок выступила против партии и наравне с реакционными силами расчистила простор для наступления контрреволюции.

К другим причинам следует отнести наличие внутренних враждебных классовых сил и поддержку их извне.

Гофман искажил истинные причины венгерской контрреволюции, фальшиво осветил антисоциалистические тенденции в ЧССР. Из концепций империалистической пропаганды и антикоммунизма следует, что деформации социализма якобы неизбежны; ошибки, допускаемые отдельными лицами, приписываются социализму в целом, и вся критика недостатков ведет к общему отрицанию социалистического развития. Обоснованное беспокойство Советского Союза Гофман считает преувеличенным, хотя и сам Гофман видит, что «до тех пор, пока мы сами не приведем убедительных доказательств, что социалистическая ориентация Чехословакии безусловна и вне опасности, до тех пор мы не развеем существующих в некоторых социалистических странах опасений, как бы они нам не казались необоснованными».

Рудольф Гофман, однако, не призывает тотчас бескомпромиссно расправиться с силами, отстаивающими прежние позиции, и начать строить баррикады. «В этом отношении о многом говорит развитие польских событий, когда после победоносного октября дело дошло до замораживания революции, до компромиссов...»

Конец «чехословацкого эксперимента» мог бы наступить очень быстро, — тревожится Гофман. — Тот, кто авторитарно пытался бы доказать наличие проявлений антисоветизма и антикоммунизма и во имя этого авторитарно прекратил дальнейшие дискуссии, взял бы на себя колоссальную ответственность за судьбу нашего теперешнего

движения». Однако «Бонпер рундшау» видит эти вопросы в более реальном свете и пишет: «Железный треугольник, который составляют эти три государства (ГДР, ЧССР и Польша. — М. М.), является ядром Варшавского Пакта... Достаточно взглянуть на карту, чтобы удостовериться, что означал бы выход Праги из этого треугольника. Южное крыло зоны (имеется в виду ГДР. — М. М.) и Польша остаются неприкрытыми и, таким образом, становится возможным попадание через советскую границу. Треугольник обесценивается, так как Варшавский Пакт утрачивает свое сердце»⁵⁹.

Тем не менее полководцы антикоммунизма были против чересчур скоропалительных действий, они были за «деликатность» форм и последовательность методов идеологической диверсии.

Каковы же действительные параллели между венгерской и чехословацкой контрреволюциями?

Для нанесения решительного удара в Венгрии иностранные центры и отечественные антисоциалистические группировки избрали момент, когда венгерские коммунисты искали пути исправления ошибок, допущенных прежним партийным руководством. Это вытекало из основного принципа ведения психологической войны, гласившего, что против социалистических стран необходимо использовать любую трудность, любой недостаток, любые колебания. Основная цель состояла в том, чтобы ослабить социализм, расколоть единство социалистических государств, разорвать связи с Советским Союзом. Как следует из серии статей, опубликованных в «Нью-Йорк таймс» (18—23 апреля 1956 г.), задачей антисоветчиков было: «Использовать различие во взглядах, столкновения интересов и конфликты между народами Восточной Европы». Из ошибок и внутренних затруднений они стремились извлечь пользу, активизировать реакционные группировки, стимулировать разногласия с Советским Союзом и вызвать националистические и антисоветские настроения. На это была направлена и диверсионная деятельность империалистических кругов. Следует отметить, что в те годы по вопросам политического или психологического наступления вышло много книг и статей, особенно в США,

⁵⁹ «Bonner Rundschau», 26.VII 1968.

Западной Германии, Англии и Франции. Методы и средства ведения политической борьбы, вскоре примененные и при подготовке венгерской контрреволюции 1956 г., собрал в своей книге «Политическая война» известный американский публицист Джон Скотт, которую он издал в 1955 г. Автор писал: «Основной целью деструктивной политической войны является ослабление противника или его уничтожение с помощью дипломатических маневров, экономического давления, шпионажа, обмана, провокаций и угроз, саботажа, террора, а также путем изоляции его от союзников и друзей... Одновременно с этим необходимо первернуть коммунистические правительства, вбивать клин между ними и народами их стран»⁶⁰.

Операция «Фокус»

В первой половине 50-х годов, когда внимание антисоциалистических центров было направлено в основном на Чехословакию, комитет «Свободной Европы» запускал воздушные шары с листовками и над Венгрией. Эта операция, носящая рабочее название «Фокус», была рассчитана на психологический и политический эффект. На листовках, разбрасываемых с этих шаров, значились только буквы НДС (Национальное движение сопротивления) и цифра 12 — число лозунгов, распространяемых «Свободной Европой». Среди них были такие примитивные, как: «Профсоюзы профсоюзам!», «Больше денег, меньше слов!», «Меньше поставки, больше урожай!», «Товары для народа, а не для СССР!», «Квартиры для семей, а не для государства!» и т. д. Безделье возводилось — как и у нас после августа 1968 г. — в ранг патриотической деятельности.

Некоторые лозунги основывались на имевших место недостатках, признаваемых самой партией. Эти недостатки, виновниками которых были отдельные политические деятели, преувеличивались и представлялись как присущие самому строю. Неискушенной молодежи льстили, дав ей лозунг: «За молодежь, подобную молодежи 1848 года!»

⁶⁰ I. Scott. Political Warfare; A Guide to Comparative Coexistence. New York, 1955, p. 14, 28.

К постоянным методам «Свободной Европы» относится и внушение убеждения о якобы преходящем характере социалистической системы. Это осуществляется с момента создания радиостанции, несмотря на смену двух поколений русских эмигрантов, которые некогда были инициаторами выдвижения данного лозунга. Реабилитацию невинно осужденных антисоциалистические силы стремились распространить на фашистских преступников и вернуть имущество классово враждебным социализму элементам. И в Венгрии они выдвинули лозунг политического плюрализма — создание системы многих партий, активизирующей наиболее скомпрометированные элементы, которые являлись носителями реставраторских тенденций.

31 октября 1956 г. был организован Общегосударственный блок беспартийных, который выдвигал требования, аналогичные выдвигаемым позднее в Чехословакии КАН* и К-231**, а именно: «Установить полицейский надзор над партизанами!»; «Изгнать с предприятий коммунистическую партию!» и т. п.

Позднее специалисты по антикоммунизму, наученные горьким опытом венгерской контрреволюции, не скупилась на советы для организаторов «пражской весны 1968 г.». Основные тезисы программы действия этой политики сформулировал Виктор Зорза в статье «Возможности уничтожения восточноевропейского рабства», которая была опубликована в «Гардиан». «Первый совет: необходимо уменьшить их энтузиазм. Движение за свободу не должно быть слишком быстрым, так как это испугало бы русских и, следовательно, могло бы создать возможности для усиления консервативных сил в руководстве и тем самым ослабить дело, которое поддерживает Запад. Другой совет: либерализовать партию. Залог успеха состоит в том, чтобы были устранены все те, о которых известно, что они — противники перемен. Хотя это и не является залогом полного успеха, но при данных обстоятельствах это лучшее, что можно сделать. Когда же партия будет очищена... либералы, вероятно, будут способны выполнить свою роль...»⁶¹

Летом 1968 г. антисоциалистические силы у нас начали психологическую войну, тактика и стратегия которой были проверены в Венгрии.

⁶¹ «The Guardian», 13.III 1968.

С чего бы она ни пачиалась: с выдвигения ли патриотических лозунгов, потрясения ли национальным знаменем или с уничтожения революционных символов, — она затем неминуемо выливалась в грубый шовинизм и антисоветизм. Идеологическая диверсия оперирует не сложными концепциями, а, наоборот, простыми и доходчивыми лозунгами, такими, например, как «национальная демократия» в Венгрии или «демократический социализм» в ЧССР. Она не может вытравить из сознания людей принципы социализма, поэтому желает его лишь «улучшать», «возрождать», «приспосабливать к национальным формам». Но как только была достигнута определенная ступень и создались соответствующие условия, в Венгрии активизировались самые реакционные элементы и «патриотизм» был заменен грубым антисоветизмом, а «ренессанс» — антисоциалистическими и контрреволюционными требованиями. Равным образом у нас пашли применение принципы градуализма, и антисоциалистические силы задержали социалистическое развитие страны, привели ее к политическому и экономическому кризису.

Дела контрреволюционных групп в Венгрии показали, что они не остановились на «гуманной демократии», но прибегли к белому террору.

Справедливым оказался принцип, гласящий, что контрреволюция не пачинает с виселиц, но ими кончат. Оказалось, что многие не извлекли необходимых уроков из хода и результатов венгерской контрреволюции, которая потерпела крах, к сожалению, лишь после того, как был нанесен серьезный ущерб и пролита кровь.

В «Уроках кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» говорится:

«Планы и цели контрреволюции в Чехословакии были те же, что и в Венгрии в 1956 г., только ее тактика ввиду различий в условиях и во времени была иной. Антисоциалистические силы в нашей стране, действовавшие в соответствии с замыслами современного империализма, ориентировались прежде всего на использование методов политического, идеологического разложения и разрушения органов власти, а также на постепенное осуществление контрреволюционных целей в течение более продолжительного периода, чем это было в Венгрии. Однако и у нас эти силы рассчитывали на то, чтобы в подходящий

момепт, в случае если их плапы патолкнутя на сопровтивление, они развяжут и фйзический террор против марксистско-ленинских кадров и граждан, преданных делу социализма»⁶².

Слова и дела контрреволюции

Когда мы при конфронтации чехословацкой модели 1968 г. с ее целями и результатами возвращаемся вновь к событиям венгерской контрреволюции, то обнаруживаем, что у нас вовремя не были сделаны выводы из подобного же развития событий и, в частности, что пас не потряс даже последний этап контрреволюционного террора. Более того — еще существуют наивные люди, которые думают, что некоторые представители чехословацкого «эксперимента» имели самые лучшие намерения. Действительно, возможно, что мотивы действий различных людей были различны, однако решающее значение имеют результаты их действий. Из исторического опыта вытекает одно — правый оппортунизм или сам выльется или его дотянут до антисоциализма другие. Это очень наглядно видно на примере позиции Имре Надя. Антисоциалистические силы, подстрекаемые «Свободной Европой», популяризировали Имре Надя, подняли его на щит своих устремлений, несмотря на то, что он многократно публично выступал с самокритикой и говорил вначале лишь о «независимом и самостоятельном или улучшенном социализме».

Однако те реакционные группы, которые его превозносили, само собой разумеется, не удовлетворялись даже его «справедливой и очищенной демократией». Они развязали контрреволюционный террор и приступили к реставрации капиталистических порядков. В Имре Наде видели пример и чехословацкие «возрожденцы». Газета «Литерарни листы» заявляла об этом совершенно открыто. Освальд Махатка в статье «Еще одна годовщина», опубликованной в «Литерарни листы» 13 июня 1968 г., вспоминает об Имре Наде в связи с десятой годовщиной вынесения ему приговора, который расценивается автором как преступление. Статья появилась

⁶² «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». М., 1971, стр. 31.

после майского Пленума ЦК КПЧ 1968 г., в то время, когда партия заявила о необходимости борьбы против правого оппортунизма. Статья подчеркивала актуальность политической платформы Имре Надя и тем самым была направлена против этой линии партии. О. Махатка писал: «Надь выступил с критикой тотальной диктатуры и с гуманистическим пониманием социализма как яркий представитель демократических и национальных идей социализма». Автор статьи рекламировал как международную политическую программу идею Имре Надя о том, что «гарантией независимости является отказ от участия в военных блоках и нейтралитет».

За кулисами подготовки контрреволюционного выступления в Венгрии стоит комитет «Свободной Европы». В одном из его документов, относящемся к весне 1956 г. и опубликованном в 1958 г. известным антикоммунистическим исследователем Хольтом, выдвигаются несбыточные плащи свержения рабоче-крестьянского правительства⁶³.

Важнейшим, однако, было признано создание благоприятной международной ситуации, позволяющей «справиться с режимом, избежав вмешательства Москвы».

Мы знаем, что и у нас антисоциалистические силы искали в руководстве человека, способного осуществить первый этап; заправили средств массовой информации создали миф о «мужах» января, к которым причисляли только тех, на которых они сделали ставку, таких, например, как: Смрковский, Дубчек, Шик, Кригель. Позднее был сочинен миф о «семи доблестных», к которым уже относили и Боровку, и Водслоя, и Цисаржа. «Литерарни повины» подталкивали Дубчека, чтобы он стал Надем, а он так же, как и Надь, увлекся фальшивым национальным единством. Вначале на словах он еще стоит на платформе социализма, однако оставляет свободное поле действия для правых сил в партии и антисоциалистических сил в государстве. Упиваясь собственной популярностью на Западе и заткнув уши от предостережений, он, таким образом, изолирует себя от здоровых интернационалистских, ленинских сил на родине и от представителей социалистических государств.

Подобно Надю, и некоторые чехословацкие посетители ревизионистских взглядов не строили своих концепций

⁶³ R. T. Holt. Radio Free Europe. Minniapolis. 1958. p. 225—226.

на основе зарубежной пропаганды, однако их действия и позиции находились с ней в полном согласии и, подобно действиям Надя, спискали ее одобрение.

Для политики правооппортунистических членов руководства партии было типично расхождение между словами и действиями.

Один — скажем, Дубчек — провозглашал что-то, что потом или не выполнял, или предоставлял исполнять лицам, которые придерживались иных взглядов. Другой — скажем, Смирковский — говорил одно, а делал другое. Третий — скажем, Кригель — говорил как правый оппортунист и действовал в антисоциалистическом духе. Но были еще здесь и десятки других, которые ничего не говорили, но готовили контрреволюцию. Наконец, были и такие, которые ничего не говорили и ничего не делали, но позволили увлечь себя националистической волне. Все это было на руку инспираторам антикоммунизма. Вышеупомянутый историк, сотрудник радиостанции «Свободная Европа» Р. Хольт писал: «Тактика психологической войны может быть переменчива так же, как и апрельская погода. Однако ее основы, стратегия и цели должны оставаться неизменными»⁶⁴.

Много параллелей в сфере писательской и журналистской деятельности возникает при сравнении «пражской весны» и «будапештской осени». В обоих случаях группы писателей и журналистов ставят себя над партией: писатели вступают в сферу политической деятельности, выдавая свои субъективные взгляды за всеобщие, а любую полемику с их политическими убеждениями воспринимают как административное вмешательство в сферу искусства. Некоторые редакции в Венгрии так же, как и у нас, узурпировали право выборных органов и выдавали личные взгляды и пожелания редакторов за общественное мнение. Вначале некоторые журналисты стремились лишь к тому, чтобы не «отстать» от «возрожденческих» идей, однако впоследствии правыми элементами они были втянуты в истерическую кампанию, в которой мерой «возрожденчества» стала степень отрицания прошлого. Эти самозванцы шельмовали выборных функционеров, представляя их как догматиков. Они разрабатывали и применяли новые формы террора, такие, как психологиче-

⁶⁴ Там же, стр. 231.

ское и экономическое давление. Хотя и у нас Союз журналистов объявил себя синдикалистским институтом, однако в действительности его представители вместе с представителями других творческих союзов применяли самые грубые формы политического давления⁶⁵.

Для всего этого периода характерно противоречие между словами и делами — псевдосоциалистическим возрождением, которое затем превращается в прямое предательство рабочего класса и общественных интересов; между лжепатриотическими фразами и действительными антикоммунистическими, антисоветскими целями, осуществление которых в конечном счете означает угрозу государственной безопасности и утрату свободы развития нации. Незначительные поправки и реформы в определенный момент превращаются в тотальную деструкцию не только политической системы, но и основных экономических и культурных ценностей.

Как в Венгрии, так и у нас авантюризм правых и растущая активность контрреволюционных сил в предавгустовские дни сделали необходимыми действия, направленные на защиту социализма в Чехословакии и безопасности социалистического лагеря в целом*. Однако вступление войск наших союзников послужило новым поводом для раздувания антисоциалистической истерии. Вопреки соглашениям, заключенным в Чиерпе, вопреки четкой договоренности, достигнутой в Братиславе, вопреки дружеским предостережениям со стороны представителей братских стран, — так же, как и в Венгрии, правооппортунистическая часть руководства нашей партии не только не боролась против антисоциалистических тенденций, но попала под влияние националистических антисоветских настроений.

И оценивая сегодня результаты вступления союзных войск, мы можем констатировать, что оно предотвратило в нашей стране трагические события, подобные тем, которые разыгрались в Венгрии осенью 1956 г., а наших политических деятелей, таких как Дубчек и Смирковский, уберегло от судьбы Имре Надя.

Движение советских войск к Будапешту побудило Надя к объявлению нейтралитета, а контрреволюционные и деклассированные элементы — к развязыванию безудер-

⁶⁵ «Pravda», 30.VII 1970.

жного белого террора. Лозунги и требования, выдвигаемые в разных местах и отчасти воспринятые официальными государственными представителями, были только разновидностью указаний комитета «Свободной Европы», с которыми познакомил общественность Р. Хольт в своей книге «Радио «Свободная Европа»⁶⁶. Среди них мы читаем: «Отозвать войска. Распустить органы государственной безопасности. Исключить из руководства всех тех, кто был в старом руководстве, и создать правительство из групп восставших. Выйти из Варшавского Договора. Организовать патриотические комитеты». Эти требования передавались в различных вариантах по радио начиная с 29 октября 1956 г.

Сегодня имеется уже целый ряд документов о «дирижерах» контрреволюционных выступлений. Аллан А. Микки, в то время занимавший пост заместителя директора радиостанции «Свободная Европа», с гордостью заявил в своей книге: «Подробный анализ достигнутых результатов убедил сотрудников радиостанции «Свободная Европа», а также работников агентства печати «Свободная Европа» в том, что переданное по радио и печатное слово стали новым видом оружия политической борьбы»⁶⁷.

Готовя контрреволюционный мятеж в Венгрии, ни реакционные силы, ни «Свободная Европа» не говорили ничего нового, они повторяли без устали, вдалбливали старые аргументы, уже стократно опровергнутые фактами, руководствуясь геббельсовским принципом о том, что «стократно повторенная ложь становится правдой». Разумеется, контрреволюции мешали советские войска. Лондонское радио 4 октября 1956 г. заявило: «Безусловно, что вопрос отзыва советских войск стал одним из первоочередных. Теперь самое время, чтобы русские ушли к себе». И тотчас же, согласно теории градуализма, они намечают следующий этап: «Но означает ли это, что Венгрия будет иметь после этого больше свободы и сможет идти по своему собственному пути? Это может произойти только в том случае, если одновременно с отзывом советских частей будет разбит и весь коммунистический государственный аппарат». 13 октября антикоммунисти-

⁶⁶ R. T. Holt. Radio Free Europe, p. 912.

⁶⁷ A. Mickie. Voices through the Iron Curtain. The Radio Free Europe Story. New York, 1963, p. 140—141.

ческие центры выдвинули и программу: «Требуйте отзыва Советской Армии, опубликования советско-венгерских договоров и торговых балансов, требуйте демократии вместо демократизма, независимости вместо иностранной опеки».

Сегодня из американских источников мы узнаем инициаторов и организаторов диверсионных акций, проводившихся под патриотическими наклейками. Причем реакция на подобного рода события была исключительно быстрой. Так, например, после демонстрации в Познани (28 июня 1956 г.), как об этом сообщал «Нью-Йорк журнал америкэн» (30 июня 1956 г.), американский сенат решил «предоставить в рамках помощи иностранным государствам 25 млн. долларов для финансирования диверсионной деятельности за железным занавесом, которая ведет к событиям типа познанских». Нет ничего более желанного и стоящего так дешево для антикоммунистических центров, чем акции, приводящие в конечном итоге к антисоциалистическим выступлениям, которые предпринимались некоторыми популярными политическими деятелями, такими, как Имре Надь или Александр Дубчек.

Родство событий чехословацкого лета 1968 г. и венгерской осени 1956 г. заключается в схожести намерений и целей. Однако в чехословацкой модели мы находим наряду с обычными также новые, или «улучшенные», методы. Было бы наивно полагать, что империалистические силы и наша отечественная реакция не сделали для себя выводов из краха венгерской контрреволюции. Наоборот — они следовали в своих действиях принципу приспособить все ранее существовавшие формы к месту, времени и условиям, а также изыскать новые средства.

После поражения венгерской контрреволюции был написан целый ряд исследований. М. Петрович считает самым поучительным в событиях 1956 г. то, что они показали, с одной стороны, «что восточноевропейские режимы не являются случайными или временными, но представляют собой прочное сооружение и поэтому на случайное и насильственное свержение этих правительств рассчитывать бессмысленно», а с другой — что «вооруженное выступление против восточноевропейских режимов не является составной частью американской политики», так как «американское правительство избегает

такого столкновения, которое могло бы привести к войне с Советским Союзом»⁶⁸.

Однако это вовсе не означает, что США отказались от борьбы, они только избрали новую тактику — реализацию теории Джонсона о «мирном проникновении» и «наведении мостов», которую Штраус приукрасил заманчивыми фразами о «новой восточной политике». Для экспорта на Восток была создана теория конвергенции — сближения социализма с капитализмом.

Контрреволюционное выступление в Венгрии послужило хорошим уроком для всего революционного рабочего движения. Следует напомнить точку зрения Пальмиро Тольятти по поводу помощи советских войск.

Искренне, с позиций подлинного интернационализма Тольятти одобрил действия Советского Союза в отношении венгерской контрреволюции. Свою точку зрения он высказал на страницах газеты «Упита» в статье «Защита свободы и мира». «Возможно, — писал он, — что под влиянием ожесточенной вражеской пропаганды найдутся люди, которые заколеблются, которые испугаются, которые опибуются. Но со временем они вновь обретут уверенность. Нет ничего удивительного или нового в том, что в рабочем движении найдутся люди, которые разберутся в сути вещей не сразу, а через несколько месяцев или даже лет. Сущность событий, однако, совершенно ясна... Обязанность Советского Союза состоит в том, чтобы предотвратить возможность возникновения на его границах очагов военных провокаций.

Его обязанностью, в особенности в настоящий момент, является сохранение всех тех боевых позиций, которые органически являются составной частью мирного фронта, его обязанность — не допустить, чтобы эти позиции были подорваны или пусть даже ослаблены. В этом заключается его долг не только по отношению к самому себе и по отношению к восточноевропейским государствам и народам, но также по отношению к нам и всему человечеству»⁶⁹.

⁶⁸ «Current History», 1967, N 308.

⁶⁹ «Unita», 6.XI 1956.

МЕСТО ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО РЕВАНШИЗМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Симпатии западногерманских реваншистов к реформаторам в ЧССР

Уже при первом знакомстве с концепциями, теориями и практикой антикоммунизма от нас не может ускользнуть близость или тождественность действий некоторых «модельеров» и «экспериментаторов» с усилиями западногерманских милитаристов.

Чехословакии, явившейся уже однажды жертвой «нового упорядочения Европы» и поплатившейся за концепцию «чехословацкого моста», особенно стоит задуматься над всеми теми тенденциями, которые могли осуществиться в 1968 г.

Наряду с антисоциалистическими, антисоветскими усилиями правых оппортунистов и контрреволюционных сил в Чехословакии проявились и другие тенденции: глорификации ФРГ, установления контактов с различными кругами Западной Германии и одновременно ослабления связей с ГДР. Наметились тенденции, явно тождественные целям реваншистских кругов ФРГ. Предварительно следует заметить, что замалчивание целей тогдашней милитаристской боннской политики в отношении социалистических государств и прямая или косвенная поддержка политики ФРГ, направленной против ГДР, не означали только выпад против братского социалистического государства ГДР. Это вместе с тем было игнорированием факта, что именно ГДР является важным заслоном на пути западногерманского империализма и реваншизма, важным звеном в обороне социалистического содружества, а таким образом — и нашего государства, против которого нацелена эта реваншистская политика.

Ориентация милитаристских кругов ФРГ на изменение статус-кво в Европе (из которой в первую очередь вытекала ориентация на уничтожение ГДР) предподре-

лила и лишью на присвоение ФРГ права исключительного представительства всего немецкого народа, на нарушение основных принципов соглашений великих держав о Западном Берлине как самостоятельной политической единице. Из реваншистской ориентации западногерманского империализма вытекало и стремление добиться влиятельного положения в НАТО и доступа к атомному оружию, и нарушение постановлений о биологическом и химическом оружии, и отношение к военным преступникам, и непризнание послевоенных границ, в частности по Одеру—Нейсе. Из этого вытекало и отрицательное отношение к постоянному требованию ЧССР о признании недействительным мюнхенского соглашения с самого начала*.

Из огромного количества фактов приведем лишь некоторые, имевшие место в 1967—1968 гг.

Политические усилия Бонна в первую очередь были тогда направлены против СССР, а следовательно, против ГДР. Одновременно они были связаны со стремлением ослабить связи внутри социалистического содружества. Целью этой политики являлось не только создание Великой Германии в постмюнхенских границах, но и реализация реваншистских планов.

Известно, что наши народы в течение столетий подвергались прежде всего атакам со стороны германских экспансионистов. Хорошо известно утверждение Бисмарка о том, что географическое положение Чехии делает ее ключом к овладению Европой. Значение нашей территории с этой точки зрения, совершенно очевидно, не потеряло своей актуальности ни в нашем веке, ни в наши дни. ЧТК в своей зарубежной информации 31 мая 1968 г. в связи с высказываниями депутата Мюллера-Гарманна, заместителя председателя парламентской фракции ХДС/ХСС, сообщало, что «ФРГ в стремлении к большей свободе и созданию широкого европейского сообщества отводит ЧССР важную посредническую роль из-за ее географического положения».

В первые дни января 1968 г. информированные круги ФРГ выражали надежды и чаяния, а также строили реальные расчеты, исходя из знания целей тех людей, на которых они сделали ставку. «Можно ожидать, что новые лица в правительстве и в политбюро будут располагать достаточной властью в аппарате, чтобы идти по со-

вершено новому пути. Ожидаются жесткие экономические меры, которым народ не обрадуется. Рано или поздно во внешней политике, вероятно, произойдут неожиданные повороты»⁷⁰.

Когда мы сегодня анализируем подстрекательскую деятельность и прогнозы некоторых западногерманских газет, принимавших во внимание решения империалистических кругов избегать военных конфликтов, то приходим к выводу, что их позиция исходит из ориентации на проведение постепенных реформ в ЧССР с такой интенсивностью, которая не вызывала бы решительного вмешательства классово сознательных сил как внутри страны, так и в социалистическом лагере.

Газета «Боннер рундшау» писала по этому поводу: «Федеральное правительство действовало правильно, когда оно реагировало с величайшей осторожностью на ситуацию в Праге. Однако все же мы должны сыграть свою роль на Влтаве — осторожно, но решительно — и мы выиграем»⁷¹.

Речь шла о целенаправленных усилиях, открыто выраженных во время нарастания «возрожденческой волны» в Чехословакии. М. Вальде, один из ведущих комментаторов газетного концерна Шпрингера, 18 июля 1968 г. поведал по западногерманскому радио в репортаже под названием «Свободный Берлин»: «Игра ведется за нечто большее, чем пражская реформа. Речь идет о будущем самоосвобождении государств бывшего восточного блока вообще». Сенатор Турмонд в конгрессе США 2 августа 1968 г. также заявил: «Многие в официальных кругах Вашингтона возлагают надежды на конечный результат, на то, что удастся оторвать социалистические страны Восточной Европы от Советского Союза и привлечь их на сторону Соединенных Штатов».

Сегодня уже ясно, что Чехословакия могла бы вновь стать, как уже много раз в прошлом, тем мостом, по которому западные империалистические реваншистские силы двинулись бы на Восток.

Было бы грубой недооценкой фактов, если бы мы не сделали выводов и из таких явлений, как, например, «судето-немецкие съезды». Хотя федеральное правительство «большой коалиции» вновь публично провозгласило,

⁷⁰ «Frankfurter allgemeine Zeitung», 8.I 1968.

⁷¹ «Bonner Rundschau», 29.III 1968.

что оно не имеет к Чехословакии территориальных притязаний, верховная организация реваншистов — так называемый «Союз изгнанных с родины» — в связи с состоявшимся судето-немецким съездом сделала заявление (Нюрнберг, 26 мая 1969 г.), в котором утверждала, что «договоры, касающиеся восточной территории ГДР и Судет, могут быть заключены только с согласия немцев, которые происходят оттуда».

Все это факты, которые не могли быть поколеблены утверждениями официальных кругов ФРГ о том, что в ЧССР преувеличивается деятельность реваншистов и что вопрос об античехословацких провокациях решится сам по себе, ибо речь якобы идет о проблеме поколений.

Надежды реваншистов, связанные с чехословацким движением за реформы, раскрыл в известном интервью д-р Вальтер Бехер, представитель землячества судетских немцев. На вопрос: «Когда, к примеру, землячество судетских немцев провозглашает своей целью возвращение родины, отторгнутой чехами, то не является ли это тем же, чего намерено добиться федеральное правительство с помощью так называемой восточной политики?» — Бехер ответил: «Да, я верю, что это соответствует заявлению федерального правительства, которое гласит: «Родину, принадлежавшую нам на протяжении 700 лет, из которой мы были изгнаны, заселить снова — вот наша цель». На вопрос: «При каких условиях началось бы возвращение предпринимателей и специалистов из судетских немцев на бывшую судетскую территорию?» — он ответил: «Если бы судетские области имели культурную автономию, национальную автономию, самоуправление экономики, самоуправление в местных органах, т. е. полное самоуправление, которое имеет, например, Бавария в ФРГ, если бы это было самостоятельное государство, федеральное государство (!)». Изменение статус-кво, которого требует Штраус, в первую очередь касается существования Германской Демократической Республики, ее включения в ФРГ, что, согласно Бехеру, «можно решить в процессе свободной федерализации Европы». В заключение этого интервью, названного на телевидении «Президент в изгнании», репортеры задают вопрос: «Было ли у вас ощущение, что до 21 августа вы были ближе к своей цели?» — и Бехер отвечает: «Я бы ответил однозначно — «да». — «Следовательно, 21 августа означало для землячества су-

детских немцев, а также для вас лично большое разочарование?» — Бехер: «Да, огромное разочарование».

Хотя в Бонне время от времени упоминали о том, что ФРГ не предъявляет территориальных притязаний к ЧССР, трудно, однако, опровергнуть наличие логики в следующих рассуждениях реваншистской организации молодых судетских немцев: «Так как федеральное правительство защищает право судетских немцев на самоопределение и это право... может при определенных условиях проявиться в требовании судетских немцев о включении территории их родины в состав ФРГ, то правительство ФРГ при вышеупомянутых условиях будет вынуждено предъявить определенные территориальные притязания к нынешней Чехословакии...»⁷²

В Чехословакии существует целый ряд убедительных документов, свидетельствующих о том, что именно фанатично настроенные члены генлейновской партии* в период перед мюнхенским диктатом развязали в пограничных районах Чехословакии вооруженный террор и убивали не только граждан чешской, но и немецкой национальности, в особенности членов коммунистической и социал-демократической партий. Значительное число бывших членов генлейновской судето-немецкой партии, ответственных за эти действия, состоят в руководстве землячества судетских немцев, и именно они своей террористической деятельностью и нацистским фанатизмом помогали гитлеровской Германии подготовить и осуществить мюнхенский диктат. Сегодня они отказываются признать недействительность этого преступного договора, как об этом свидетельствует речь Ф. Бёма, председателя землячества судетских немцев и заместителя председателя «Союза изгнанных» на съезде 1969 г.

Многие реваншистские лидеры являются депутатами бундестага и ландтагов и деятелями политических партий. Важен и тот факт, что со взглядами, высказанными представителями реваншистских организаций на судето-немецком съезде, солидаризировался федеральный министр Доллингер, который снова заверил, что их позиция «будет и в дальнейшем полностью признаваться федеральным правительством».

⁷² «Dokumentensammlung zur Sudetenfrage». München, 1962, S. 47.

Характерной чертой судето-немецких съездов является то, что они используются для кампании по набору в нео-нацистскую партию НДП. Для этого в 1969 г. послужили и пропагандистские материалы партии, и шантажистские высказывания В. Бехера о том, что землячество судетских немцев в случае непринятия реваншистских требований могло бы радикально повернуть вправо. Известно, что НДП собирала наибольшее количество голосов именно в тех областях, где активизируется деятельность реваншистских организаций.

Принимая во внимание упомянутое заявление «Союза изгнанных» и речи ряда ораторов на съезде 1969 г., представляется парадоксом то, что бывший канцлер Кизингер в приветственном послании съезду судетских немцев охарактеризовал деятельность реваншистских организаций следующим образом: «Этим вы поддерживаете политику федерального правительства, которое поставило своей целью, последовательно проводя политику мира и взаимопонимания, постепенно преодолеть раскол Европы и прийти к прочному урегулированию, которое было бы воспринято всеми его участниками как справедливое».

Нельзя не видеть, что некоторые буржуазные партии ФРГ в принципиальных вопросах очень мало отличаются друг от друга. Уже при беглом сравнении бросается в глаза, что НДП и ХДС/ХСС преследуют одинаковые цели. Программа ХДС гласит: «Мы отвергаем признание тотальной системы правления в части Германии, оккупированной Советами». Программа НДП: «Мы отказываемся признать реальность позиций, добытых коммунистами в 1945 г.». Бывший председатель ХДС Кизингер заявил: «Преодоление статус-кво является для нас важной задачей»⁷³.

Газета НДП «Дейче нахрихтен» 18 октября 1968 г. по этому вопросу писала: «Было бы, вероятно, непоправимой ошибкой, если бы германский вопрос... примирился со статус-кво».

Головная организация так называемых изгнанных «Союз изгнанных» — орудие реваншистских и милитаристских устремлений — тесно сотрудничала с правительством Кизингера, концепции которого отвечали намерениям реваншистских кругов.

⁷³ «Bayernkurier», 20.VII 1968.

Из сообщения западногерманского бюллетеня «Союза изгнанных» «Дейтшер Остдинст» от 28 марта 1968 г. следует, что члены землячества оказывают активное влияние на политическое обучение бундесвера. Небезызвестный представитель землячеств судетских немцев Бехер ратовал за возвращение выселенных немцев на их «исконную родину»: «Самой лучшей формой кредита и экономической помощи для Чехословакии, — писал он, — была бы реинтеграция судето-немецких предпринимателей и специалистов и возвращение немцев на родину, не завоеванную, а приобретенную трудом»⁷⁴.

Землячество судетских немцев 27 октября 1968 г. заняло определенно позитивную позицию в отношении мюнхенского соглашения, заявив, что «этот диктат имеет законную силу с точки зрения международного права, и поэтому он не может быть объявлен недействительным с самого начала. Мюнхенское соглашение является запоздалым осуществлением права на самоопределение также и для судетских немцев»⁷⁵.

Эта формулировка поддерживалась в западногерманских правительственных заявлениях того времени, в которых «недействительность мюнхенского договора с самого начала обходилась с помощью формулировки о том, что договор уже недействителен»⁷⁶.

Государственный секретарь Дниель повторил эту формулировку («Nicht mehr gültig») 30 сентября 1968 г. и в то же время заявил, что недействительность с самого начала («von Anfang null und nichtig») должна быть провозглашена юридической, а не политической инстанцией⁷⁷. И когда раздались голоса о незаконности мюнхенского договора, представитель правительства Алерс поспешил выступить с заявлением о том, что речь идет о моральной, а не о юридической оценке⁷⁸.

О реваншистских тенденциях свидетельствовала и акция организации молодежи «Союза изгнанных», которая летом 1968 г. совместно с НДП вблизи чехословацких западных границ установила доски с надписью: «Здесь на-

⁷⁴ «Sudetendeutsche Zeitung», 7.VI 1968.

⁷⁵ UPI, München, 27.I 1968.

⁷⁶ «Bulletin des Presse». — u. Informationsamtes der Bundesregierung», Bd. 72, 1968.

⁷⁷ DPA, Bonn, 30.IX 1968.

⁷⁸ UPI, Bonn, 28.X 1968.

чинается чешская оккупационная зона — немецкая территория»⁷⁹.

Наивно полагать, что изменением правительственной коалиции будет устранена опасность неонацизма, реваншизма и милитаризма. И хотя к управлению государством теперь пришли реалистические силы, пытающиеся найти разумные решения, однако и при новой («малой») коалиции сохраняется потенциальная опасность империалистической экспансии западногерманских милитаристов. Буржуазный гамбургский еженедельник «Ди цайт» 27 сентября 1968 г. писал: «НДП — естественное дитя этой республики, порождение ее трудностей. То, что содержится в ее программе, чего хочет Тадден, преследуют и другие партии, требуют и другие политические деятели: антикоммунизм, европейские бомбы, поставить точку на прошлом... Они хотят вновь вернуть германские восточные земли и Судеты...»

Новый вариант старомодной диверсии

В ФРГ вопросами антикоммунизма и реваншизма занимались десятки учреждений, поддерживаемых министерством по делам «эмигрантов», министерством по общегерманским вопросам, государственным комитетом по печати и информации. Под различными вывесками, такими, как Bundesinstitut zur Forschung des Marxismus—Leninismus, Institut zum Studium der UdSSR, Bund der Vertriebenen, Institut für Sowjetologie, и под прикрытием факультетов религиозных центров и организаций ведется поиск форм, методов, контридей и аргументов антикоммунистической борьбы. Само собой разумеется, что речь идет об утопченных формах диверсии, рассчитанных на длительное действие, путем оказания психологического влияния на деятелей культуры, а также на различные неустойчивые слои населения, такие, как студенчество. Они направлены на проведение манипуляций с общественным мнением с помощью использования «объективной и нейтральной информации» и оказание воздействия на представителей искусств посредством косвенной коррупции: их творчество превозносится как последнее слово искусства. В этих целях, как уже указывалось, использо-

⁷⁹ «Der Spiegel», 28.X 1968.

вались симпозиумы, командировки, выступления артистов, туристические поездки и тому подобное.

К учреждениям, чрезвычайно ловко проводившим линию западногерманской экспансионистской политики, принадлежит, например, Институт Гёте для содействия изучению немецкого языка и культуры за границей, расположенный в Мюнхене. Этот институт и в прошлом был орудием агрессивной политики германских милитаристских кругов (1932—1945 гг.), а сегодня служит империалистической политике, применяя самые изощренные способы, хотя внешне и выглядит как независимое учреждение, официально предназначенное для решения благородной задачи. Институт этот принадлежит к учреждениям, занимающимся «международным культурным обменом».

С обострением экспансионистского курса в начале 60-х годов быстро возрастают финансовые дотации институту, прежде всего со стороны министерства иностранных дел ($\frac{4}{5}$ бюджета). Они составили в 1962 г. 20 млн. марок, а в 1966 г. возросли до 37,7 млн.

О тактике, практиковавшейся Институтом Гёте, его директор Вернер Росс говорил: «Пропаганда должна доказать, что она не является пропагандой... Самокритика с точки зрения пропаганды может стать искуснейшим способом самосознания. Она несет на себе печать порядочности, печать объективности»⁸⁰.

Институт Гёте получал регулярные дотации также от баварского правительства, федерального министерства внутренних дел и города Мюнхена. На совещании рабочей группы по вопросам культурной политики за границей по отношению к социалистическим странам Европы была определена программа, в которой указывалось: «То, что мы должны использовать общеизвестные средства (обмен студентами и т. д.), здесь можно не говорить. Однако при этом существует проблема, которую следует назвать: берлинская оговорка... Мы не можем подтвердить своей подписью, что Берлин является третьей частью Германии наравне с Федеративной Республикой и Зоной. С этой целью мы должны были бы, думается, в первую очередь, как это уже делается в настоящее время, интенсивнее использовать те многочисленные организации, которые не

⁸⁰ «Zeitschrift für Kulturaustausch», II. 1. Stuttgart, 1966, S. 5.

являются составным элементом официальной политики. Перед ними не встает вопрос «Берлин да или нет», ибо они не являются государственными партнерами русских, а участвующими учреждениями. Мы должны сотрудничать с ними в самом широком плане и, может быть, кое-какие из них приспособить для того, чтобы в период, пока отсутствуют договорные отношения, иметь средства проведения культурной политики по отношению к этим странам»⁸¹.

Для того чтобы западногерманская зарубежная пропаганда достигла большего эффекта, проводится неустанная работа по созданию системы более твердого руководства пропагандистской деятельностью, более действенного вовлечения «частных» учреждений и обществ.

О направлениях западногерманской пропаганды в 1968—1969 гг. свидетельствует программа усиления западногерманской культурной политики за рубежом, предложенная 10 августа 1969 г. фракцией ХДС/ХСС в боннском бундестаге, программа, содержащая следующие основные требования:

— координации всей западногерманской культурной деятельности за рубежом под руководством государственного секретаря министерства иностранных дел, в компетенции которого эта своеобразная область должна находиться;

— активизации многосторонней культурной деятельности за рубежом, прежде всего в западноевропейских учреждениях НАТО и ООН;

— увеличения количества западногерманских культурных «опорных пунктов» за рубежом путем создания западногерманских школ, филиалов Института Гёте, в соответствии с региональными деловыми критериями;

— усиления влияния на социалистические страны Европы при помощи радио, телевидения, кино, поддержки и распространения немецкого языка и литературы, выступлений по приглашению западногерманских ученых, писателей и деятелей культуры;

— создания «центров культурных встреч» в социалистических странах;

— развития культурной и просветительной деятельности в развивающихся странах;

⁸¹ «Auslandskurier», Н. 2, 1966, S. 3.

— расширения молодежного обмена, в который должна быть включена и молодежь европейских социалистических стран.

Несколько фактов о милитаризме и реваншизме в ФРГ

В настоящей работе содержится в основном характеристика теории и практики антикоммунизма в ФРГ того периода, когда у власти находилось правительство Кизингера, правительство «большой коалиции». При оценке «нового курса» правительства «малой коалиции» В. Брандта следует иметь в виду, что это правительство в определенной мере учитывает новую действительность и в области внешней политики ищет такие сферы, где возможно добиться успеха. Однако милитаристские и реваншистские силы продолжают действовать в ФРГ и после смены правительства Кизингера. Изменения в правительстве не означают ни снижения ассигнований на вооружение, ни отказа от агрессивных целей в рамках НАТО.

Согласно данным печати, современная армия ФРГ превосходит когда-то существовавший гитлеровский вермахт. Годовые ассигнования на строительство армии составляют 20 млрд. марок. Бундесвер в 1969 г. насчитывал 460 тыс. человек, не считая почти 165 тыс. гражданского обслуживающего персонала. К вооруженным силам ФРГ далее относятся 18 тыс. человек пограничной охраны, 117 тыс. человек полиции, 1 млн. человек формирований гражданской обороны, 850 тыс. человек, прошедших военное обучение запасных.

Согласно так называемым чрезвычайным законам, одобренным в 1968 г., к 1975 г. должен быть обучен в рамках «гражданской службы» в целом 31 млн. человек (мужчин и женщин в возрасте от 18 до 65 лет).

В 1968—1969 гг. бундесвер являлся самой сильной армией в Западной Европе. Так, например, его сухопутные войска численно превосходили аналогичные соединения армии Франции на 62 тыс. человек и Великобритании — на 103 тыс. человек. Все части бундесвера были подчинены командованию НАТО. Они составляли 50% всех бронетанковых сухопутных соединений НАТО и четверть всех наступательных военно-воздушных сил, находящихся под командованием НАТО—Европа-Центр.

Силы и возможности германских милитаристов приумножаются и тем, что их представители занимают ответственные посты в командных штабах НАТО. Представители ФРГ занимали в то время, например, посты начальника главного штаба планирования НАТО, командующего важнейшим участком НАТО—Европа-Центр, заместителя генерального секретаря НАТО по политическим вопросам и др.

Особо опасным следует считать стремление бундесвера завладеть атомным оружием. ФРГ активно участвует в работе Евратома, и сотрудничает в комиссиях по атомной энергии ряда стран. Большие средства были выделены в ФРГ для создания атомной промышленности (с 1956 по 1967 г. в нее было вложено 5,3 млрд. марок, не считая расходов частных компаний).

О милитаристской позиции правящих кругов ФРГ свидетельствовала попытка правительства Кизингера создать международный фронт против Договора о нераспространении ядерного оружия. Этот договор, за который 12 июня 1968 г. в ООН голосовало 95 государств, несмотря на обструкцию Бонна, стал фактом, и к концу 1968 г. его подписало уже подавляющее большинство государств земного шара.

О сущности западногерманского милитаризма свидетельствовало отношение правительства Кизингера к бактериологическому и химическому оружию. Было доказано, что по поручению и под руководством федерального военного министерства в сотрудничестве с США в более чем 80 институтах совместно с ведущими химическими концернами велись работы по производству наиболее опасных бактериологических и химических боевых веществ. Западногерманский бундесвер имеет в своем распоряжении и проводит испытания бактериологического и химического оружия, которое производится в Западной Германии или поставляется из США. Остается непровергнутым тревожное сообщение, содержащееся в письме бывшего боннского военного министра Шредера бургомистру Мангейма Решке о том, что германские и американские власти придерживаются единого мнения ничего не сообщать о районах размещения химического оружия. С ведома и одобрения прежнего западногерманского правительства на территории Западной Германии было сосредоточено большое количество подобного рода

средств массового уничтожения. Западногерманские патенты и изделия химических концернов использовались для ведения преступной войны США против Вьетнама и даже против Камбоджи. Правительство ФРГ грубо нарушало свои международноправовые обязательства, вытекающие из Женевского протокола 1925 г. и из послевоенных соглашений стран антигитлеровской коалиции о запрещении производства, вывоза, ввоза, перевозки и размещения атомного, бактериологического и химического оружия.

Североатлантический пакт, созданный в годы «холодной войны», носит ярко выраженный антисоциалистический характер. Этого не скрывают даже сами его организаторы. За 1970 г. государства — члены НАТО на военные цели израсходовали 103 млрд. долларов.

Основные ударные силы Североатлантического пакта сосредоточены в Федеративной Республике Германии, у наших западных границ. Помимо полумиллионного бундесвера и 230 тыс. американских солдат в ФРГ находятся также войска других государств — членов НАТО. Таким образом, главнокомандующий вооруженными силами НАТО в Европе имеет в своем распоряжении более миллиона солдат, и при этом основное ядро этих армий находится именно в Центральной Европе.

Весьма серьезную угрозу для ЧССР представляет существование и интенсивное воздействие на внутривнутриполитическую жизнь ФРГ реваншистских организаций переселенцев. Реваншистские организации имеют своих представителей во всех политических партиях, государственных учреждениях, организациях и т. д. Самой влиятельной реваншистской организацией является землячество судетских немцев. Эта античехословацкая реваншистская организация имеет своих представителей в бундестаге и в ландтагах.

Неонацистская партия НДП также рьяно выступает с реваншистскими требованиями. В ее программе, принятой на съезде в Ганповере в ноябре 1967 г., записано: «Ни одно правительство и ни одна политическая партия не смеют отказаться от прав на Судеты». Эту свою точку зрения НДП вновь подтвердила в избирательной программе, принятой на предвыборном съезде партии 10—11 мая 1969 г. в Штуттгарте. В параграфе 1 10-й главы программы говорится дословно следующее: «Ника-

кого признания недействительности мюнхенского соглашения. Никакого отказа от отторгнутой немецкой земли...»

О влиянии землячества судетских немцев (насчитывающего 350 000 человек) свидетельствует тот факт, что оно в последние годы получает как от федерального правительства, так и от правительств отдельных земель материальную и моральную помощь, без которой оно не могло бы существовать. Так, например, в День судетских немцев в 1969 г. в адрес землячества прислали приветственные адреса федеральный канцлер и председатель ХДС Кизингер, министр по делам «изгнанных» Випделен и др. Лично участвовали в этом реваншистском сборище в качестве официальных представителей федерального правительства министр связи д-р Доллингер (ХСС), премьер-министр Баварии и министры правительства Баварии, многие депутаты бундестага и ландтагов от различных политических партий, представители западногерманского духовенства и др.

Когда на внеочередном предвыборном съезде СДП, происходившем с 16 по 18 апреля 1969 г. в Бадгёдесберге, была кроме всего прочего выработана позиция в отношении мюнхенского диктата (которая, однако, не удовлетворяет требованию Чехословакии о признании недействительности его с самого начала), то это вызвало резко отрицательную реакцию со стороны землячества судетских немцев. В упомянутой части решения съезда СДП (пункт f) говорится: «Возникшее под давлением мюнхенское соглашение, которое с самого начала было несправедливым и является недействительным, будет заменено договорными поправками, которые раз и навсегда сделают невозможной политику, направленную на раскол чехословацкого государственного союза». Недовольство реваншистов не уменьшил и следующий за этим пункт, упоминающий об обязанностях федерального правительства защищать переселенцев и гласящий, что выселенные из ЧССР немцы по мюнхенскому диктату и послевоенному упорядочению не должны больше терпеть никакого ущерба.

Председатель СДП В. Брандт созвал 29 апреля 1969 г. в федеральном министерстве иностранных дел избранных представителей «Союза изгнанных», землячеств и реваншистских организаций молодежи, перед которыми вновь

подтвердил позицию, принятую на съезде СДП: «Мюнхенское соглашение особенно касается судетских немцев. По моему мнению, мы должны постараться, чтобы это соглашение, осуществленное при известных сопутствующих обстоятельствах, было ликвидировано договорными постановлениями, которые бы раз и навсегда сделали невозможной любую политику, направленную на разрушение Чехословацкого государства». Интересно и другое высказывание Брандта, сделанное на этом совещании. Брандт не обещал реваншистам возвращения на территорию Судет и указал на необходимость для переселенцев окончательно считать своей родиной нынешнюю территорию ФРГ.

На съезде судетских немцев в 1969 г. участвовало около 400 тыс., т. е. на 50 тыс. человек больше, чем в предшествовавшем году. Можно сказать, что ежегодные судето-немецкие съезды являются самыми массовыми в ФРГ. Среди присутствующих на них были различные видные гости: князь Лихтенштейн и Отто Габсбург, высшее духовенство и др. Из иностранных гостей наряду с двумя членами американского конгресса присутствовал депутат австрийского национального совета государственный советник Эрвин Махунзе, бывший французский государственный секретарь Б. Мехина, английский писатель Л. Томпсон и др.

16—18 мая 1970 г. в ФРГ проходил традиционный съезд судето-немецкого землячества, в котором приняло участие около 300 тыс. человек. Уже в пятый раз выбор пал на Мюнхен, с одной стороны, очевидно, потому, что судето-немецкие профессиональные реваншисты хотели открыто заявить о своей принадлежности к «коричневому» прошлому города, что естественно, так как речь идет о старых генлейновцах и «заслуженных» нацистах, а с другой стороны, этой акцией стремились продемонстрировать, что постыдное мюнхенское соглашение все еще продолжает действовать.

В этом городе (где в 1972 г. должны проходить Олимпийские игры), согласно заявлению секретаря по вопросам печати землячества Бехера, они хотят создать комитет, который будет «заботиться» об участниках Олимпиады и туристах из ЧССР.

Реваншистские главари на съезде прокламировали действительность мюнхенского диктата и резко выступали

против того, чтобы правительство ФРГ объявило этот договор недействительным с самого начала, грубо вмешивались во внутренние дела ЧССР, требовали изменения условий, сложившихся в результате второй мировой войны в Европе, ликвидации общественного устройства, существующего в Чехословакии, присваивали себе право выступать и против союзников ЧССР.

В клеветнической кампании приняли участие представители как старой, так и новой чехословацкой эмиграции, не останавливаясь перед самыми грубыми антикоммунистическими и антисоветскими выпадами. Они ссылались на так называемое висбаденское соглашение, заключенное предателем Прхалой с представителями судето-немецкого землячества в 1950 г., в котором провозглашалось требование возвращения выселенных немцев обратно в Чехословакию.

Новый чехословацко-советский договор отводит так называемому мюнхенскому соглашению целый параграф. Уже одно это свидетельствует о том, как важен для нас этот вопрос. Параграф 6 договора гласит: «Высокие договаривающиеся стороны констатируют, что мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 г. было заключено под угрозой агрессивной войны и использования силы против Чехословакии, являлось составной частью преступного заговора нацистской Германии против мира, грубым нарушением основ международного права и поэтому является недействительным с самого начала со всеми вытекающими из этого последствиями». Главным образом против этого параграфа и обрушилась яростная нападка пропагандистская машина переселенческих союзов и особенно так называемое судето-немецкое землячество, объединяющее немцев, выселенных после войны из Чехословакии. В Федеративной Республике Германии развернули свою деятельность эмигранты из Чехословакии как времен второй мировой войны, так и 1948 и 1968 гг. Среди них есть люди, которые совершили тяжкие преступления против чехословацкого государства, — такие, как Ф. Кармазин*, Р. Дурчанский** и др. Пропагандистские центры поддерживают эту деятельность против ЧССР, предоставляя возможность и чехословацким эмигрантам выступать в античехословацком, антисоветском и антикоммунистическом духе. Нельзя забывать и тот факт, что в 1968 и отчасти в 1969 г. чехословацкие контр-

революционные силы получали самую большую «моральную» и материальную поддержку именно из Западной Германии. В последние годы политика ЧССР по отношению к ФРГ исходит из того, что ФРГ до сих пор не признала недействительность мюнхенского диктата с самого начала. Вопрос о мюнхенском диктате для ЧССР имеет принципиальное значение, и чехословацкое правительство не примирится с попытками представить вопрос о мюнхенском диктате не в качестве политической проблемы, а в качестве правовой, которая дескать может быть разрешена лишь путем двусторонних переговоров. ЧССР категорически настаивает на совершенно ясном признании федеральным правительством недействительности мюнхенского соглашения с самого начала. Это требование наряду с другими принципиальными требованиями, выдвигаемыми ЧССР вместе с СССР, ГДР, ПНР, МНР и НРБ, остается одной из основных предпосылок нормализации отношений ЧССР и ФРГ.

Чехословакия разоблачает деятельность судето-немецкого землячества и ту поддержку, которую оказывают ему политические партии ФРГ. Решение Потсдамской конференции о выселении части немецкого населения из Чехословакии и его осуществление является одним из реальных последствий поражения нацизма, и ЧССР по этому поводу не намерена с кем бы то ни было дискутировать. Требования, предъявляемые реваншистскими организациями, следует расценивать как действия, направленные на изменение нынешнего статус-кво в Европе и представляющие серьезную угрозу для европейской безопасности.

Хотя новое правительство «малой коалиции» в Бонне выступило с новыми концепциями (в частности, указывая на готовность приступить к переговорам с Чехословакией), однако продолжают действовать такие основные факторы, как власть монополий, многочисленные экономические и политические силы, реваншистские организации.

Поэтому чехословацкий народ особенно высоко оценивает усилия, следствием которых явились результаты переговоров В. Брандта в Москве в августе 1970 г. и его встреча с советскими руководителями в Крыму в сентябре 1971 г. И после подписания договора еще остается открытым целый ряд вопросов. Однако по основной

внешнеполитической проблеме отношений между двумя государствами — неприкосновенности границ, существующих в настоящее время, — была достигнута договоренность, что нашло четкое отражение в Московском договоре. Это создает хорошие предпосылки и для решения проблемы взаимоотношений ФРГ—ГДР, признания ГДР как равноправного государства, а также для признания недействительности с самого начала позорного мюнхенского соглашения.

Здесь необходимо констатировать реалистический подход к четырехстороннему соглашению о Западном Берлине. В данном случае доминировала конструктивная работа советских дипломатов, которая решающим образом способствовала оздоровлению политического климата в Европе. Соглашение о Западном Берлине вытекает из существующей политической реальности, оно отвечает требованиям уважения независимости, суверенных прав и интересов ГДР. Народы Чехословакии приветствуют эти изменения. Мы видим большое международное значение договоров между СССР и ФРГ, между ПНР и ФРГ и соглашения о Западном Берлине. Однако ЧССР не строит иллюзий и трезво оценивает обстановку, создавшуюся в ФРГ, где помимо сил, стремящихся прийти к взаимопониманию, существуют и оппозиционные силы, которые стремятся свести на нет усилия, прилагаемые правительством В. Брандта. ЧССР верит, что это правительство и при переговорах о нормализации отношений с ЧССР с уважением отнесется к основному положению: признанию недействительности мюнхенского соглашения с самого начала.

Существует ряд новых фактов, свидетельствующих об определенных процессах, происходящих в капиталистических странах. К ним следует отнести стремление реалистических сил ФРГ нормализовать отношения с СССР, ПНР и другими социалистическими странами. И при чтении разделов настоящей книги, касающихся, в частности, периода до 1968 г. (в которых мы уделили особое внимание вскрытию истинных стремлений реваншистских и милитаристских сил ФРГ), нельзя не видеть, что в результате краха, который потерпели концепции, преследовавшие контрреволюционные цели в ЧССР, в результате решительного выступления социалистических государств на защиту социализма в Чехословакии, меняется и позиция

империалистических государств, меняется их тактика, хотя стратегия их остается прежней.

Западногерманские милитаристские круги во главе со Штраусом не отказываются от своих намерений. Наличие реваншистских сил в ФРГ представляет собой действительный факт. Коалиция Брандт—Шеель является «малой коалицией» и в бундестаге представлена только умеренным большинством, в то время как блок ХДС/ХСС и после последних выборов, хотя и не входит в правительство, остается крупнейшей политической группировкой.

«ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ».
ИЗГОТОВЛЕНО В США

**«Чехословацкий эксперимент»
 в замыслах стратегов империализма**

В 1968 г. в западногерманских газетах почти ежедневно появлялись высказывания влиятельных представителей реваншистских кругов. К ним, например, относится заявление д-ра Готфрида Михла: «... либерализация в Чехословакии, которую я уже однажды определил как революцию, не является еще окончательной... Я убежден, что выгоды, полученные в результате второй мировой войны за счет Германии, не будут вечными и что чехи не будут вечно радоваться плодам, которые они получили в результате изгнания судетских немцев. Напротив, рано или поздно произойдут изменения, и будет лучше, если они произойдут на добровольных началах, на основе взаимного уважения и по их собственной воле, нежели позже под давлением политической обстановки в мире»⁸².

Сейчас становится ясным, кто поддерживал этот курс «реваншистской восточной политики» сознательно, а кто по наивности или из-за политического догматизма. Но все это служило поставленным империалистическими стратегами целям. «Ослабление уз централизованной государственной политики и государственной экономики, более сильное подчеркивание национальных компонентов, — писала «Национал цайтунг», — все это может привести помимо предусмотренного внутрочехословацкого оздоровления к определенному высвобождению ЧССР во внешнеполитическом плане с соответствующими благоприятными последствиями, особенно во взаимоотношениях с Федеративной Республикой Германии»⁸³. Ей вторила «Франкфуртер альгемайне цайтунг»: «Чехословакия с помощью

⁸² «Der Sudetendeutsche», 26.VII 1968.

⁸³ «National Zeitung», 14.I 1968.

взрывов пытается открыть двери на Запад»⁸⁴, а «Франк-фуртер рундшау» добавляла: «В Праге в последние недели не скрывали того, что в целях успешного осуществления новой экономической политики будут приложены усилия к ревизии обязательств, которые на себя взяла ЧССР в рамках СЭВ и в своих двусторонних договорах с ГДР о промышленной кооперации, для того чтобы можно было успешно проводить в жизнь новую экономическую систему»⁸⁵.

И хотя формулировки буржуазных публицистов, чтобы не выдать истинных целей, достаточно осторожны, все же в них можно увидеть оценку чехословацкой ситуации и заветные желания империалистических кругов. Аналогичные мысли высказывались и основными глашатаями анти-социалистических тенденций в Чехословакии. Иногда развитие обозначалось маскирующими понятиями. Так, например, К. Косик писал о том, что в январе 1968 г. речь шла якобы о замене системы «полицейско-бюрократической диктатуры социалистической демократией»⁸⁶.

Однако намерения и цели были ясны. Эдуард Гольдштюкер* поведал о них в своем «программном» выступлении по мюнхенскому телевидению 18 июля 1968 г.: «Мы находимся на начальной стадии длительного процесса, и нам бы хотелось, чтобы в этом процессе не сразу все выкристаллизовывалось. Мы бы хотели, чтобы этот процесс шел до тех пор, покуда это только будет возможно. Мы бы хотели, чтобы у него не было конца. Нам бы не хотелось уже сегодня определять границы, к которым этот процесс может прийти».

В Чехословакии мы были свидетелями того, как осуществлялись разнообразные замыслы, вынашиваемые теми, кто разрабатывал теории и проекты идеологической диверсии. Уже в марте западным публицистам была ясна направленность чехословацкого «возрождения»: «В настоящее время в Праге не существует никаких запретов. Все обсуждается. В официальном партийном органе «Руде право» совсем недавно можно было прочесть о том, что марксистско-ленинская теория непригодна в современную эпоху»⁸⁷.

⁸⁴ «Frankfurter allgemeine Zeitung», 23.III 1968.

⁸⁵ «Frankfurter Rundschau», 25.III 1968.

⁸⁶ К. Косик. Nase dnesni krize. «Literarni listy», 1968, č. 7—12.

⁸⁷ «Frankfurter Rundschau», 26.III 1968.

«Ведущей силой демократического процесса возрождения являются профсоюзы, студенты, интеллектуалы, а сегодня также и католическая церковь, партийный же аппарат отодвигается на задний план»⁸⁸.

Лишь враги, действующие в высших партийных органах, и «мозговые тресты» в их кабинетах и средствах массовой информации, а также политические дилетанты «просмотрели» откровенные характеристики, даваемые событиям в ЧССР западногерманскими реваншистами из «паневропейских» кругов: «Час правды, который бьет в Чехословакии в различных областях общественной и государственной жизни, создает основные предпосылки для интеграции Европы», — утверждал депутат ХСС Бехер — глашатай судето-немецкого землячества — на съезде ХСС 14 июля 1968 г. «Если пражские реформаторы настоят на своем... политическая карта Европы изменится в течение нескольких лет», — подчеркивала газета «Штуттгартер цайтунг» 25 июля 1968 г.

Сложность борьбы с антикоммунистической пропагандой заключается в том, что она основывается не на открытых антикоммунистических призывах, но имеет свои этапы и свои лозунги, приспособленные ко времени и адресату.

Американские теоретики и стратеги борьбы против коммунизма в конце концов выступили с критикой глашатаев западногерманского реваншизма, так как шумиха, поднятая ими на съездах землячества, стала тормозом в проведении «новой восточной политики». Ведущие представители западных антикоммунистических центров поняли, что народы Чехословакии аллергически реагируют на крики, которые подсознательно воскрешают в памяти нацистские концентрационные лагеря и фашистские зверства. Конечно, они не против реваншизма, но они выступают за продуманную антикоммунистическую политику по отношению к социалистическим странам. Они против открытых форм политической борьбы.

Тактика более прозорливых западногерманских политиков была иной. Согласно информации ЧТК, 31 мая 1968 г. западногерманский депутат Мюллер-Герман после своего возвращения из Праги заявил, что «прежде всего будет необходимо расширить экономические, культурные

⁸⁸ «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 28.III 1968.

и торговые контакты до таких размеров, чтобы разрешение политических проблем стало естественным результатом этих отношений». Западногерманские политики советовали изменить тактику.

«Штерн» 8 апреля 1968 г. отмечал: «Возможная выгода пражского процесса возрождения для всей Европы будет тем значительнее, чем меньше останется в нем оригинального и чем крепче в данном случае Чехословакия будет связана с Советским Союзом и другими европейскими социалистическими странами. Разрыв между Прагой и Москвой не только лишил бы возможного отклика на те новые и многообещающие идеи, которые испытываются сегодня в Праге, но вызвал бы опасность кризиса или взрыва».

Стратеги антикоммунизма призывают не нарушать взаимоотношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами не потому, что желают процветания социалистического лагеря, а потому, что вырвать лишь одну страну из социалистического содружества переально. Большую надежду на успех сулит совместное выступление контрреволюционных сил в нескольких социалистических странах. Кроме того, принимая во внимание обстановку, которая создалась весной 1968 г., Чехословакия могла бы стать трамплином для распространения «тихой» контрреволюции на другие страны социалистического лагеря.

И другие политические деятели высказывались против излишней поспешности, за «корректность» форм и последовательность методов проведения идеологической диверсии. Депутат английского парламента К. Осборн высказал убеждение в том, что перемены в Чехословакии будут проходить постепенно и «чем они будут медленнее, тем они будут прочнее. Было бы трагедией для движения в Чехословакии, если бы дело зашло слишком далеко и продвигалось бы слишком быстро. Никто не желает повторения трагедии, подобной той, которая произошла в Венгрии»⁸⁹.

Методы, которые освоили не очень грамотные по части диверсии журналисты, вызывали опасения среди опытных буржуазных пропагандистов. «Вашингтон пост» 14 мая 1968 г. описывает, как редакция чехословацкой коммуни-

⁸⁹ ССТК, 3.IV 1968.

стической газеты «Руде право» «стирает свое грязное белье перед глазами общественности», и констатирует, что «скандал, который разыгрался между главным редактором Олдржихом Швесткой и Иржи Гофманом*, служит прекрасным примером несогласованности чехословацкого радио и печати».

Диверсионная деятельность, по их мнению, должна была в меньшей степени использовать сенсационные формы и методы. Руководители империалистических разведок были встревожены «танцем слонов среди фарфоровых фигурок». В этой связи стоит вспомнить о планах операции, получившей название «Латей»**, операции, предусматривавшей ориентацию на внутреннюю оппозицию против СССР и использующей «капля за каплей» трудности в стране.

Эти «грандиозные» планы были связаны с практикой, опирающейся на широкую организацию идеологической диверсии, не забывающей, однако, и о других средствах.

В феврале 1968 г. в школе бундесвера в Ойскирхене, близ Бонна, началась работа курсов чешского языка. На курсах, кроме штабных офицеров, обучались также специально подобранные лица, в частности те, кто был родом из Чехии или имел там родственников. Незадолго до 21 августа в ЧССР были посланы высшие офицеры бундесвера. Так, например, заместитель командира 12-й танковой дивизии полковник Фехнер приехал в ЧССР как журналист под фальшивым именем Антон Спек. В Чехословакию прибыли также десятки западногерманских «корреспондентов» и сотни «туристов».

В июле западногерманские реваншистские круги уже не скрывали своих надежд на переворот в Чехословакии и с удовольствием строили дальнейшие планы.

Развитие событий в ЧССР они считали весьма благоприятным, однако «это лишь начало пути, который может привести к изменению курса, к отходу от Москвы»⁹⁰. В аналогичном духе писала и лондонская «Таймс» 12 июля 1968 г.: «Если чехи и словаки хотят строить свободное общество, они должны будут разойтись с Москвой. Следует лишь надеяться, что чехи и словаки не сойдут с избранного пути»⁹¹.

⁹⁰ «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 1.VII 1968.

⁹¹ «Times», 12.VII 1968.

Подобные заявления не всегда были официальными, так как империалистические круги избегали посмешных действий и, в частности, сдерживали голоса, воспевающие Дубчека, Смирковского, Цисаржа и других, чтобы раньше времени не дискредитировать «пражских реформаторов».

«Обогащение» методов идеологической диверсии

После января 1968 г. открылся простор не только для исправления ошибок и недостатков, накопившихся в партии и в государстве во времена Новотного, но также и для других тенденций, которые сохранились у некоторых людей еще со времен, предшествовавших февралю 1948 г., и даже с того времени, когда действовали коллаборационистские группировки буржуазных политиков, сотрудничавшие с фашизмом. Активизировались группы людей, являвшихся противниками социализма, КПЧ, не смирившиеся с нашей принадлежностью к социалистическому лагерю. Они доводили справедливую критику ошибок прошлого до нигилизма и свои усилия направляли главным образом против марксистско-ленинской партии. В самой партии правооппортунистические группировки отказались от принципа классового подхода, от принципиальной идеологической работы. Кардинальное положение о том, что противоречие между капитализмом и коммунизмом составляет главное содержание нашей эпохи, абсолютно не принималось во внимание, больше того, превратилось в пустую фразу. В Коммюнике руководящих государственных деятелей социалистических стран, собравшихся в Варшаве 14—15 июля 1968 г., обращалось внимание на активизацию агрессивных империалистических сил, стремящихся с помощью диверсии подорвать социалистический строй в отдельных социалистических странах и ослабить идеологические и союзнические отношения, связывающие социалистические государства. Эти серьезные сигналы были встречены с высокомерным пренебрежением некоторыми руководящими представителями партии и государства, опирающимися на аплодисменты некоторых «выразителей чаяний масс» или выступлений более значительных групп, вызванные сложными политическими обстоятельствами.

Некоторые представители партии и государства не понимали или не хотели видеть, что в условиях, когда война империалистических держав против социалистических стран становится нереальной и означала бы опасность для самих империалистов, они сделали ставку на идеологическую войну, а идеология стала главной сферой классовой борьбы.

Современная концепция антикоммунизма в большинстве случаев отходит от форм примитивного антикоммунизма фашистского, гитлеровского типа, а также от антикоммунистических концепций и форм периода «холодной войны». Попытки осуществления концепций, направленных на «сдерживание коммунизма», позднее «подавление коммунизма» и так называемое «освобождение» социалистических стран 40—50-х годов, потерпели серьезную неудачу. Эти концепции оказались нереальными, а на определенном этапе неприемлемыми. Пропаганда преимуществ капиталистического общества и его основных принципов не принесла ожидаемых результатов. Оказалось, что подобная перспектива решительно не привлекает трудящихся в социалистических странах и нигде в мире.

Как мы уже отмечали, в 60-е годы появились новые концепции, опиравшиеся, в частности, на те старые реформистские доктрины, которые прямо не пропагандируют возвращение к капитализму и открыто не превозносят его. Борьба против коммунизма и социализма в большинстве случаев ведется под лозунгом создания более совершенного и более развитого общественного строя, чем реально существующий социализм, при этом используется марксистская терминология.

Империализм очень быстро постиг неэффективность так называемой теории roll-back*, стратегии 50-х годов, а изменения в соотношении сил привели его к разработке «глобальной стратегии». Империализм отказывается от немедленных частных успехов, ибо преследует цели долговременные. Конечно, он использует при этом и частичные успехи и действует дифференцированно, уважая «национальную специфику», особенно в тех случаях, когда речь идет об ослаблении и разложении единства социалистического сообщества и отрыве социалистических стран от Советского Союза. На всех этапах и во всех странах главный удар сосредоточивался против руководящей роли партии, демократического централизма, союза с СССР.

Использовавшиеся методы разнообразны и гибки. Например, после января 1968 г. пропагандистские центры поддерживали Дубчека, после апреля 1969 г. критиковали не только новое руководство, но и центризм Дубчека⁹². В январе 1969 г. речь шла не только о расколе единства, но одновременно и о создании «национального единства». В 1968 г. единство было достигнуто не на классовой основе. Здоровые силы пытались заставить молчать, терроризировали их, выдвигали лозунги, рассчитанные на дешевый успех, разжигали антисоветизм и национализм. Сущность выдвигаемых лозунгов особенно отчетливо видна, если рассмотреть их с классовой точки зрения. Соблазнительный лозунг «единства нации», который ревизионисты всегда выдвигали на первый план, уже однажды роковым образом осуществился в вильгельмовской Германии, когда изменила социал-демократия, а затем нашел свое воплощение в немецком национал-социализме, который сменил социал-демократию. В. И. Ленин еще в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» указывал на реакционность такого рода буржуазного лозунга единства.

Родство реформистов 1918 и 1968 гг. очевидно. Так же как Каутский в 1918 г., чехословацкие реформаторы противопоставляли внеклассовую демократию диктатуре. Подобно австромарксизму и масаркизму, современный реформизм имел красивые лозунги о демократии. Печально известная внешнеполитическая ориентация буржуазной Чехословакии, которая должна была стать «мостом между Востоком и Западом», привела к тотальному краху, когда страна стала проходным двором для гитлеровских агрессоров. Точно так же и концепция «наведения мостов» несла в себе зародыш аналогичной участи.

До августа мы могли познакомиться с десятками концепций и моделей различных «специфических путей», где под маской «творческого марксизма» рекламировались самые различные варианты реформизма и оппортунизма, направленные на ликвидацию марксистско-ленинской партии и ведущие к отказу от социалистического пути развития нашего государства. Согласно обнародованным форму-

⁹² «Die Welt», 20.X 1968.

лировкам разных Свитаков* и Лимов**, одобренных и так называемым высочанским съездом, КПЧ должна была превратиться в какую-то просветительскую организацию, т. е. в действительности уступить место группировкам «чистых рук». Открытую возможность легальной деятельности получали тайные течения, подстрекаемые потерпевшими крах политиками как на родине, так и в эмиграции, начиная с правой социал-демократии и кончая людацким политическим католицизмом. Пышным цветом расцветали не только отклонения и крайности, но и открытые нападки на основы партии и государства.

Некоторые цели маскировались всевозможными лозунгами, например лозунгом «преодолеть существующие отношения». Этот лозунг, по мнению Свитака, означал переход от «тотальной диктатуры» к «открытому обществу», к ликвидации «монополии власти», к действительному контролю со стороны элиты, свободе печати и общественного мнения, от бюрократического управления обществом и культурой «головорезами, проводящими официальную линию, к осуществлению человеческих и гражданских прав, хотя бы в объеме буржуазно-демократической Чехословакии. С рабочим движением, но без его аппаратчиков, со средними слоями населения, но без группировок добровольных коллаборационистов под руководством интеллигенции»⁹³.

Во всем — прямо поразительное сходство с западными теориями антикоммунизма.

Иван Свитака в марте 1968 г. очень точно формулирует предпосылки успешной антикоммунистической борьбы, подчеркивая претензию «на руководство открытым социалистическим обществом» и выдвигая лозунг «овладения механизмами общественного мнения, так как без него должен дегенерировать каждый член элиты без исключения». «Общество, руководимое интеллектуалами», — это не изобретение И. Свитака, это лозунг, придуманный учеными советниками государственного департамента США для диверсий в социалистических государствах.

Директивы Свитака исходили из глубокого осмысления антикоммунистических концепций и методов: «Не повторяйте журналистские стереотипы о демократии, возрожде-

⁹³ «Literární listy», 1968, č. 1.

нии и деформациях. Так называемые деформации являются нормальными, неизбежными и обычными проявлениями тотальной диктатуры. Это неоперируемые нарывы на теле мирового социализма».

«2000 слов» * не являются ни оригинальным произведением, ни плодом творчества одного лишь Людвика Вацулика **. В «2000 слов» включены стилистически ловко сформулированные инструкции клана Кригеля, который был представлен нынешним эмигрантом проф. Бродом. Здесь мы находим инструкции, примененные на практике до и после августа 1968 г.

Известен основной тезис антикоммунизма, гласящий, что наиболее эффективно завоевание коммунистической партии изнутри, превращение ее из революционной в реформистскую путем ревизии основных принципов, являющихся стеновым хребтом марксистско-ленинской партии. Для осуществления этого рекомендовалось ключевые позиции в руководстве партии предоставлять людям, способным постепенно заменить социализм «демократическим социализмом», затем — социал-демократизмом, социал-демократизм — буржуазной демократией. Отсюда понятна вся опасность положения, сложившегося в 1968 г., когда даже секретарь ЦК КПЧ по идеологическим вопросам публично говорил о необходимости ревизии.

В своем выступлении по случаю 150-летия со дня рождения К. Маркса Ч. Цисарж провозгласил принцип национальной интерпретации марксизма. Разумеется, что такого рода высказывания вызвали возражения со стороны братских социалистических стран, и Ч. Цисарж дополнительно скорректировал текст первоначального своего выступления, но и в этом исправленном тексте оставались преувеличение специфических черт и недооценка всеобщих революционно-классовых принципов марксизма-ленинизма. Из выступления Ч. Цисаржа вытекало, что и он в унисон с глашатаями антикоммунизма считает Великую Октябрьскую революцию каким-то бунтом против злого царя, понимает «ленинизм как монопольную интерпретацию марксизма», утверждает, что «его принципы неприемлемы для условий наших стран, их традиций и образа жизни людей». Следует иметь в виду, что и эта формулировка Цисаржа вовсе не была оригинальной. Подобные утверждения коммунисты уже слышали от ренегата Каутского, от русского меньшевика Мартова и от других

реформистов. Все они начали с критики В. И. Ленина и в конце концов полностью порвали с марксизмом.

Не только «Литерарни листы» и «Репортер», но и газеты «Праце», «Свободне слово» и «Културни живот» и корреспондент чехословацкого радио в Москве Л. Добровский сочли выступление секретаря ЦК КПЧ сигналом для нападков на Советский Союз.

О неклассовом, непринципиальном, либеральном, центристском подходе в оценке правооппортунистических, антисоциалистических тенденций, течений и направлений свидетельствует, например, отношение М. Кусого, который, находясь на посту заведующего идеологическим отделом ЦК Компартии Словакии, встал в позу человека, судящего обо всем с позиций научного скептицизма или регистратора явлений, имеющих актуальное политическое значение. На вопросы редакции журнала «Политика» он отвечал: «Прежде всего я хотел бы сказать о том, что поскольку у нас и появились какие-то силы, угрожающие самим основам социализма, то это были силы ничтожные и социально незначительные. Первое обстоятельство, которое я хотел бы подчеркнуть, — это, по моему мнению, то, что так называемое правое, или радикальное и даже ультрарадикальное, движение действует в рамках социализма. Уже сегодня мы располагаем не только теоретическим представлением о различных вариантах социализма, но и сама практика подтверждает это. Между Китаем и Югославией, этими, я бы сказал, крайними полюсами, существует целый ряд политических моделей социализма. Мне бы хотелось указать на то, что опыт чехословацкого пути к социализму существовал в рамках этих двух полюсов»⁹⁴.

Такие же тенденции мы встречаем и в других средствах массового воздействия как в Чехии, так и в Словакии. Фальшивые концепции появляются не только на страницах газеты «Културни живот», но и просачиваются в орган ЦК Компартии Словакии газету «Правда». Д-р Э. Фриш 24 июля 1968 г. в передовой «Существование социализма» писал о праве создавать свою модель социализма и выдвигал постулаты «демократического социализма». И в других статьях он также развивал эти идеи собственной модели социализма, характеризуя ее

⁹⁴ «Politika», 1969, џ. 1.

как «силу и надежду революционного авангарда Европы»⁹⁵. Некоторые словацкие философы пропагандировали политический плюрализм, а некоторые политики и публицисты прямо выступали против марксистско-ленинских принципов деятельности партии и государства.

В начале лета 1968 г. д-р Фриш опубликовал статью «Антикоммунизм, угроза или призрак»⁹⁶, в которой развитие событий в Чехословакии называл попыткой преодолеть хронический кризис европейского социализма и этим содействовать созданию нового равновесия сил в Европе. При этом он опирался на высказывания известного специалиста в области антикоммунизма, нынешнего редактора радиостанции «Свободная Европа» Е. Штефана, и напоминал о событиях 1956 и 1964 гг., называя «камуфлированным антикоммунизмом» все то, что тогда «говорилось об угрозе троцкизма, людацтва, интеллектуального либерализма, сионизма и т. д.». Это якобы была дымовая завеса, в которой массы коммунистов теряли ориентацию и общий кризис углублялся. И наоборот, правооппортунистическое течение д-р Фриш называет «регенерацией» социализма.

Можно в чем угодно упрекать д-ра Фриша, но только не в незнании фактов в области международных отношений. Ведь еженедельно и ежедневно печать помещала целый ряд материалов, в которых зарубежные буржуазные публицисты высказывались чрезвычайно похвально по поводу чехословацкого «ренессанса». Д-р Фриш, однако, писал: «Антикоммунизм, особенно в его воинствующем виде, — это одно из величайших зол эпохи, однако это не означает, что призрак антикоммунизма, который, правда, бродит не по Европе, а в наших рядах, — является существом, наделенным всеми чертами эпохи. Мы, коммунисты, если мы чему-то научились, то должны приобретать друзей, а не фабриковать врагов. Думаю, — пишет далее Фриш, — что статью Александра Дубчека, опубликованную в газете «Руде право» непосредственно перед заседанием ЦК КПЧ, можно оценить как отход от явных и замаскированных реакционных тенденций и возврат к открытой и демократической линии социалистического возрождения, как гарантию прогресса». То, что

⁹⁵ «Pravda», 31.VII 1968.

⁹⁶ «Kultúrny život», 1968, č. 22.

речь идет здесь не о «возрождении», а о чем-то совершенно другом, подтверждают многие документы...

А Крамер в журнале «Студент» ратует за партию с неонацистской программой, самозванные вожди социал-демократии обещают, что КПЧ будет запрещена. И. Пеликан * в интервью с американским конгрессменом К. Кульвером выдвигает лозунг «освобождения от влияния красной идеологии и поворота в направлении, отвечающем традициям Запада». И. Свитак в газете «Праце» 19 мая 1968 г. требует ликвидации Народной милиции⁹⁷ **. Э. Гольдштиюкер, выступая по баварскому радио 1 апреля 1969 г., страстно ратует за «независимую внешнюю политику, за укрепление позиций ЧССР на международной арене, за изменение структуры всего общества».

В середине июня 1968 г. А. Лим в газете «Литерарни листы» в передовой статье «И так серьезно, что же конкретно?» сформулировал основной вопрос следующим образом: «Основной проблемой нашей политической ситуации является то, каким образом сможет КПЧ постепенно и без шума разделить власть с другими». «Литерарни листы» пишут уже лишь о «так называемой» руководящей роли партии и при этом добавляют, что «в нашей стране нет более спорного права, с моральной и политической точки зрения более потрясающего, чем это право». «Литерарни листы» говорит о каком-то «переходном периоде», когда хотя бы формально партия должна еще находиться у власти. «Партия, — пишет М. Шимечка, — должна сохраниться хотя бы в переходный период, в функции шефа предприятия»⁹⁸. Это поспешное выдвижение антикоммунистических лозунгов оказалось несвоевременным для программаторов чехословацкого «эксперимента». «Для пражского руководства нет ничего более опасного, чем слишком активное осуществление реформ, — пишет газета «Рейнише пост». — Более, чем когда-либо, необходимы бдительность и максимальная осторожность. Это должны понять и за пределами Чехословакии, всюду, где следят за проведением реформ с пониманием и надеждой. И это должны понять те силы в стране, которые нетерпеливо рвутся вперед»⁹⁹. Пресс-секретарь суде-

⁹⁷ «Práce», 19.V 1968.

⁹⁸ «Kultúrny život», 1968, č. 27.

⁹⁹ «Rheinische Post», 12.VI 1968.

то-немецкого землячества, депутат бундестага Бехер в журнале «Дер шпигель» опубликовал свою программу в связи с событиями в Чехословакии: «События настоящего времени таковы, — писал он, — что мы должны почти во всех случаях сдерживать любые проявления симпатии к процессу демократизации и нормализации положения в Чехословакии».

Все эти заявления исходили из того, что современный антикоммунизм, в разработке которого участвуют научные центры и десятки институтов, таких, как Колумбийский университет или Институт Гёте, отказался от старомодных диверсионных методов, так же как и от концепции «холодной войны». Вместо этого используются «деликатные» методы ведения психологической войны и идеологической диверсии, в рамках которых главное усилие сосредоточено на разложении партии изнутри, а только потом рекомендуется ставить отвечающие принципам «градуализма» новые задачи. В их числе на первом этапе ставилась задача полностью использовать Александра Дубчека, а лишь затем взять власть в свои руки. Профессор В. Черный* в разговоре с редактором газеты «Свободное слово» И. Черным, который незамедлительно хотел вступить в антипартийную борьбу, как свидетельствуют документы, настоятельно рекомендовал пока подождать. «Это еще дело Дубчека, — говорил он, — которое он должен выиграть, и он выиграет его за нас... Пусть они сами позаботятся об устранении этого свинства, уборке этой грязи. Это в конце концов их дело... Можно предположить, что Дубчек вынужден будет открыть плюсы и оставить их открытыми достаточно долго с тем, чтобы потом этот натиск стал широким, массовым, действительно народным, неустойчивым и чтобы это для него стало призывом всего общества, который будет его толкать дальше, к новым уступкам, так что он сам и его победа в партии будут лишь преодолимым и быстро преодоленным этапом. А затем наверняка придет час и для чего-то другого»¹⁰⁰.

Летом 1968 г. речь шла уже не столько о теории, сколько о контрреволюционной практике, когда 20 августа самозванные представители вновь формирующейся правой

¹⁰⁰ «Rudé právo», 15.VIII 1970.

социал-демократической партии выдвинули лозунг «нанести коммунистам решительный удар».

Действия из арсенала психологической войны и области идеологической диверсии комбинировались с прямыми диверсиями и особенно в августе и после него вылились в контрреволюционные выступления самого грубого толка, поддержанные всей системой пропаганды и целеустремленно руководимые правооппортунистическими деятелями, находящимися на высших постах в партии и государстве.

Некоторые факты и примеры послеповарского развития, приводимые в этой работе, являются лишь небольшой иллюстрацией целого комплекса антикоммунистического идеологического воздействия и антисоциалистической практики в ЧССР. Два секретных сообщения министра внутренних дел Йозефа Павла¹⁰¹ содержат ряд доказательств, свидетельствующих о деятельности западных разведок, о формах их работы с помощью журналистов, дипломатов и прямых агентов, маскирующихся под туристов.

Есть в них также большое количество фактов об активизации антисоциалистических групп в организациях типа К-231, КАН. Здесь мы находим указания на попытки и прямые действия, связанные с созданием организаций «крестьянских демократов», «народных демократов», «социальных» и других «демократов».

Существует ряд указаний и документальных фактов о деятельности групп правых социал-демократов, поощряемых и поддерживаемых из-за границы. Иван Свитаков ратовал за их легализацию, так как у них-де «чистые руки»¹⁰². На собрании Клуба молодых в Семилах 15 мая 1968 г. Пелешка характеризовал КПЧ как преступную организацию, которую необходимо исключить из общественной жизни. Эти люди руководствовались принципом австрийского лидера социал-демократии, для которого хорош только такой «коммунист», который уже фактически не является коммунистом. 2 мая 1968 г. самозванные вожди социал-демократии потребовали «восстановления партии». Как свидетельствовала газета «Свободное слово» 7 июня 1968 г., пражский подготовительный комитет

¹⁰¹ «Rudé právo», 2.III 1968.

¹⁰² «Student», 19.VI 1968 (Zakazané horizonty).

социал-демократической организации издал соответствующую инструкцию, а 21 июня 1968 г. уже заседал подготовительный Центральный комитет и были созданы соответствующие комиссии. Отдельные группы социал-демократов устанавливают контакты и инструктируются эмигрантами, активными агентами английской разведки. Известна также политическая, моральная и материальная поддержка, оказываемая западногерманскими социал-демократами вновь формирующейся реформистской партии в ЧССР¹⁰³.

Исключительно тонко и ловко работала в этот период группа интеллектуалов, быстро перекрашивающаяся в соответствии с требованиями времени и действовавшая в духе мирового сионизма, влияние которого усилилось в 1968—1969 гг. Об одном из выразителей сионистских антисоциалистических концепций писал Я. Новак в бра-тиславской газете «Правда»:

«Мы имеем в виду людей, скажем, типа В. Кашпара, словака по национальности, по материнской линии происходящего из ортодоксально религиозной семьи Вайсов из Нитры. По настоянию жены его отец-фельдфебель после свадьбы вступил в религиозную еврейскую общину. Вскоре после начала войны он был заключен нацистами в тюрьму, а в 1945 г. — казнен. Мы имеем в виду В. Кашпара, у которого прогрессивные антифашистские и интернационалистские идеи были вытеснены другими, может быть, потому, что еще во время учебы он стал членом сионистской организации «Нацивуд бетар», где принял религиозное имя Иерохмила. После ликвидации этой сионистской организации, на III съезде которой в 1948 г. он выступил с честолюбивым докладом, Кашпар вступил в другую сионистскую организацию, называвшуюся «Техуат шерн». Эта организация стояла очень близко к сионистской организации «Иргун цвей лёуми» и, как нам известно, обучала в Словакии боевые дружины для отправки на войну в Израиль. Однако это не препятствовало словаку В. Кашпару-Иерохмилю во время «процесса возрождения» стать председателем Союза журналистов, причем даже не словацкого, а чешского, затем при новой смене политического курса стать депутатом Чешского национального совета уже не от чешских жур-

¹⁰³ «Život strany», č. 43—46, 1969.

налистов, а от словацкого национального меньшинства в Чехии, которое об этом узнало лишь случайно, из газет.

В. Кашпар — это только один из многих красноречивых примеров людей, для которых национальность — не более чем рубашка. И несмотря на это, именно у людей типа Кашпара в те памятные дни на устах были красивые фразы о нашем национальном единстве и национальном возрождении.

Говоря о Кашпаре и ему подобных, мы имеем в виду и людей типа профессора д-ра Э. Гольдштюкера, уроженца словацкой Оравы, обучавшегося в венгерской и еврейской гимназиях в Кошицах, в молодости члена политической военизированной организации сионистов, в свое время воспитавшего большое число своих друзей-сверстников из «Костуфры» и «Млада культура», так же как Кашпар, во время «процесса возрождения» ставшего председателем Союза чешских писателей, хотя он и не являлся писателем. Именно его заслугой является то, что после Либлицкой конференции у нас начались «оргии» кафкизма — этой идеологии беспомощности, неполноценности, самоосуждения. И именно ему и ему подобным зарубежным «друзьям», симпатизировавшим нашим послеянварским событиям, именно им мы обязаны тем, что чешскую Злату Прагу стали называть не Прагой Чапека, Неядлы или Гашека, но — как ни странно — Прагой Кафки. Прагу так рьяно называли городом Кафки, что в конце концов Кафка, кафкизм, кафковская литература пражского гетто, полная житейского пессимизма, с ярко выраженными настроениями непонятого и ненавидимого еврейского меньшинства — нередко вопреки справедливости преследуемого и уничтожаемого — стали, хотя это и звучит неправдоподобно, символом Праги и в конечном счете синонимами чехов и чешского вообще»¹⁰⁴.

Общественные процессы, начавшиеся после января 1968 г., отразились и на церкви, и на религиозных объединениях Словакии. Негативные явления сказались особенно в области отношений церкви и государства. С марта 1968 г. различные группы прихожан вместе с частью духовенства начали кампанию по принятию всевозможных резолюций и сбору подписей под ними с целью вынудить государственные органы пойти на уступки церкви.

¹⁰⁴ «Pravda», 27.VII—30.VII 1970.

Экстремистские силы формулировали свои основные требования, руководствуясь принципом необходимости радикальных перемен во всей системе отношений церкви и государства. Отдельные группы священников объединялись с различными антисоциалистическими течениями как на родине, так и за границей. Активизировалась прежде всего католическая эмиграция, пытавшаяся прямо или косвенно вмешиваться в события, происходившие в стране. Основные антисоциалистические силы сконцентрировались в нелегальной религиозной организации «Дело церковного обновления», которая была основана в марте 1968 г. в Велеграде. Во главе этой организации встали духовные лица и прихожане, хорошо известные своими реакционными взглядами. Хотя организация не была официально разрешена и формально ее распустили, однако фактически деятельность ее продолжалась. Руководство организации опубликовало программу действий и устав, в соответствии с которыми должна была проходить ее деятельность. Эти документы составили пезуиты. Они направлены на ликвидацию государственного контроля над церковью и достижение церковной автономии. Организация злобно нападала на ту часть католического духовенства, которая сотрудничала с государством. И безоглядно, зачастую далеко не по-христиански оскорбляла их, обвиняя в коллаборационизме и предательстве. Экстремистские группировки этой организации оказывали нажим даже на епископов и стояли за кулисами почти всех так называемых акций давления¹⁰⁵.

Антисоветизм после Варшавской встречи 1968 г.

Известны точка зрения представителей пяти социалистических стран, сформулированная во время встречи в Варшаве в июле 1968 г.*, и глубоко обоснованные опасения, которые участники этой встречи высказывали 14 июля в письме, адресованном КПЧ. Известны также и резолюции ЦК КПЧ, корректирующие неправильную позицию партийного руководства, возглавляемого Дубчеком. Однако и сейчас, спустя более чем четыре года после появления этого письма, мы вновь встречаемся с воззре-

¹⁰⁵ «Pravda», 1.IX 1970.

ниями, что будто бы отказ от поездки в Варшаву явился лишь нарушением интернациональных обязанностей по отношению к союзникам и международному коммунистическому движению. Будто бы лишь в результате какого-то нашего высокомерия стало неизбежным вступление союзнических войск в августе 1968 г.

Дело обстоит гораздо сложнее. Речь шла не о том, ехать ли в Варшаву, а о том, чтобы мы поняли оправданность глубокого беспокойства союзников, вытекавшего из того, что у нас в это время речь шла о ликвидации марксистско-ленинского характера партии, об усилиях ликвидировать руководящую роль партии, о подрыве социалистического строя.

Само решение не ехать в Варшаву сопровождалось шовинистической, антисоветской кампанией в печати. Журнал «Смена» называл счастливой пятницей (19 июля 1968 г.) день, когда было одобрено отрицательное отношение к обращению пяти братских партий. Известный «свободный гражданин Европы» Е. Штефан в передовице газеты «Праце» 19 июля 1968 г. назвал это решение мудрым и трезвым. Б. Ферро в газете «Монд»¹⁰⁶ называл письмо Варшавской конференции документом не историческим, а доисторическим; графиня Марион Донгофф в журнале «Ди цайт»¹⁰⁷, оценивая эти события в Чехословакии, заявляла, что «революция исходит именно из коммунистической партии, а не из среды недовольных, инакомыслящих контрреволюционеров, как об этом говорят на Востоке». Характерно, что телевизионное выступление Александра Дубчека 18 июля 1968 г. было передано также Евровидением.

Союзники опасались, что последствия развития событий в Чехословакии могут угрожать интересам всей социалистической системы, что они направлены к разложению социалистического содружества и что выпады против союза и дружбы с социалистическими странами были связаны с конкретными стремлениями вырвать Чехословакию из Варшавского Договора. Отрицательное отношение Дубчека ко всем этим опасениям воодушевляло правооппортунистические силы в партии, антисоциалистические силы

¹⁰⁶ «Le Monde», 7314, 1968.

¹⁰⁷ «Die Zeit», 1968, N 27.

вне ее, вдохновляло их на осуществление антикоммунистических планов, разработанных задолго до этого в империалистических диверсионных центрах.

Те дни журнал «Выбер»¹⁰⁸ называл «десятью днями, которые не потрясли Чехословакию». Заведующий военным отделом ЦК КПЧ генерал-лейтенант В. Прхлик тогда же организовал пресс-конференцию, на которой, нападая на союзников, подверг сомнению Варшавский Договор и характеризовал действия союзников как противозаконные.

Публицисты из «Репортера», «Литерарни новины» и «Культурни живот» выдвинули лозунг нейтралитета, явно забыв, что даже буржуазный деятель Э. Бенеш признавал, что без прочной гарантии нашей независимости со стороны социалистического Советского Союза не может быть нейтралитета, суверенитета и свободы.

В это время Чехословакию посетил генеральный секретарь Французской коммунистической партии В. Роше, который высказал также серьезные опасения по поводу развития событий в Чехословакии. Однако А. Дубчек, как известно из стенограммы переговоров, опубликованной 22 мая 1970 г., отрицал справедливость выводов В. Роше, советовавшего принять более решительные меры в отношении сил, угрожавших основам социалистического строя и союзническим отношениям между Чехословакией, Советским Союзом и другими социалистическими странами.

В «Уроках кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» отмечалось: *«Центральный Комитет КПЧ, как высший орган партии в период между съездами, и его исполнительные органы перестали выполнять роль руководящего штаба в деле развития социалистического общества и защиты его революционных завоеваний. А. Дубчек и его сторонники, монополизировавшие принятие решений в руководстве партии, парализовали деятельность Президиума и всего Центрального Комитета КПЧ. Они препятствовали осуществлению действенных мер в период, когда эти меры еще были возможны, и в результате их действий враждебным и реакционным силам сдавалась одна позиция за другой. В результате этого росла и усиливалась наглость и агрессивность контрреволюции, в то время как постепенно*

¹⁰⁸ «Výber», 1968, č. 18.

*ослабевала, пока практически не исчезла, возможность подавить ее с помощью внутренних политических средств и средств власти»*¹⁰⁹.

Формально речь шла об отрицательном отношении руководителей чехословацкого «эксперимента» к поездке в Варшаву, а фактически — об отрицании существования двух основных факторов, которые в тот период быстро втягивали Чехословакию в глубокий кризис. Речь шла о стремлениях навязывать Коммунистической партии Чехословакии социал-демократический характер, легализовать различные антисоциалистические организации, такие, как К-231, Клуб беспартийных активистов, партию народных социалистов или политических клерикалов, изменить характер государства и открыть путь не только реваншистским западногерманским силам, но и обнажить значительный участок на рубеже капиталистического и социалистического мира.

Создателям чехословацкой модели 1968 г. нельзя отказать в знании того, как использовать психологию масс, как манипулировать общественным мнением. В пособиях по ведению психологической войны, выпускаемых институтами по европейским и «русским» вопросам, хорошо субсидируемых долларами или западногерманскими марками, можно было найти инструкции о том, как добиться влияния на массы, к которым, в частности, относится и выдвижение простых и доходчивых лозунгов. Так возник лозунг, который стал известен как лозунг «четыре С» — Свобода, Суверенитет, Союз, Социализм.

Манипуляторы из газеты «Литерарни листы», считавшие себя элитой, долго мозговали, какой порядок утвердить: отдать ли предпочтение социализму перед суверенитетом или суверенитету перед свободой, а о союзных отношениях уже даже не вспоминали.

Здесь уместно напомнить, что речь шла о правильных лозунгах, только их интерпретация была чрезвычайно странной. Согласно этой интерпретации, ЧССР могла сохранить суверенитет без союза с социалистическими странами, а социализм исключал свободу, свобода же и безопасность были якобы возможны без защиты со стороны Советского Союза и т. д.

¹⁰⁹ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 33.

Эти лозунги были выдвинуты газетой «Литерарни листы» в известном «послании» членам Президиума ЦК КПЧ, которые готовились к встрече с членами Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Манипуляторы общественным мнением в «Литерарни листы» формально обращались якобы к совести членов Президиума, но фактически создавали атмосферу психоза вокруг принципиальных членов президиума и одновременно давали сигнал к организации кампании по сбору подписей под этим «посланием» прямо на улицах. В «послании» говорилось: «Товарищи Барбирек, Биляк, Дубчек, Черник, Кольдер, Кригель, Пиллер (далее перечислялись имена остальных членов Президиума. — М. М.)... мы знаем, что не все вы имеете одинаковую точку зрения и, несмотря на то, что вы совместно завоевали январь, некоторые из вас подвергались критике за свои доянварские ошибки... Совещайтесь, разъясняйте, но единым фронтом и без уступок защищайте путь, на который мы вступили и с которого не сойдем, пока живы»¹¹⁰.

В данном случае речь шла не о простом призыве, а о переходе к *шовинистической антисоветской кампании* и о давлении на те силы, которые стояли на интернационалистской точке зрения.

Одновременно с этим призывом к единству действий чехословацкой делегации в «Репортере» из-под пера другого члена той же журналистской элиты, И. Гофманна, вышел список, где указывалось, кто выпадет «из лиги», т. е. кто будет и кто не будет избран на приближающемся XIV съезде в ЦК КПЧ, хотя существовало постановление, что выборы в партийные органы не будут предметом обсуждения в печати. В именном списке «Лиги» первые семь мест занимали Дубчек, Шик, Шпачек, Цисарж, Черник, Кригель и Смрковский, а на местах, которые предназначались для тех, кто должен был быть исключен из нее, — товарищи, защищающие ленинские принципы, — Индра, Биляк, Швестка и Кольдер. При этом и по адресу фаворитов газета «Литерарни листы» писала: «Тот факт, что «Татран» Дубчек не смог в двух встречах забить ни одного гола, а сам три пропустил, является предметом беспокойства тренера национальной команды»*. По по-

¹¹⁰ «Literární listy», 26.VII 1968.

воду Смрковского Гофманн писал: «Руководство секции должно было бы принять во внимание или, точнее говоря, одобрить трудные старты за границей тех команд, которые, в частности, против некоторых соперников за рубежом традиционно играют не только в обороне»¹¹¹. Эти рассуждения о «фаворитах» сопровождались грубыми выпадами в адрес тех членов Президиума, которые отстаивали принципиальную точку зрения.

«Общим выражением устремлений ревизионистских и антисоциалистических сил были в нашей стране национализм и антисоветизм. Это отвечало стратегическим и тактическим планам западных антикоммунистических центров, которые считают национализм и антисоветизм самым действенным оружием в подрыве союза социалистических стран с Советским Союзом. Средства массовой информации стали инструментом систематической дезинформации и обработки общественного мнения...

Нарушение братских уз с Советским Союзом и другими социалистическими союзниками должно было лишить наше государство главной защиты, и страна была бы отдана на произвол внутренним контрреволюционным силам и их империалистическим покровителям»¹¹².

Так в этот период манипуляторы общественным мнением комбинируют атаки против здоровых сил с созданием антисоветских шовинистических настроений, подготавливая общественность к разрыву с Советским Союзом и отказу Чехословакии от своих социалистических союзников... Все это вызывало восхищение газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг», которая в статье «Надежда», в частности, писала: «Новое начало в Чехословакии, порыв ветра реформ с вихрями и обещаниями чувствуется во всей Европе. Все, и на Западе, и на Востоке, чувствуют себя соучастниками этого с тайными надеждами и темными опасениями, как будто речь идет об их собственной судьбе. И речь действительно идет о ней...»

Всем известно, что добрая воля руководства Советского Союза проявилась уже в том, что впервые в советской истории почти все партийное руководство оставило территорию СССР и отбыло в Чиерну-над-Тисой. Уже это свидетельствовало о серьезности ситуации, сложившейся

¹¹¹ «Reporter», 1968, ѓ. 26

¹¹² «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии». Прага, 1971, стр. 19.

в Чехословакии. Манипуляторы общественным мнением использовали и это совещание для того, чтобы раздуть шовинистическую антисоветскую кампанию и организовать давление на здоровые силы в руководстве ЦК КПЧ. Обращение, опубликованное в газетах «Литерарни листы» и «Културни живот», красивыми словами привлекло и многих доброжелательно настроенных граждан, однако одновременно с этими словами в сознании людей сеялись и элементы недоверия. И не только это — они затушевывали тот факт, что союзники опасаются наступления антисоциалистических сил и что речь идет об основных вопросах безопасности всего социалистического лагеря. «Литерарни листы» сосредоточивали свои нападки на интернационалистах в руководстве партии. Журнал «Выбер» назвал дни между Чиерной-над-Тисой и Братиславой «шестью драматическими днями», проводя параллель с шестью февральскими днями 1948 г. и сравнивая их с домюнхенской осенью. За этой игрой слов в действительности скрывалось тогда стремление антисоциалистических сил к некоему антифевралю, и манипулирование общественным мнением было предпринято с целью вызвать какие-то ассоциации с предмюнхенским периодом.

В этот период действительно многие на словах клялись в верности социализму, хотя под «социализмом» подразумевали нечто совсем иное. Усилия «возродить социализм» широко поддерживались западной печатью. «Нью-Йорк таймс» высоко оценила «эксперимент либерализации», а чехословацкие экспериментаторы продолжали действовать, выдвигая своих кандидатов (начиная со Сморковского, затем Ганзелки и Когоута до Шика и Мартина Вацулика), комбинируя реформизм с преследованием прогрессивных сил. Франтишек Сикора-Шлезингер где-то в Канаде писал в то время: «Мы можем со всей ответственностью заявить, что мы имеем и в Словакии достаточно сил, — достаточно собственных сил, — чтобы осуществить все необходимые общественные и персональные изменения, касающиеся людей, скомпрометировавших себя политически и морально, и людей, потерявших доверие»¹¹³.

Сегодня мы знаем, что на совещании в Чиерпе-над-Тисой наша партия обязалась покончить с выпадами в печати, прекратить деятельность К-231, КАН и других

¹¹³ «Pravda», 1.VIII 1968.

антисоциалистических организаций. Но этого не произошло. Наоборот, открытые и скрытые кампании продолжались, и стало ясно, что идет подготовка к следующему этапу борьбы за власть. Заведующий отделом печати, радио и телевидения ЦК КПЧ Гавличек, например, ведший переговоры в Западной Германии, прервал их 11 июля 1968 г. (как отмечает протокол) для того, чтобы представители «наиболее важных средств массовой информации могли вернуться в редакции, оценить вновь сложившуюся ситуацию и принять меры по овладению типографской и радиотелевизионной техникой надежными людьми». Этими надежными людьми были Пеликан и Винтер на телевидении, Гайзляр и Вольный на радио, Лим и Веселый в «Литерарни листы» и другие наймиты западноевропейских центров, в том числе и сам Гавличек, продолжающий ныне свою деятельность на радиостанциях «Свободная Европа» и в «Голосе Америки», в Мюнхене и Париже... Дело действительно шло о чем-то вроде анти-февраля или, может быть, о чем-то еще большем, если за советом ездили в Мюнхен.

Проф. В. Черный с глазу на глаз поведал своему общнику Я. Прохазке: «Для меня нет ничего более неприемлемого, чем то, когда меня представляют в качестве духовного выразителя реакции, которая хочет возврата к домюнхенской республике или я не знаю, куда там еще. . . Я ни от чего не отрекаюсь, наоборот, я выжидаю! Дубчек должен сначала выиграть для себя, а затем и для меня. Для себя! Когда же он выиграет для себя, тогда я, уж будьте уверены, появлюсь и, если нужно, выступлю против Дубчека»¹¹⁴.

Как бы ни назывались различные теории антикоммунизма — теорией ли эрозии социалистического лагеря, или теорией полицентризма, обосновывающей стремление создать большое количество центров «революционного» рабочего движения, или теорией различных моделей, или вариантов, социализма (вплоть до теории доместицизма, выдвинутой Бжезинским, которая ставит эгоистические тенденции выше интернациональных интересов), или теорией национальных социализмов или коммунизмов, теорией нейтралитета, разработанной уже давно в западных

¹¹⁴ «Rudé právo», 19.VIII 1970.

центры», появившейся на свет в период венгерской контр-революции и используемой в чехословацком «эксперименте», — все они имеют одну общую цель: ослабить единство социалистического лагеря, подорвать его силы. И здесь речь идет об усилиях, подобных тем, которые мы уже наблюдали у французских и английских империалистов в период после первой мировой войны, после того как им не удалось затормозить развитие молодого Советского государства; тогда, как известно, они пытались создать некий санитарный кордон, своего рода защитную зону, которая в конце концов превратилась в плацдарм для наступления гитлеровского фашизма. С той же целью пытались использовать и Малую Антанту. И подобно тому, как потерпела крах концепция Чехословакии — моста между Востоком и Западом, в буквальном смысле слова растоптанная гитлеровским вермахтом, потерпела крах и «теория наведения мостов», придуманная Джонсоном и конкретизированная западногерманскими милитаристами во главе со Штраусом.

Чехословацкие модельеры не придумали ничего нового, когда выдвинули тезис о том, что Чехословакия является каким-то особым государством в этом классово разделенном мире. По сути дела это был лишь один из этапов, предусмотренных теорией градуализма.

Мы решительно осуждаем тенденции, которые проявились в доавгустовский и послеавгустовский периоды, тенденции, усиленные антисоветским психозом средств массовой информации. Носителями антисоветских тенденций были и антипартийные элементы внутри партии, которые претерпевали на руководящее место в ней. Эти тенденции проявились и на августовском съезде Коммунистической партии Словакии. На основе тезиса, выдвинутого Б. Грацей *, о том, дескать, «мерой оценки при выборах в новый Центральный Комитет должно быть отношение к оккупантам», развернулись действия и выдвигались лозунги, которые шли еще дальше. Одна из фракций делегатов разработала платформу, в которой вступление союзных войск квалифицировалось как акт агрессии. Была, однако, и другая платформа, которая требовала сделать выводы не только по отношению к тем людям, «против которых существуют подозрения, что они знали о готовящейся оккупации, призвали оккупантов и были готовы сотрудничать с ними, но и по отношению к таким лю-

дям, которые активно не выступили против агрессии, колебались назвать постыдный акт агрессии его настоящим именем»¹¹⁵.

Различные оттенки антисоветизма, которые нашли свое проявление в рамках так называемой чехословацкой модели, принадлежат к числу самых опасных. Из истории известно, что любой шовинизм опасен, однако шовинизм, направленный против Советского Союза, прежде всего наносит ущерб интересам чехословацкого народа, так как с Советским Союзом связано освобождение и развитие всех стран социализма, и в конце концов направлен против политической роли Советского Союза и его веса в мире, развития национально-освободительного движения, начавшегося под влиянием Октябрьской революции.

Ключевые вопросы: партия и отношение к СССР

Одним из факторов развития, которое привело к кризису, явились политическая нерешительность и неспособность большей части руководства партии, предоставившего простор антисоциалистическим и контрреволюционным силам для враждебной пропаганды. Оно не разработало ни плана позитивного развития социализма, ни действий по его защите. Таким образом, некоторые события развивались помимо воли руководства партии, а точнее говоря, — по воле и под руководством или под прикрытием правооппортунистической части руководства, разоблаченного на апрельском и сентябрьском пленумах ЦК КПЧ в 1969 г. Именно при таких обстоятельствах могли расцвести не только ревизионистские теории, но и осуществляться контрреволюционная практика. Вслед за деструкцией марксистской идеологии началась деструкция всей политической системы, начиная с подрыва самой ее основы — руководящей роли партии. Создалась такая псевдодемократия, при которой все вмешивают и никто ни за что не отвечает. Сама партия стала «Гайд-парком», в ней распространялись разнообразные взгляды, начиная с тех, которые отражались в решениях партии, и кончая концепциями, придуманными в «научных» учреждениях США и ФРГ с целью разложения коммунизма изнутри. Средства массовой информации летом 1968 г. являли со-

¹¹⁵ Нелегальный номер «Večerník» (27.VIII 1968).

бой невиданную в истории современных государств картину: газета «Руде право» борется против своего издателя — Центрального Комитета; в профсоюзном органе «Праце» пропагандируются инструкции эксперта Колумбийского университета Свитака, направленные на ослабление власти рабочего класса; на радио сотрудник «Свободной Европы» терроризирует чехословацкую контрразведку и извиняется перед амнистированным шпионом В. Веселым; по телевидению передается беседа эксперта Би-Би-Си Камила Винтера с членом Президиума ЦК КПЧ Ф. Кригелем, направленная против постановлений Президиума; член партии Й. Ледерер в газете «Литерарни новины» ратует за создание новых партий и т. д. и т. п.

Основной упор делается на необходимость деидеологизации журналистики, отказа партии от идеологического воздействия и превращение ее в какой-то общенациональный дискуссионный клуб, причем дискуссии, конечно, должны были бы проводиться на манер той, которая велась с товарищем Зарубой* по пражскому радио, когда против мужественно защищавшего свои взгляды простого гражданина, до этого никогда не выступавшего перед микрофоном, выступили стреляные «волки», такие, как Вайнер, Кишцл и Вольный.

Вскоре в этой «возрожденной» демократии стали применяться методы скандальной дискредитации, заимствованные из практики китайской «культурной революции», достигшие кульминации в августовские дни и нашедшие свое выражение как в плакатах с угрозами в адрес членов партии, стоящих на интернационалистических позициях, так и в актах вандализма и террора.

В настоящее время ясно, что основной антисоциалистический натиск шел в двух направлениях: против руководящей роли рабочего класса, его партии и государственной власти, против его идеологии, за ревизию основных принципов марксизма-ленинизма — все это по возможности изнутри, за постепенное изменение внешнеполитической ориентации ЧССР с помощью псевдопатриотических, националистических лозунгов с целью отрыва от СССР и социалистического сообщества.

Антисоциалистические, контрреволюционные усилия были направлены на раздробление партии и проникновение чуждых элементов в ее руководство, на ослабление государственной власти (армии, органов безопасности,

контрразведки), деятельности конституционных учреждений и общественных организаций, на создание новых политических группировок (фактически плюрализма), таких, как КАН, К-231, и других, преследующих цель захвата власти. К подобного рода тенденциям относилось также и фактическое осуществление политического влияния организациями, которые имеют иные функции в системе надстройки (творческие союзы присваивают себе функцию оппозиционной партии; средства массовой информации выходят из-под влияния партии, и ими руководят антисоциалистические группы и т. д.). Из разнородных течений и оппозиционных групп ревизионистов, либералов, правых оппортунистов и прямых контрреволюционеров и диверсантов должно было быть создано сильное объединение — «большая коалиция» антисоветских сил. При этом на основе ложной внешнеполитической ориентации осуществлялось фактическое изъятие армии из системы союзнических обязательств и создавалась атмосфера, враждебная союзникам, что должно было привести к ослаблению союза социалистических стран. Налицо факты, говорящие о том, что и до и после августа 1968 г. речь шла о правооппортунистических усилиях, направленных на то, чтобы столкнуть партию с ленинского пути. Имеется ряд неоспоримых доказательств деятельности у нас антисоциалистических контрреволюционных сил.

Правооппортунистические тенденции проявились главным образом на практике, однако есть большое количество выступлений, документов, статей, в которых содержалась попытка теоретически обосновать необходимость ослабления руководящей роли партии и изменения ее марксистско-ленинского характера (теория элиты, пересмотр функций Национального фронта и методов руководства средствами массовой информации). К ним принадлежат и требования «институционализации критики», создания «плюралистической системы», «общенародной партии» и т. д.

Речь шла о ревизии марксизма-ленинизма, распространении мелкобуржуазных националистических, антисоветских взглядов. Иногда эти взгляды распространялись под прикрытием рассуждений о «новой модели», «собственном лице», «чехословацком пути», затушевывающих диалектику и классовые аспекты патриотизма и интерна-

ционализма. Таким образом, речь шла о забвении классовых аспектов в подходе к внутриполитическим вопросам и недооценке классового аспекта в международных отношениях: недооценке западногерманского империализма, кардинальных вопросов европейской безопасности, необходимости решительной борьбы против реваншистских и экспансионистских тенденций в ФРГ.

Для новоявленных чехословацких реформаторов было характерно стремление использовать публицистику для дискредитации понятий, для их релятивизации, разложения всех структур, для внесения принципа «сомнения» в партийную систему демократического централизма. В этот период амбициозные и легкомысленные философы вторгаются в политику, внося в нее с помощью средств массовой информации вместо серьезных научных выводов и анализа поверхностную эссеистику, а историки вместо глубоких исследований распространяют мифы и легенды. Точно так же и некоторые представители искусства увлеклись элитарскими теориями, теориями совести. Согласно этим теориям, элита должна быть критиком, оппонентом, мозговым трестом, а никак не защитником социализма. От одних революционных традиций оставалась подчас лишь горстка недостатков, а от других историки брали на вооружение не их огонь, а пепел. Политическая экономия превращалась в литературный экономизм.

Было предано забвению, что социалистическая Чехословакия в этом классово разделенном мире неизбежно подвергается идеологической диверсии со стороны империализма. Игнорировалось существование огромного пропагандистского аппарата и изоциренных средств идеологического воздействия, которые использует империализм против социалистических стран. Не обращалось внимания на то, что эта опасность начала увеличиваться именно в то время, когда наша партия стремилась совершить решительный поворот к более последовательному осуществлению ленинских норм в своей внутренней жизни и в жизни всего общества.

Одна из целей антикоммунизма состояла в том, чтобы поколебать принадлежность Чехословакии к мировой социалистической системе. С одной стороны, наш народ постоянно дезинформировался по поводу событий, происходящих в других социалистических государствах.

Прежде всего выискивались отрицательные стороны в их развитии и замалчивались достижения в экономическом, общественном и культурном строительстве. С другой стороны, в нашей публицистике преобладал субъективистский, односторонний и, главное, неклассовый подход к освещению основных социально-экономических и политических проблем в капиталистических странах.

В последние годы влияние Запада проявилось и в таком важном вопросе, как философско-этическое отношение к жизни и к миру. Понятие смысла жизни, отношение к труду, к личным и общественным интересам, жизненным и трудовым идеалам, главным образом у молодежи и творческой интеллигенции, оказалось под сильным влиянием прежде всего философии экзистенциализма.

Многие из этих принципов нашли свое выражение в открытом или замаскированном виде на так называемом высочанском съезде, который подготавливал превращение нашей партии в партию мелкобуржуазную, типа чехословацкой национально-социалистической¹¹⁶.

Налицо было стремление представить Запад в общественном мнении ЧССР в качестве «традиционного» друга, который с уважением и интересом следит за усилиями нашей партии и народа, направленными на преодоление имеющихся трудностей, и даже готового помочь их преодолеть. Эти взгляды, получившие относительно широкий отклик главным образом среди интеллигенции и молодежи, могли распространяться лишь потому, что имели подготовленную почву. Они опирались на интерпретацию современного капитализма, согласно которой он, собственно, уже не является тем действительным капитализмом, в свое время охарактеризованным Марксом и Лениным, и разделение мира на две антагонистические социальные системы — уже пройденный этап в развитии человечества.

Ловко был осуществлен прием, способствующий искусственному неклассовому разделению общества, а затем его объединению на новой, антисоциалистической основе. Лозунг о национальном единстве должен был объединить народ на неклассовой, националистической позиции, откровенно направленной против Советского Союза и дру-

¹¹⁶ «Tribuna», 1969, с. 41—43.

гих социалистических стран. С другой стороны, пропагандировался девиз классово индифферентного «пан-европеизма», «европейского сотрудничества».

Исключительную роль в методах антикоммунизма играли поддержка и раздувание автаркистских тенденций, национализма и шовинизма как с точки зрения внутренних, так и внешних условий. Сознательно извращались отдельные исторические периоды развития нашей страны с целью доказать преимущество западной ориентации как в области культуры, так и в области политики.

Справедливая критика ошибок прошлого доходила до нигилизма, их анализ проводился не диалектически, не путем отрицания регрессивного и поднятия позитивного на новую ступень, а очернением всего предшествующего развития (Ганзелка в газете «Млада фронта» приравнивал его к периоду, наставшему вслед за поражением под Белой Горой *). Ошибки доянварской политики использовались для усиления нападок на руководящую роль партии. При этом считалось, что чем больше вины возьмет на себя партия, тем она будет более популярной. Это вылилось в конце концов в битье стекол в окнах секретариатов партии и в террор против партийных работников. Дискредитация руководства партии или ее членов часто преследовала цель дискредитировать всю партию и ее идеи.

О степени реакционности некоторых выступлений того времени нельзя судить только по неправильным формулировкам. Необходимо исходить из того, насколько живительную почву они находили в обществе, и из их потенциальной опасности, опасности, на которую уже тогда указывали не только отдельные коммунисты, но и документы партии. Нельзя не видеть, что некоторые из этих тенденций находили питательную среду в различных слоях общества и главным образом среди тех людей, которые по праву были в феврале 1948 г. исключены из политической жизни, а также среди тех, кто выступал против упрочения связи с социалистическими странами, был враждебен КПЧ и вообще социализму.

При всей специфичности чехословацкого «эксперимента» поразительно схожи многие давно известные признаки подготовительного этапа осуществления переворота в общественном строе. Здесь были налицо модернизирован-

ные формы психологического воздействия, идеологического проникновения, постепенной идеологической ревизии, разработанные тысячелетней практикой церкви, усилиями антикоммунизма, возведенного в фашистской Германии и нынешних империалистических государствах в ранг научных дисциплин и нашедшего свое воплощение в изощренных методах «public relation».

Все недостатки, все антисоциалистические тенденции ярко проявились после принятия партийной программы действия в апреле 1968 г., о чем свидетельствует активизация КАН, правой социал-демократии, предоставление позиций церковной пропаганде и вновь формирующимся буржуазным течениям. И не только не велась борьба против враждебной идеологии и была ослаблена идеологическая работа, но и было предоставлено поле деятельности политическим противникам.

Партийная пропаганда весной 1968 г. почти полностью отказалась от популяризации позитивной политической программы. Печать сосредоточивала свои усилия на борьбе «против чего-то» вместо того, чтобы бороться «за что-то». С одной стороны, метод принятия резолюций использовался с целью дискредитации личных противников, а с другой стороны, определенная группа людей усиленно популяризировалась. Эта манера использовалась и тогда, когда были приняты соответствующие осуждающие ее постановления высших органов. Так было с различными исследованиями общественного мнения во время подготовки выборов президента республики. И не случайно, что Кригель, Шик, Шабат, Славик и другие, которых антисоциалистические силы поддерживали в качестве представителей «возрожденного» социализма, предстали перед общественностью как люди, не принадлежащие к революционной марксистско-ленинской партии.

Многие факты свидетельствуют не только о деятельности ревизионистских группировок в партии, но и о связях некоторых лиц с иностранными кругами.

Намерения западных империалистов в концентрированном виде выразил в ноябрьском номере журнала «Фортуна» в 1968 г. проф. Кан, известный американский специалист «по европейским вопросам» и консультант различных комитетов и учреждений. Он изложил планы подрывной деятельности против социалистических стран. В Чехословакии должен был быть проведен эксперимент,

с помощью которого следовало проверить, удастся ли оторвать эту страну от социалистического лагеря и как будут реагировать на это ее союзники по Варшавскому Договору. План наступления антисоциалистических сил в ЧССР, по его мнению, должен был быть следующим:

— в ближайшее время получить признание Бонна, за которым должны были последовать западногерманские кредиты, торговые связи и распространение влияния;

— усилить западноевропейское, особенно французское и немецкое, влияние в области культуры;

— отказаться от демократического централизма;

— в самое кратчайшее время создать правительство, которое бы стояло над партией, и достигнуть общего ослабления влияния партии;

— обеспечить создание оппозиционных партий и действенной политической оппозиции;

— создать ореол «экономического чуда»;

— сделать возможным создание социал-демократии с капиталистическим налетом.

Примечательна удивительная близость взглядов автора «2000 слов» Людвика Вацулика с этими проектами и инструкциями ведения психологической войны и идеологической диверсии. В духе этих теорий Вацулик становится в позу «демократического» коммуниста, извергающего огонь на «аппаратчиков». Он откровенно пишет о том, что «процесс возрождения не пришел к нам с чем-то особенно новым» (что являлось в значительной степени правдой, так как реформаторы использовали старый арсенал реформистов и социал-демократов, с которыми страстно полемизировал еще В. И. Ленин. — М. М.). В полном соответствии с духом инструкций «ученых-политологов», разрабатывающих антисоциалистические концепции хорошо оплачиваемых специалистов по диверсиям, Вацулик рекомендует прикрываться партийными билетами: «Прежде всего мы будем возражать против взглядов, если бы таковые возникли, что можно проводить какое-либо демократическое возрождение без коммунистов или даже против них. Это было бы не только несправедливо, но и неразумно. Коммунисты имеют сложившиеся организации, в которых и пужно поддержать прогрессивное крыло. Они имеют опытных партийных работников, и, наконец, в их распоряжении находятся решающие рычаги».

Разложение партии изнутри всегда было главным методом ликвидаторов. В «чехословацкой модели» мы встретились с тем, что в ряды партии некоторые новые члены вступали именно потому, что в ней видели силу, способную на антисоветские действия.

В документе «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» говорится:

«Многочисленные факты подтверждают, что в 1968 г. у нас образовалась широкая антикоммунистическая коалиция и формировалась новая структура политической системы, которая фактически возрождала положение, существовавшее до Февраля 1948 г., и в которой отчетливо проявились даже элементы домюнхенской буржуазной республики. В то время как Коммунистическая партия Чехословакии разлагалась правыми оппортунистами, ее деятельность и боеспособность были парализованы, мелкобуржуазная контрреволюция создавала все большие резервы, которые по мере необходимости вводила в политическую борьбу. Правооппортунистическая часть руководства КПЧ выдавала это антисоциалистическое движение за позитивную политическую активность наших граждан. При этом на всех тех, кто выступал против указанных опасных явлений, правые наклеивали ярлык сектантов и консервативных противников «социалистического возрождения». В действительности правооппортунистические деятели открыли простор явно реакционным и контрреволюционным элементам, равнымся вперед и не скрывавшим намерения устранить от власти А. Дубчека, О. Черника и др., как только они перестанут нуждаться в охране и защите со стороны последних»¹¹⁷.

Девальвация ценностей и смешение понятий

К рафинированным приемам, используемым некоторыми авторами, принадлежит смешение понятий или перенесение их из сферы всеобщей в партийную или идеологическую область. Достаточно вспомнить хотя бы некоторые факты и тенденции. Ошибки и недостатки прошлого, яв-

¹¹⁷ «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», стр. 39—40.

являвшиеся недостатками практики, критиковались как неправильные идеи. Вместо критики частных случаев делались обобщения, критиковались не ошибки, а сами принципы. Метод сомнения, так необходимый при научном исследовании, был возведен на уровень всеобщего, приемлемого даже для партийных решений. Накопившиеся проблемы предлагались партии для их немедленного разрешения без учета реальных возможностей. Необходимая переоценка трудов Т. Масарика вылилась в протаскивание его идей в партийную идеологию. Замалчивание роли М. Ф. Штефаника * в чехословацкой истории сменилось его глорификацией. При реабилитации некоторых художественных произведений, необоснованно в свое время подвергшихся критике, чрезмерно превозносились их авторы.

Искусным камуфляжем являлось, например, смешение понятий «творческий марксизм» и «реформизм». Был выдвинут тезис о том, что марксизм изжил себя и не отвечает условиям промышленно развитой страны. Согласие с решениями и политикой партии оскорбительно определялось как «конформизм». Вместо альтернативных, деловых предложений предлагались безответственные проекты и нереальные «эксперименты».

Деструкция понятий и их глобальный пересмотр видны уже на примере основного понятия нашей эпохи—социализма, который «украшался» десятками эпитетов: демократический, гуманный, классический, с человеческим лицом, деформированный и т. д.

Для девальвации ценностей использовались изощренные методы—молодой Маркс противопоставлялся старому Марксу, дискредитировались и принижались символы пролетарской борьбы (обращение «товарищ», приветствие «честь труду» и т. д.), что вылилось в конечном счете в сожжение красных знамен.

При разъяснении политики партии дезориентированным людям приходилось сталкиваться с путаницей в понятиях, которая была преднамеренно, а вовсе не случайно внесена во все общественное сознание. К сожалению, необходимо констатировать, что империалистическим агентурам с помощью прямых, косвенных, а иногда и случайных помощников удалось достичь тогда той цели, которая была поставлена перед разведками при проведении чехословацкого «эксперимента» американским специалистом по идеологической диверсии проф. Каном. Наряду со все-

возможными «повседневными» диверсионными задачами агентура имела перед собой стратегическую цель — «атомизацию» общества, т. е. «доведение политической и общественной структуры страны-объекта до стадии, когда национальное самосознание оказывается в состоянии такого разложения, что государство уже не способно к сопротивлению».

Идеологической диверсии более всего подверглась сфера пропаганды. В рамках глобальной стратегии, направленной на подрыв единства социалистических стран, ей отводилась первостепенная роль.

Лассуэл, разработавший хитроумную систему исследования средств массовой информации, исходил из того, что пропаганда на международной арене является одним из важнейших средств распространения давления, способствующего разложению существующего общественного устройства.

К психологическим формам идеологической борьбы относятся различные воздействия, стимулирующие национализм, жажду достижения благ «развитого потребительского общества», религиозные настроения, уход от реальности в потусторонний мир и т. д. Составной частью этих психологических способов воздействия является изобретательное использование семантики (смысла слов) в политике и публицистике, изменение общепринятого смыслового значения понятий.

Так, например, обстояло дело с понятием «демократия», которое буржуазная пропаганда присвоила для определения своей формальной капиталистическо-парламентской демократии, маскируя эксплуататорский характер буржуазного строя.

К термину «демократия» при социализме прибавляется определение «деформированная», и поэтому понятие «социалистическая демократия» противопоставляется понятию «демократия» вообще, или «классическая» буржуазная демократия. Это также касается и термина «коммунизм с человеческим лицом», который полностью отвечает усилиям западных идеологов психологической войны.

Таким же образом обстояло дело и с понятиями «свобода», «свободный мир», «свободная Европа». Лозунг «свобода слова» некоторые чехословацкие публицисты довели до абсурда, сузив его до свободы для некоторых из-

бренных журналистов, которые узурпировали средства массовой информации и отказывали в этой свободе собственным издателям, коллективным органам, в том числе правительству, что вызвало изумление буржуазных публицистов и предостережения со стороны империалистических инспираторов, боявшихся, что такая тенденция вызовет нежелательные контрмеры.

Пропаганда в ЧССР также позволила в то время навязать себе чуждое марксизму понятие о взаимоотношениях и связях «Востока и Запада» вместо отношения «социализм — капитализм». Таким образом, классовые категории были заменены географическими; антиподы «социализм» и «капитализм» были подменены антиподами «Восток — Запад», и вместо капиталистических говорилось о западных странах.

К такого рода понятиям, которые не без политического умысла ввели чехословацкие публицисты, относится и понятие «израильско-арабский конфликт» (чаще «арабско-израильский конфликт»), которым они заменили понятие «израильская агрессия против арабских государств».

Определение «прогрессивный» ловко приписывалось иным политикам, которые в сущности являлись носителями правооппортунистических, антисоциалистических тенденций. И, наоборот, ярлык «догматик», «консерватор» приклеивался всем тем, кто вставал на защиту марксистско-ленинских принципов. Точно так же для многих мероприятий реформистского, социал-демократического характера использовались такие выражения, как «ренессанс», «возрождение».

Ликвидация социалистического строя в ЧССР специалистами по вопросам восточной политики обозначалась в 1968 г. термином «социал-демократизация» или установление демократического социализма. Проф. Менерт, который в период нацизма занимал видное положение в отделе международной пропаганды министерства иностранных дел и еще 5 марта 1945 г. был по представлению имперского министра иностранных дел Риббентропа награжден Крестом за заслуги, 30 марта 1968 г., выступив по западногерманскому телевидению, откровенно выразил большое удовлетворение по поводу политических тенденций, которые проявились в ЧССР. Менерт, в частности, отметил, «что развитие событий идет в направле-

нии, которое бы крайне встревожило Ленина, в направлении социал-демократизма, установления демократического социализма в Чехословакии, если бы, скажем, там в один прекрасный день социал-демократия взяла бразды правления в свои руки»... .

Наша пропаганда сошла с классовых позиций, она не противостояла в достаточной степени буржуазной пропаганде и новым формам диверсии со стороны империалистов. При этом реакция преследовала ясную цель: очистить поле деятельности враждебной пропаганде. Этому объективно способствовали извращения, имевшие место в прошлые годы, нарушения социалистической законности и догматизм в области пропаганды. Противник использовал это для того, чтобы очернить все прошлое, а недостатки практики выдать за черты, свойственные социалистической системе. В частности, использование в прошлом понятия «идеологическая диверсия» для обозначения различного рода ошибок и незлонамеренных отклонений, а также использование этого термина в незаконных политических процессах послужили удобным прикрытием для всех действительных идеологических диверсантов.

Особую категорию составляли понятия, которые были сознательно привнесены к нам извне. Так, например, термин «плюрализм» в капиталистических странах применяется для определения «демократической разнородности общества», для затушевывания классовых противоречий. К нам его принесли философы в 1966 г., совершившие плагиат у польских и югославских философов-ревизионистов, отстаивающих необходимость «институционализации критики» в противовес руководящей роли партии. Впоследствии плюрализм стал формулой заклания в устах правых социал-демократов и членов КАН.

К такого же рода понятиям принадлежит термин «манипулирование». Отечественные манипуляторы, узурпировавшие руководство средствами массовой информации, хотели обвинить все руководство партии в манипулировании общественным мнением. Аналогично обстояло дело и с понятием «кабинетная политика», в которой действительные кабинетные группировки — «мозговые тресты» некоторых политических деятелей пытались обвинить руководство партии в тот момент, когда оно приняло меры против фракционных тенденций.

Речь шла не просто о целенаправленном употреблении этих понятий, но иногда даже о попытках их широкого обоснования с помощью научных симпозиумов. Было ли это политической наивностью или делалось преднамеренно, но в обоих случаях результат был одинаковым: практически осуществлялась запланированная американскими стратегами эрозия коммунистической идеологии и общественного сознания. Нет нужды много говорить ни об антисоциалистической сущности памфлета «2000 слов», с которым были солидарны и некоторые члены высших партийных органов, ни о концепции Свитака, которая рекламировалась в газете «Праце», ни о популяризации «Свободной Европы» нашей печатью. Следует, однако, иметь в виду, что последовательная деидеологизация проводилась преимущественно в более осторожных формах. Так, например, в песенном творчестве исчезли моральные, социальные, патриотические темы и, наоборот, политический оттенок придавался различным молитвам, реквиемам и модным песенкам. Средства массовой информации не придавали значения пропаганде необходимости осуществления принятых решений, а сосредоточивали внимание на развязывании отвлекающих дискуссий.

Печать, радио и телевидение освоили методы «объективизации». «Объективно» цитируя, они распространяли вымыслы буржуазной пропаганды, ее термины и точки зрения. Уж с марта 1968 г. некоторые чехословацкие журналисты на практике использовали методы, которые можно назвать «объективизацией антисоциалистических высказываний», пересказывая или цитируя различные инвективы и фальшивые сообщения буржуазных агентств печати и радио. Такого рода информацию приносило ЧТК, а затем она цитировалась по радио в обзорах печати, комментариях. Это был искусный метод оказывать влияние на общественное мнение, выдавая все высказывания буржуазного государственного деятеля или комментатора за объективные, хотя объективен был лишь самый факт выступления этого государственного деятеля, высказывание же его — тенденциозно. Таким образом, субъективные, тенденциозные, антисоциалистические высказывания, касающиеся наших партийных работников или каких-либо событий, воспринимались людьми как факты. При этом нередко враждебные элементы обращались к иностранным корреспондентам с просьбой о помещении какой-либо

фальшивки в зарубежной печати, а затем принимались ее цитировать. Кстати, для таких способов дезинформации использовались некоторые органы югославской печати и радио. Средства массовой информации цитировали даже высказывания буржуазных агентств, радио и газет по поводу того, чем хорош и чем плох у нас социализм.

Иностранные «друзья», которые еще в 1967 г. систематически нас ругали, вдруг начали расхваливать «дубчековское возрождение». Выражал свои симпатии «демократическим усилиям» и эмигрант из Словакии, римский епископ Павел Гнилица.

Естественно, что империалистические круги, замалчивая «демократии» в Греции, Испании, Португалии и других странах, старались привлечь внимание к Чехословакии. В идеологической работе быстро были забыты уроки Венгрии, Индонезии, агрессии империалистов против арабских стран, Вьетнама и т. д.

Некоторые публицисты при расширении связей с Западом не только не действовали наступательно, но косвенно даже позволяли себя подкупать, разумеется, в деликатной форме: принимая непомерно высокие гонорары, подарки, угощения и т. д.

Как не вспомнить при этом рекомендации Фулбрайта о необходимости «поощрения» и «воздержания от поощрения»!

В средствах массовой информации после апреля 1968 г. возникли «новые формы» работы. Если в каких-либо иностранных газетах появлялись нападки на «неудобного» политического деятеля или сплетни о нем, то вслед за этим их подхватывала газета «Прага» и «объективно» цитировало радио в обзоре печати. Полемика с решениями высших партийных органов велась даже в непартийной печати. В такой ситуации* не принимались всерьез постановления ЦК КПЧ о том, что вопросы выдвижения кандидатов в руководящие органы партии не должны быть предметом публичного торга в печати. Наоборот, за кулисами составлялись проскрипционные списки политических деятелей, которые затем становились мишенью для нападок, скандальных обвинений и сатиры.

СССР стал сначала скрытой, а позднее и открытой мишенью для нападок со стороны средств массовой информации.

В печати культивировалось чувство фальшивой национальной гордости, нашему народу навязывалась чуждая ему мания величия. Из печати почти полностью исчез классовый подход к нашей внешней политике.

Дело было не в том, что в канун августовских событий 1968 г. «недооценивался внешнеполитический фактор», а в грубо пренебрежительном отношении к основам действительной взаимной связи социалистических государств, в том числе к нашей собственной заинтересованности в сплоченности социалистического содружества. Внешнеполитическая ориентация является кардинальным вопросом свободы и безопасности каждого государства и особенно небольшого. Уже не раз подчеркивалось, что классовая борьба на современном этапе переносится в сферу внешнеполитических отношений. Нет оснований бояться контактов ни с Западом, ни с ФРГ, однако необходимо проводить активную политику, а не дезориентировать нашу общественность раблепными выступлениями на западноевропейских форумах, как это делали Лим, Шнейдарек, Гольдштюккер, Шик и др. Тезис о мирном сосуществовании был деформирован и трактовался как идеологическое сосуществование, создавались иллюзии по поводу подлинных целей империалистических кругов. Вместо ориентации на научно-техническую революцию, укрепление трудовой дисциплины, использование всех возможностей сотрудничества с социалистическими странами распространялись побасенки о капиталистическом займе как о каком-то волшебном бальзаме, причем игнорировалось то обстоятельство, что его придется вернуть.

Наряду с антисоветизмом особое место в пропаганде на Чехословакию занимали нападки на ГДР и фетишизация ФРГ. Вопрос об отношении к ГДР, с одной стороны, и к ФРГ — с другой, был тем, который разделял здоровые силы партии и реформистов.

Идеологи «чехословацкого ренессанса» проповедовали теорию классово индифферентного «европейского сотрудничества», отрицавшую наличие опасности со стороны западногерманского реваншистского империализма и открывавшую двери буржуазной идеологии. Они скрывали то обстоятельство, что в действительности западногерманский реваншизм угрожает не только социализму, но и нашему государственному и национальному существованию.

Буржуазные мастера манипуляций общественным мнением

Каково же происхождение и смысл некоторых дискуссий и тенденций, прикрывавшихся лозунгом «творческого поиска» и «творческого марксизма»? Достаточно просмотреть работы буржуазных ученых, излагающих теории инфильтрации и эрозии коммунистической идеологии, чтобы убедиться в их родстве с идеологами «чехословацкого эксперимента».

Ранее для многих из нас было характерно пренебрежительное отношение к психологической стороне формирования общественного мнения. Этого нельзя сказать о некоторых манипуляторах общественным мнением в средствах массовой информации в 1968 г., которые понимали, что они представляют «четвертый отдел» дипломатии или что они (вместе с некоторыми писателями, вожаками молодежи и самозванными вождями некоторых профессиональных союзов) являются «opinion leader» (руководителями общественного мнения). Нельзя им отказать и в умении использовать ошибки доянварского руководства партии и ловко манипулировать общественным мнением или же инспирировать это мнение через печать, радио и телевидение для того, чтобы затем на него сослаться. Нельзя им также отказать в том, что они умело осуществляли функцию «дегустаторов настроений», использовали распространенную в буржуазной печати практику внесения в аудиторию очень доходчивых, понятных, привлекательных и заразных лозунгов, стимулирующих определенные эмоции и страсти. Сюда можно отнести заимствование термина «оккупация», воскресавшего представления времен Гитлера. К таким лозунгам принадлежит и лозунг «пассивного сопротивления», устраивавший лодырей и поднимавший праздность до уровня значительных форм политической борьбы.

Это популярно, хотя и упрощенно, разъяснял австрийский историк пропаганды А. Штурмингер. «В политической пропаганде, — писал он, — объект всегда одинаков — человеческий характер. При этом решающее значение имеет учет «психологических состояний», какими, например, являются «пранадежда» и «прастрах», иначе говоря, «атавизм» человечества, усиливающийся в тре-

вожные времена вследствие возбуждения и разжигания низменных чувств и инстинктов»¹¹⁸.

Известно, как умело использовали «иррациональный элемент» в сознании и чувствах людей редакторы радио и подстрекательских изданий после 21 августа, которые прямо по П. Линебаргеру доказывали: «Как можно страсть превратить в злобу, разногласия — в недоверие, а предубеждение — в ярость. Психолог этого достигает тем, что апеллирует к подсознательным чувствам людей, которые служат ему исходным материалом»¹¹⁹.

Так, например, им удалось внушить, что единственным правильным критерием счастья жизни является критерий так называемого потребительского общества. Они делали это при одновременном преднамеренном забвении критерия социальной действительности, необходимости учета процессов, происходящих в развивающихся и неокolonнальных странах, недооценивая исторический опыт нашей страны в защите от прусского и фашистского империализма, беззаботно игнорируя опасность войны и необходимость мирной перспективы и т. д. Им вновь удалось возродить традиционализм (Масарик, Штефаник), националистические предрассудки и замазать классовую сущность глобальной стратегии американского и западногерманского империализма.

Пропагандисты буржуазной идеологии, которая является конгломератом различных теорий и не имеет цельной и притягательной концепции и перспектив в капиталистических странах, стремятся к трансплантации некоторых идей капиталистического общества в социалистические страны. К ним принадлежат теория отчуждения, впесение скепсиса, попытка представить движение «хиппи» типичным явлением «индустриального» общества, пропаганда мистики, легенд и мифов, фальшивых религиозных фантазий.

Возникла теория, а затем и практика «информативности печати». По их мнению, отсутствовавший ранее в печати «витамин И» — «информация» означал теперь игнорирование комментариев и анализа. Это проявилось в замалчивании выступлений политических деятелей, за-

¹¹⁸ A. Sturminger. 3000 Jahre politische Propaganda. Wien—München, 1960, S. 10—11.

¹¹⁹ P. Linebarger. Psychological Warfare. New York, 1960.

щищающих марксистско-ленинские позиции, и широком рекламировании «объективной информации», якобы содержащейся в выступлениях политиков, критикующих «консерваторов», в бесчисленных обзорах буржуазной прессы и в полемике с выступлениями печати социалистических стран.

Информация, как и любое проявление общественного сознания, не может не носить классово-идеологического характера. Регистрируя общественные явления, буржуазная информация фильтрует их, основываясь на субъективных представлениях, и воспроизводит эти явления в печати, радио, телевидении, документальном фильме с помощью классово обусловленного аппарата слов и понятий, являющегося составной частью идеологической системы понятий. И более того, вся система буржуазной информации построена на методе отбора и в конечном счете — на фабрикации псевдоинформации с целью манипулирования общественным мнением.

Примером того, какие методы применялись манипуляторами общественным мнением для оказания давления на силы в партии, стоящие на интернационалистских позициях, может служить судьба письма бывших партизанских командиров, опубликованного 20 августа 1968 г. в братиславской газете «Правда».

Инженер Франтишек Мишей, один из авторов этого письма, рассказывает: «Мы считали необходимым открыто выразить свои взгляды, выступить против происков контрреволюции. Мы решили поднять свой голос в защиту дружбы с Советским Союзом, за сохранение завоеваний социализма в нашей стране.

Я со своим другом Пагаром подготовил проект открытого письма советским товарищам и соратникам, который вместе с нами подписало еще 38 командиров партизанских отрядов, офицеров, борцов времен антифашистского Сопротивления.

Реакционные элементы в средствах массовой информации поняли, какова цель выступления представителей Сопротивления. Они договорились, что будут бойкотировать любые позитивные отклики на этот призыв. Наиболее активно в этом направлении действовали некоторые лица из редакции «Правды», где была организована политическая антиакция. Они самовольно внесли поправки в упомянутое письмо, целью которых было осла-

бить политическую остроту нашего выступления против контрреволюции. Вместо нашего пазвания «Мы полны решимости отстоять завоевания социализма» они дали заголовок «Наша дружба укрепляется с развитием демократии».

Мы в своем письме писали о том, что полны решимости отстоять завоевания социализма в нашей стране. «Правда» поправила — «развивать их»...

Когда же мы написали, что «нынешние стремления развивать социалистическую демократию, осуществляемую в нашей стране под руководством коммунистической партии, не должны ослаблять дружбу и союз...», редакция газеты «Правда» вместе с С. Фалтяном* изложила это так, что, дескать, все, что у нас делается «под контролем нового руководства коммунистической партии, укрепит нашу дружбу...»¹²⁰

Империалистическая буржуазия считает лучшей ту пропагандистскую доктрину, которая располагает изысканно рафинированными методами отбора и комментирования информации, так же как и способностью создавать соответствующие «факты». Наряду с такого рода «фактами» в нашей послеянварской публицистике был с успехом применен метод безответственной буржуазной эссеистики. Вместо основных принципов марксизма-ленинизма — интеллектуальное морализирование, представляющее собой не что иное, как этическую форму стилистической позолоты, прикрывающей глубокие противоречия капиталистического общества.

Известно, что средства массовой информации оказывают воздействие не только словом, но особенно духом, включением или исключением чего-то, интонацией, жестом, не только антисоциалистической цитатой, но и цитатой классика, вырванной из времени и контекста. С этой точки зрения, например, библейская цитата для одних слоев населения звучит исторически, для других — современно, старый националистический лозунг у одних вызывает воспоминания, а у других — боевой энтузиазм. Определенный камуфляж при оценке действия средств массовой информации осуществляется намеренным затупевыванием связи между причиной и следствием: передаваемое средствами массовой информации выдается

¹²⁰ «Pravda», 20.VIII 1970.

за объективное выражение общественного мнения, хотя зачастую речь идет о преднамеренном создании такого общественного мнения сверху.

Мы уже знаем, что в арсенале психологической войны идеологическая диверсия иногда называется «третьей сферой» наряду с экономикой и политикой, иногда «четвертой сферой» государственной политики наряду с дипломатией, экономическими отношениями и войной.

Естественно, что психологическая война не сосредоточивает свое внимание только на сфере идеологической, а использует для этих целей культурный и научный обмен, экономическую помощь, туристские поездки. Следует не забывать высказывания Франца Й. Штрауса в его программной работе «Проект для Европы»: «За это время нам необходимо еще сильнее привязать народы Восточной и Юго-Восточной Европы к Западной Европе экономическими и культурными узами: с помощью обмена молодежью и академиками, туризма, спортивных мероприятий и многими другими удобными для этого средствами»¹²¹.

Уже давно в психологической войне не применяется прямой подкуп, особенно людей творческих, честолюбивых. Существуют более тонкие методы: из автора, склонного к антисоциалистическим выступлениям, можно с помощью манипуляций «public relation» сделать чешского патриота и писателя мирового значения, а затем издать некий дневник контрреволюционера и выплатить ему за это непомерный гонорар.

Теории и особенно практика периода с апреля 1968 г. до апреля 1969 г. являют собой последовательную реализацию планов «глобальной стратегии» по «деидеологизации средств классовой борьбы». Из этого проистекает усилие, первоначально возникшее как противовес вульгарной социологии в искусстве и художественной критике, — развить туманный критерий безбрежности искусства в некую теорию о существовании широкой шкалы различных форм социализма — от социализма китайского до югославского.

И дело было не столько в том, что публиковались различного рода буржуазные идеалистические теории

¹²¹ F. I. Strauss. Entwurf für Europa. Stuttgart, 1968, S. 44.

И. Свитака и других, сколько в том, что как только кто-либо пытался с ними полемизировать, «известные практики» заставляли его замолчать. Дело в том, что в течение долгого времени эти теории и практика осуществлялись под прикрытием фраз А. Дубчека об «открытии широких просторов», и прежде всего в том, что средства массовой информации по сути дела выражали лишь идеи «прогрессивного крыла в руководстве партии». Следует сказать, что и после августа 1968 г. мы встречались с остатками этой практики, хотя и в ином виде. На активе журналистов, состоявшемся в Праге 3 июля 1969 г., Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак сказал: «Вы все, наверное, обратили внимание на заметные изменения в буржуазной пропаганде, направленной на Чехословакию, происшедшие в последние два месяца. До этого тем, кто слушал «Свободную Европу» или читал западногерманские, французские и иные газеты, могло показаться, что они очень заинтересованы в развитии социализма в Чехословакии, в «чехословацком эксперименте». Я бы сказал, что они с огромной симпатией следили за разложением нашего общества, наступлением антисоциалистических сил под прикрытием общедемократической фразеологии. И как только эти силы в апреле окончательно проиграли, они изменили тактику. Сегодня они уже не высказывают по отношению к нам никаких симпатий, сегодня они ведут лишь грубейшую пропаганду, примерно такую же, какую мы, например, уже пережили после февраля 1948 г. Самыми изощренными путями они сеют недоверие среди нашего населения, недоверие к людям, к руководству, к идеям и предпринятым мерам. Сегодня это прямая и явно враждебная пропаганда».

Если сравнить действия контрреволюционных сил на протяжении истории, окажется, что кое-когда их методы различались, но сущность никогда не менялась. Подобно тому как колониализм был заменен неоколониализмом, так антикоммунизм использует сегодня вместо штыков миллиарды долларов и изобретательные методы ведения психологической и идеологической борьбы.

НЕИЗБЕЖНЫЙ КРАХ «ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА»

Антикоммунистические центры ищут выход из кризиса

С давних пор известна истина, что стоит задуматься, если тебя хвалит враг. А некоторые лица в 1968 г. с удовлетворением потирали руки, когда граф Андре Разумовский в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» давал оценку нашим событиям или когда менажеры буржуазного общественного мнения провозгласили самым популярным мужчиной 1968 г. Александра Дубчека наряду с самой популярной дамой Жаклин Кеннеди-Онассис.

А. Дубчек и другие члены руководства партии, как известно из протокола беседы с делегацией Французской коммунистической партии в Праге, говорили «об устранении деформаций и об отдельных антисоциалистических явлениях». В противовес этому гамбургская газета «Ди вельт» писала: «Пражские оптимисты предполагают, что лавину возрождения, которая началась 125 дней назад, не удастся сдержать. Если бы их прогнозы оправдались, Чехословакия могла бы спокойно и с надеждой смотреть в лицо будущему»¹²². «Франкфуртер альгемайне цайтунг» писала тогда же: «Центральная Европа, принудительно отторгнутая территория, вновь возвратится на свой, предначертанный самой природой жизненный путь; конечно, поворот произойдет не сразу, но он произойдет в этом направлении. Нам на Западе поэтому может быть только выгодно, если это произойдет в рамках Варшавского Пакта и под прикрытием СЭВа»¹²³.

В нашем распоряжении — десятки материалов буржуазных газет, в которых чехословацких «модельеров»

¹²² «Die Welt», 114/1968.

¹²³ «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 23.IV 1968.

учат, как строить социализм и коммунизм, чтобы он отвечал целям судето-немецких реваншистов: «Как только победят пражские реформаторы... политическая карта Европы изменится в течение нескольких лет», — утверждала «Штуттгартер цайтунг» 25 июля 1968 г.

Хотя развитие событий в Чехословакии после августа 1968 г. не является предметом нашего изучения и размышлений, тем не менее необходимо напомнить о провале попытки реакции нарушить порядок и безопасность в августе 1969 г. И здесь ясно видно взаимодействие внутренних антисоциалистических сил с зарубежными режиссерами контрреволюции. Западногерманские журналы «Шпигель», «Ганделсблатт» (1. VII 1969 г.) и особенно радиостанция «Свободная Европа», выдавая желаемое за действительное, используя классический метод буржуазной журналистики — фабрикации сенсаций, ориентировали антисоциалистические элементы на забастовки и пассивное сопротивление.

Западногерманская печать еще задолго до августа 1969 г. помещала специальные статьи о Чехословакии, связанные с приближающейся годовщиной августовских событий. Количество и объем статей постоянно возрастали и достигли своей кульминации как раз накануне 21 августа. Все более широкое распространение стали получать сенсационные материалы, явно направленные на поддержку правооппортунистических тенденций и преувеличение недостатков во внутривнутриполитической и экономической жизни, рекламировалось послеянварское развитие 1968 г., это постепенно выливалось в прямые нападки на чехословацких руководящих политических деятелей и политику Советского Союза.

После тех акций вандализма*, которые имели место в Праге и других городах ЧССР, западногерманская печать начала открытые атаки против Чехословакии и ее руководителей. Злобные комментарии выдавали разочарование их авторов по поводу развития событий в Чехословакии. Бжезинский попытался объяснить, почему намеченные им планы не осуществились и рецепты не принесли обещанных результатов. Причина, по его мнению, чрезвычайно проста: в Чехословакии «должна была в сущности быть достигнута новая победа восточной традиции в марксизме над западной». Так как, по Бжезинскому, марксизм — это-де «западная доктрина», которая

перестала быть «западной», и «сон о социальной демократии» вынужден был «отступить перед реальностью восточного правительственного усиления», то, по его мнению, необходимо стремиться к тому, чтобы марксизму было возвращено его первоначальное содержание. Нет необходимости доказывать смехотворность подобных выводов. Бжезинский ни у кого не оставляет сомнений в том, что он в действительности имеет в виду. С некоторых пор якобы в Восточной Европе «можно увидеть постепенное оживление западных традиций марксизма. Разными способами ее выражали... Джилас, Имре Надь, Дубчек...»

Бжезинский в своей последней работе яснее ясного показывает, что то, что он изображал как мирный процесс сосуществования, имеет для него один смысл: поглощение социализма капитализмом. В качестве метода должен быть использован социал-демократизм, на который он в 1968 г. в Чехословакии возлагал большие надежды. В рекомендациях, которыми он заканчивает свое сочинение, он стремится ослабить пессимизм прогнозов о возможностях проникновения буржуазной идеологии в социалистические страны и дает новые наставления политикам. Он считает ошибкой «заменять преувеличенные надежды доавгустовского периода 1968 г. столь же преувеличенным чувством отрезвления и смириться с тем, что Восток будет навсегда заморожен и что коммунистические учреждения восточного типа обладают иммунитетом против таяния». Однако политика, которую он рекомендует, должна быть по-прежнему направлена на «обратное включение Восточной Европы...»¹²⁴

Начиная с апреля 1969 г.* все те же господа, которые так восхваляли дубчечковское «возрождение», начали извергать огонь на новое руководство партии. «Почему же так разгневались на Чехословакию те, кто так хвалил ее в 1968 г. по буржуазным радиостанциям, прежде всего в «Свободной Европе» и в печати?» — задал вопрос Первый секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак на митинге в Лишних летом 1970 г. «Они разгневались на нас потому, что наш трудовой народ, наша партия разрушили планы внешней и внутренней реакции, направленные на переворот в Чехословакии, на отторжение Чехословакии от социалистического лагеря. Сегодня в Чехословакии они

¹²⁴ «Rudé právo», 15.XI 1969.

уже не находят ничего хорошего. Разумеется, мы не будем руководствоваться теми советами, которые дает нам «Свободная Европа», так как это был бы неверный путь, по то, что они на нас гневаются и нас оскорбляют, доказывает, что мы идем по правильному пути».

Говоря об антикоммунистических концепциях, мы часто вспоминаем имя З. Бжезинского. Бжезинский, так же как и другие «специалисты», ищет выход из катастрофы, которую потерпели попытки реализовать их теории в 1968 г. в Чехословакии. В течение 1969 г. Бжезинский опубликовал в журналах «Атлантик квотерли», «Ист Юроп» и «Ди Цайт» серию статей с анализом событий 1968 г. Умалчивая, что его теории потерпели крах, он на этот раз выступил с новыми рекомендациями для официальных кругов в США. Бжезинский в конце концов отошел от своего старого тезиса, ориентирующего на идеологическое воздействие. Сущность новой концепции — ориентация на военный конфликт между социалистическими странами, большие надежды при этом возлагаются на Китай. З. Бжезинский предлагает далее идею «разложения социалистической системы» и подрыва растущих сил социалистических государств, выдвигает понятие «доместицизм», где он отдает предпочтение партикулярным интересам перед общими, перспективными интернациональными интересами. Бжезинский развивает и идею так называемого полицентризма — поддержки тех сил, которые стремились принизить значение того фактора, что несокрушимая военная мощь Советского Союза предотвратила возникновение новых войн после 1945 г. Советский Союз поддержал народно-освободительную борьбу колониальных народов, предотвратил интервенцию империалистических стран и оказал помощь развитию государств социалистического содружества.

Бжезинский сегодня считает процесс демократизации — так он называет ревизию марксистских принципов развития социалистических стран — сложным и исторически неравномерным. За этими словечками скрывается не научный скепсис, а псевдонаучные увертки. Их автор тешит себя разными химерами и конструкциями, создавая видимость неразрешимых противоречий между странами социалистического содружества.

Итак, в отличие от прежних концепций господин Бже-

зинский уже не исключает возможности военного решения конфликта. Он признает, что и для американцев идеологическая диверсия не заменяет настоящую войну, как это они, например, наглядно демонстрируют во Вьетнаме и Камбодже. Новые концепции являются попыткой найти выход из создавшегося кризисного положения и одновременно первой фазой, этапом подготовки к возможному военному конфликту. Однако Бжезинский свои «научные теории» не может подкрепить никакими ощутимыми результатами и поэтому предлагает иметь в виду долготетную перспективу. По мнению Бжезинского, демократия в социалистических странах не должна уподобляться капиталистическому образцу, но необходимым для осуществления его теории является переход от социализма к так называемому демократическому социализму, а затем к социал-демократизму.

Понятие «институционализация» Бжезинский использует в международном плане и говорит о нем в связи с возможными «институциональными взаимоотношениями социалистических стран с капиталистическими государствами в рамках международной кооперации». Он договаривается до того, что высказывает надежду о возможности вступления некоторых социалистических стран в Европейское экономическое сообщество. Бжезинский рекомендует использовать для этих целей даже Конференцию о европейской безопасности и заинтересованность всех стран в развитии научно-технической революции.

Идея «институционализации» сотрудничества является хорошей приманкой и для определенных антикоммунистических кругов в ФРГ, которые ввиду того, что федеральный канцлер социал-демократ В. Брандт пошел на заключение договора с Советским Союзом, рекомендуют использовать экономическое и другое сотрудничество для дальнейшего проникновения западных идей в Восточную Европу.

Однако Бжезинский в определенной степени — реалист. Стремясь сохранить хотя бы что-либо из своих фальшивых концепций, он утверждает, что 1968 год якобы потряс социалистическую систему, но при этом констатирует также, что он не дал доказательств того, что население Чехословакии хотело бы принять капитализм.

Знакомясь с этими рассуждениями Бжезинского, мы снова осознаем тот факт, что вступление войск государств

Варшавского Договора в Чехословакию способствовало не только сдерживанию осмелевших антисоциалистических сил, но и укреплению безопасности всего социалистического лагеря. Апрельский и майский Пленумы (1969 г.) и начавшийся процесс консолидации в партии и государстве содействовали отрезвлению антикоммунистических сил на Западе. Эти силы были вынуждены искать новые пути. Империалисты убедились, что социализм не пойдет на уступки, что он не потерпит стремлений ослабить социалистическую систему.

Трудно говорить о цельной концепции современного антикоммунизма. Правда, после проигранной битвы появились десятки «гениальных» полководцев, которые обобщают опыт и разрабатывают новые теории, однако радиус их действий весьма относителен.

Доказательством краха концепции «чехословацкой модели», импортированной из западных диверсионных центров, служит также книга эмигранта Павла Тигрида «Неизбежное падение Александра Дубчека»¹²⁵. П. Тигрид, сионист, после 1945 г. член народно-католической партии, а после 1948 г. — сотрудник империалистических разведок, в этой книге, изданной в Париже, со знаанием дела используя вымышленные факты наряду с объективными и известными, также демонстрирует постепенный отход от старых концепций. Он заявляет, что «чехословацкий эксперимент» с самого начала был неосуществим. Подобно Бжезинскому, он ориентируется на захват власти насильственным путем, хотя не представляет, какие группы могли бы это осуществить.

Однако антикоммунистические центры пока что не выдвигают для Европы принцип прямой агрессии, и это в среде эмигрантских групп вызывает азартные дискуссии и споры. Ведь они имеют перед глазами примеры американской интервенции во Вьетнаме, а также агрессии Израиля против арабских государств, которая щедро поддерживается как в финансовом отношении, так и политически. Однако оказались совершенно нереальными обещания о вооруженной интервенции против социалистических государств, которые давали эмигранты при под-

¹²⁵ P. Tigrid. La chute irrésistible d'Alexander Dubček. Paris, 1969.

готовке венгерской контрреволюции, а также в доавгустовский период 1968 г. в Чехословакии.

Это смятение отражается и на деятельности части послеавгустовской эмиграции. Например, Е. Лебл в книге «Революция интеллектуалов, подоплека и последствия пражской весны», а также А. Лим в новом издании книги «Три поколения» ищут выход в длительном процессе, в теории полицентризма и поливариантности марксизма, направленных на раскол единства международного коммунистического движения. Однако официальный курс антикоммунистической пропаганды был повернут на 180°.

Новые коалиции чехословацких эмигрантов

О крахе теорий «возрождения» свидетельствуют и судьбы послеавгустовской эмиграции.

В «Свободной Европе» нашли пристанище бывший сотрудник чехословацкого радио С. Вольный, редактор газеты «Прага» Е. Б. Штефан, заместитель главного редактора газеты «Литерарни листы» Л. Веселый и главный редактор журнала «Студент» А. Кусак. В последнее время возникают достойные удивления объединения. Послеавгустовские эмигранты О. Шик, Э. Гольшттюккер, А. Шнейдарек, И. Свитак и другие ищут общий язык не только с послефевральскими эмигрантами, но и с фашистами — военными преступниками, которые уже в течение 25 лет утешают себя иллюзией возвращения капиталистических порядков. На конгрессе так называемых славянских эмигрантских организаций в США на общей идейной платформе объединились сионист Э. Лебл с антисемитом Й. Паучом.

На эмигрантских конференциях возник конгломерат людей самых различных направлений и поколений. В «объединительном» наарденском комитете, претендующем на роль верховной организации старой и новой эмиграции, находится и бывший секретарь клуба К-231 Я. Бродский, который, однако, держится на расстоянии от элитарских эмигрантов, таких, как Лим, щедро субсидируемых из антикоммунистических фондов. Небезызвестный сотрудник Тигрида проф. В. Черный в беседе с В. Гавлом охарактеризовал «объединение» следующим образом: «Это никак не отразится на эмиграции, это бу-

дет лишь балласт и вызовет лишь смятение. Кроме того, старая эмиграция очень разобщена, но не на основе идейных принципов, а на материальной основе — кто получит от американцев на сто долларов больше...»¹²⁶

Громкие фразы о возрождении социализма раздаются ныне из радиочастот, финансируемых империалистическими монополиями. Сионисты, такие, как Камил Винтер и Е. Отанер-Росиан, работают в Би-Би-Си; Э. Лесный и Е. Книжа уехали в Израиль для того, чтобы усилить ряды антиарабских «борцов», в то время как Ф. Сикора-Шлезингер отдал предпочтение нейтральной стране. Представители словацкого политического клерикализма ловят среди словацких туристов в Риме «овечек» для того, чтобы доказать тем, кто их содержит, свою необходимость. Словацкий совет освобождения и другие эмигрантские объединения в настоящее время выступают против послеавгустовских эмигрантов и ищут пути сближения с влиятельными империалистическими кругами, которые отказываются от старомодных методов и избавляются от старых агентов, заменяя их новыми. Ведь, например, из «Свободной Европы» совсем недавно были уволены сотрудники — эмигранты из России, которые покинули ее более 50 лет назад, и их потомки, так как они варились в собственном соку и пропагандировали то, во что сами уже давно не верили. Западные разведки и антикоммунистические пропагандистские центры отдают предпочтение и платят повышенные гонорары таким, как И. Пеликан, который владеет марксистской фразеологией. Для антикоммунистических центров самыми ценными людьми являются те, кто успел уехать в эмиграцию с партийными билетами. Их используют для воздействия на трудящихся капиталистических стран, которым они должны «убедительно» доказывать неприемлемость советской модели социализма, в первую очередь для развитых стран, и таким образом отвлечь их от идей социализма. Они должны оказывать воздействие на рядовых и руководящих членов коммунистических и рабочих партий на Западе.

О кризисе в рядах эмигрантских групп в капиталистических странах свидетельствуют и те жалкие демонстрации, которые были организованы 21 августа 1970 г. перед

¹²⁶ «Rudé právo», 19.VIII 1970.

зданиями чехословацких посольств в некоторых капиталистических странах. Показательной в этом отношении была демонстрация перед зданием чехословацкой военной миссии в Западном Берлине, где несколько демонстрантов-эмигрантов разбрасывали текст резолюции, в которой заверяли, что «совместно с судето-немецкими согражданами» будут бороться за возвращение в свободную Чехословакию.

Защищать принципы социализма и пролетарского интернационализма

Поскольку главный натиск антикоммунизма в современном его обличье был направлен против социалистических завоеваний и их гарантов — против руководящей роли революционной партии рабочего класса, против марксизма-ленинизма, против интернациональной солидарности революционных сил в мире и единства социалистического лагеря, постольку главным выводом из познания форм и методов антикоммунизма является девиз: защищать принципы социализма и пролетарского интернационализма. Краткий девиз «Защищать социализм» содержит в себе целый комплекс задач. В их число входит и обязательный анализ причин кризисного развития в ЧССР, и необходимость сделать соответствующие выводы из этого анализа. Теперь уже известен ряд фактов о стремлении антисоциалистических сил в государстве и правооппортунистических сил в партии поставить и партию, и государство на путь, «запрограммированный» и разработанный тактиками и стратегами антикоммунизма.

Посредством идеологической диверсии они хотели добиться отказа от основных принципов социализма, затем произвести смену руководства и изменить политику партии.

Известны усилия братских коммунистических партий и представителей социалистических стран, направленные на то, чтобы разъяснить руководству ЦК КПЧ тенденции и возможные последствия тогдашнего развития в ЧССР и помочь найти выход из создавшегося положения. Если некоторых чехословацких политических деятелей не отрезвляли предостерегающие голоса друзей, то они должны были бы задуматься над одобрительными головами врагов. Мы все помним и о симпатиях западной

буржуазной печати к «пражской весне», об аплодисментах, которые сопровождали выступления Шика, Гольдштюкера и других по западногерманскому телевидению, а также выступления в стране Смирковского, Цисаржа и Дубчека.

В настоящее время выявлена связь антисоциалистических элементов с идейными вождями правого оппортунизма. Майский (1969 г.) Пленум ЦК КПЧ разоблачил носителей реформизма, освободил их от занимаемых должностей, а некоторых исключил из партии. Партия призвала к ответу тех, кто своими выступлениями и действиями нарушил устав и настаивал на своих антипартийных взглядах.

Речь идет о тех, кто после января с пути реформ вступил на путь измены.

В постановлении ЦК КПЧ об обмене партийных билетов об этом говорилось: «Толкование решений, принятых пленумом ЦК КПЧ в январе 1968 г., взяли на себя некоторые отдельные члены ЦК, такие, как Йозеф Смирковский, Франтишек Кригель, Франтишек Вадслон, Йозеф Боровка, Вацлав Прхлик, которые рекламировались как «мужи января». В действительности же решения январского Пленума ЦК ими искажались и толковались в духе правого оппортунизма. Так возникла ревизионистская линия с мещански трактуемыми лозунгами «демократии и свободы», «прогресса и гуманизма». Все это прикрывалось созданием якобы новой модели «демократического социализма», «социализма с человеческим лицом». Постепенно в самом Центральном Комитете и в его Президиуме, а также и в других партийных органах сформировалось активно действующее ядро — правооппортунистические центры, стремившиеся овладеть всей партией и государственными органами.

Именно поэтому руководство партии оказалось не в состоянии активно противостоять наступлению правых сил, ничего не делало для их разоблачения. Партийное руководство было не способно восстановить идейное единство и единство действий партийных рядов на базе марксизма-ленинизма. Его беззаботность, политическая наивность, растерянность — все это вредно отразилось на всей партии и обществе в целом».

То же самое относится и к Александру Дубчеку. «Руде право» в своей редакционной статье по этому поводу

писала: «А. Дубчек был исключен из рядов нашей партии за то, что за сравнительно короткий срок, который он стоял во главе нашей партии, он привел ее в состояние такого разложения, которого до этого партия не знала. Он привел все наше общество, общественные организации, профсоюзы, молодежь на такую ступень разложения и разброда, а нашу экономику довел до такой дезорганизации, что мы оказались на грани экономического краха.

В области международных отношений он разрушил связи с Советским Союзом и другими союзными государствами, и Чехословакия оказалась в изоляции в трудный и опасный момент.

Дубчек сошел с позиции марксизма и утратил классовое и интернациональное сознание. Партия, социализм, интернациональное братство трудящихся — все это в его выступлениях исчезает за бесчисленными «я».

Он сам исключил себя из наших рядов. Он не справился с той ответственностью, которую возложил на себя, и поэтому пошел по более легкому пути, попустительствуя правым и контрреволюционным силам до тех пор, пока сам не скатился на их платформы».

Пагубность правооппортунистических позиций некоторых своих членов в отношении развития событий в ЧССР осознают и марксистско-ленинские партии в капиталистических странах, которые подвергли резкой критике взгляды Р. Гароди и Э. Фишера.

Известно, что внимание антисоциалистических и рваншистских сил сосредоточилось на раздувании «чехословацкого вопроса» и «вступлении союзнических войск в ЧССР». Для интернационалистских и марксистско-ленинских сил не было сомнений в необходимости и своевременности этой акции. На всемирной встрече борцов за мир в Берлине в 1969 г. испанский делегат сказал: «Судьба Испании предостерегает. Несмотря на безграничную самоотверженность бойцов интернациональных бригад, интернациональную помощь демократических сил в борьбе с фашистскими войсками, широко поддерживаемых фашистскими государствами, демократические силы в Испании потерпели поражение и началось агрессивное наступление фашизма в Европе. Я убежден, что помощь пяти социалистических стран Чехословакии предотвратила новую войну в Европе».

Интернационалисты не сидели сложа руки, когда фашизм угрожал испанской демократии. А разве кто-нибудь говорил о нарушении суверенитета, когда СССР переправлял на территорию, охваченную Словацким национальным восстанием, советских партизан? Наши люди не были пассивны в ситуации, сложившейся у нашего южного соседа, в Венгерской Народной Республике в 1956 г. Нам не безразлично, что происходило и происходит сегодня, например, в Корее, Вьетнаме, Индонезии и в любой другой части мира, где борются прогрессивные силы.

В. И. Ленин учил, что одним из основных принципов интернационализма является «борьба за общие интересы всемирного пролетариата»¹²⁷.

Таков закон интернационализма, таково классовое содружество, таковы родственные узы нашей социалистической семьи. Наша коммунистическая партия на протяжении всей своей истории исходила из этого принципа.

Этим принципом, действующим в классово разделенном мире, руководствовались и наши социалистические союзники, в первую очередь Советский Союз, когда наша партия и наше социалистическое государство оказались в кризисной ситуации. Наши союзники так же, как и мы, были заинтересованы в одном — найти совместно выход из этого кризиса.

Принцип взаимопомощи в обстановке угрозы социализму был подтвержден в известном Братиславском заявлении социалистических стран, подписанном и представителями Чехословакии в августе 1968 г. В Заявлении, единогласно принятом участниками братиславского совещания, в частности, говорится: «Поддержка, укрепление и защита этих завоеваний, доставшихся ценой героических усилий, самоотверженного труда каждого народа, является общим интернациональным долгом всех социалистических стран. Таково единодушное мнение всех участников совещания, которые выразили непреклонную решимость развивать и защищать социалистические завоевания в своих странах, добиваться новых успехов в строительстве социализма».

Развитие событий в мире и особенно в самой Чехословакии подтвердило правильность и необходимость совместных действий СССР и других социалистических

¹²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 166.

стран в августе 1968 г. Эти государства, верные Заявлению, подтвердили решимость не допустить ослабления ни одной из стран социалистической системы империалистическими, антисоциалистическими, контрреволюционными силами.

Из попытки контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 г. так же, как из событий в Чехословакии в 1968—1969 гг., следует ряд уроков. Мировой империализм ни в коей мере не отказался от своих захватнических целей, а острое его агрессивной стратегии направлено главным образом против социалистических стран. За последние десять лет, однако, в его политике проявляются определенные особенности, весьма характерные для современного этапа развития.

Относительное ослабление империализма не означает ослабления его естественной агрессивности. Международное Совецание коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 г. констатировало, что империализм усиливает гонку вооружений, стремится к активизации военных блоков, созданных с целью агрессии против Советского Союза и других социалистических стран, усиливает идеологическую борьбу против них и стремится затормозить их экономическое развитие.

Оказавшись лицом к лицу с фактом упрочения международных позиций социализма, империализм стремится ослабить единство мировой социалистической системы. Он использует противоречия в международном революционном движении, пытаясь внести разлад в его ряды, подчиняя свою идеологическую машину, в том числе и средства массовой информации, служению антикоммунизму, борьбе против социализма, против всех прогрессивных сил.

В Западной Европе развивается движение против агрессивного блока НАТО, за нормализацию отношений и развитие сотрудничества между государствами, за обеспечение европейской безопасности, охватывающее все более широкие слои населения. Силы, активно выступающие против реваншизма и милитаризма, растут и в ФРГ. В странах, где сохраняются американские военные базы, все сильнее звучит требование ликвидировать эти опорные пункты агрессии.

Все это обусловило выводы Московского международного Совецания коммунистических и рабочих партий:

«Становление социалистического мира — составная часть классовых битв на мировой арене. Враги социализма не оставляют попыток подорвать основы социалистической государственной власти, сорвать дело социалистического преобразования общества и восстановить свое господство.

Решительный отпор таким попыткам — необходимая функция социалистического государства, опирающегося на широкие народные массы, руководимые рабочим классом и его коммунистическим авангардом.

Защита социализма — интернациональный долг коммунистов»¹²⁸.

Опираясь на свою непрерывно растущую экономическую и оборонную мощь, мировая система социализма сковывает империализм, ограничивает его возможности осуществлять экспорт контрреволюции. Выполняя свой интернациональный долг, социалистические страны оказывают возрастающую помощь народам, борющимся за свободу и независимость, укрепляют и международную безопасность.

Успешное развитие данного процесса определяется четким соблюдением принципов пролетарского интернационализма, взаимопомощи и поддержки, равноправия, суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств.

Успехи социализма, его влияние на ход мировых событий, эффективность его борьбы против империалистической агрессии в значительной мере зависят от сплоченности социалистических стран.

Эти принципы осуществляются в отношениях дружественных социалистических стран, объединенных в оборонительном Варшавском Договоре.

В 1968 г. мир убедился в том, что боевая мощь стран Варшавского Договора, стоящих на страже мира и безопасности в Европе, никогда и никому не позволит поставить под угрозу безопасность и завоевания социализма в этих странах. Обманом и клеветой является утверждение о том, что социалистические страны выступают не за полный, а лишь за ограниченный суверенитет государств. Ведь ничто не может дать понятию «суверенитет» более полное содержание, чем право народа со всей

¹²⁸ «Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий». М., 1969, стр. 20.

последовательностью защищать путь, который он сам для себя избрал, против любых попыток, направленных на то, чтобы столкнуть его с этого пути и лишить социалистических завоеваний. Никто не может отнять у народа право опереться на друзей, верных своему интернациональному долгу и договорным обязательствам. Никто не может отнять у его друзей право на оказание ему помощи.

В полном соответствии с Братиславским заявлением Советский Союз и Чехословакия рассматривают защиту, поддержку и укрепление социалистических завоеваний, доставшихся ценой героических усилий и самоотверженного труда каждого народа, как общий интернациональный долг всех братских стран. Они выражают твердую решимость вместе с другими братскими странами давать отпор контрреволюционным проискам империализма и всех других сил реакции в интересах мирного творческого труда народов. Эти принципы зафиксированы в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Чехословацкой Социалистической Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик 6 мая 1970 г., где в 5-й статье говорится: «Высокие Договаривающиеся Стороны, выражая непреклонную решимость идти по пути строительства социализма и коммунизма, будут предпринимать необходимые меры для защиты социалистических завоеваний народов, безопасности и независимости обеих стран, стремиться к развитию всесторонних отношений между государствами социалистического содружества и действовать в духе упрочения их единства, дружбы и братства». Статья 10-я предусматривает: «В случае, если одна из Высоких Договаривающихся Сторон подвергнется вооруженному нападению со стороны какого-либо государства или группы государств, то другая Договаривающаяся Сторона, рассматривая это как нападение и на нее, немедленно предоставляет ей всяческую помощь, включая военную, а также окажет поддержку всеми находящимися в ее распоряжении средствами...»

В настоящее время можно констатировать, что выступление стран Варшавского Договора в защиту социализма в Чехословакии предотвратило не только развитие внутренней контрреволюции и осуществление замыслов антикоммунизма, но и нанесло удар также концепции «градуа-

лизма», направленной на разрушение социалистической системы.

В Отчетном докладе ЦК КПЧ XIV съезду партии Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак сказал: «С трибуны нашего съезда мы хотим вновь подтвердить оценку 21 августа 1968 года, как ее единогласно одобрил в декабре 1970 г. наш Центральный Комитет и поддержала вся партия: «Вступление союзнических войск пяти социалистических стран в Чехословакию было актом интернациональной солидарности, отвечавшим как общим интересам чехословацких трудящихся, так и интересам международного рабочего класса, социалистического сотрудничества и классовым интересам международного коммунистического движения. Этот интернациональный акт спас жизнь тысяч людей, обеспечил внутренние и внешние условия для мирного и спокойного труда, укрепил западные границы социалистического лагеря и разрушил надежды империалистических кругов на пересмотр результатов второй мировой войны.

Подводя черту под кризисным и сложным периодом, мы хотим на нашем XIV съезде выразить от имени всей партии, от имени огромного большинства трудового народа нашу искреннюю благодарность Коммунистической партии Советского Союза, Советскому правительству и народу и лично вам, товарищ Брежнев, и другим социалистическим друзьям из братских партий, руководители которых присутствуют на нашем съезде, за то, что в сложном положении вы поняли опасения чехословацких коммунистов за судьбу социализма, просьбу многих партийных и государственных деятелей, многих коммунистов и коллективов трудящихся оказать помощь, за то, что благодаря этой интернациональной помощи в нашей стране были предотвращены гражданская война и контрреволюция и защищены завоевания социализма»¹²⁹.

¹²⁹ «XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии». Прага, 1971, стр. 21.

КОММЕНТАРИИ¹

К стр. 37 * Бжезинский З. — бывший сотрудник штаба планирования государственного департамента США, директор исследовательского центра по проблемам коммунизма при Колумбийском университете. В 1968 г. был приглашен в Чехословакию для чтения лекций.

К стр. 52 * Бенеш Э. (1884—1948) видный чехословацкий буржуазный политический деятель. С 1918 по 1935 г. — министр иностранных дел, а затем президент Чехословацкой республики.

Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословацкой республикой был подписан в Москве 12.XII 1943 г.

К стр. 53 * Имеется в виду Венгерская Советская республика (март—июль 1919 г.), вслед за падением которой начался разгул белого террора.

К стр. 54 * Одним из центров деятельности правых оппортунистов стала Военно-политическая академия в Праге. Здесь весной 1968 г. был выработан «меморандум», требовавший пересмотра принципов политики партии в военном деле, одобренных XIII съездом КПЧ, а также ревизии Варшавского Договора.

** Генерал-лейтенант В. Прхлик — в то время заведующий отделом ЦК КПЧ по руководству партийной работой в армии, органах государственной безопасности, судах и прокуратуре.

*** Малая Антапта — военно-политический блок Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный в 1919—1921 гг. под эгидой Франции, ставивший своей целью сохранение соотношения сил, сложившегося после первой мировой войны и имевший антисоветскую направленность.

К стр. 55 * Имеется в виду инспирированная западными антикоммунистическими центрами серия телепередач «В помощь прокуратуре», в которых ставилось под сомнение самобытность Я. Масарика (сына первого президента Чехословацкой республики, министра иностранных дел до марта 1948 г.). Передачи дезинформировали общественность, раздували антикоммунистический и антисоветский психоз.

¹ Комментарии Т. И. Комковой.

Г стр. 56 * Накануне совещания руководителей КПСС и КПЧ в Чирне-над-Тисой правые силы организовали в стране широкую кампанию в поддержку негативной позиции, занятой тогдашним руководством ЦК КПЧ по отношению к письму участников варшавской встречи пяти братских партий (июль 1968 г.) в адрес ЦК КПЧ, в котором выражались опасения по поводу ситуации, сложившейся в Чехословакии.

** Масарик Т. Г. (1850—1937) — видный чехословацкий буржуазный идеолог и политический деятель. С 1918 по 1935 г. — президент Чехословацкой республики.

К стр. 62 * Газета «Обрана лиду» — орган министерства обороны ЧССР.

К стр. 65 * РИАС — радиостанция американских оккупационных войск в Западном Берлине, широко использующая методы идеологической диверсии против стран социалистического содружества, главным образом против ГДР.

** Вольный С. — быв. сотрудник чехословацкого радиокomiteта, Е. Штефан — быв. редактор газеты «Праце».

К стр. 71 * Клуб беспартийных активистов (КАН) начал создавать свои организации в марте 1968 г. Во главе его стояли И. Свитак, В. Черный и др. КАН должен был стать противовесом КПЧ, одной из составных частей «новой» политической системы Национального фронта Чехословакии.

В период вступления войск стран Варшавского Договора на территорию ЧССР его члены активно включились в развязывание антисоветской истерии и раздувание националистических страстей, дезориентировали население и были организаторами антигосударственных акций.

** Клуб-231 (К-231) — Подготовительный комитет К-231 был создан весной 1968 г. Эта организация должна была оказать помощь в проведении политической реабилитации чехословацких граждан, незаконно пострадавших в 50-е годы. Однако вскоре К-231 превратился в контрреволюционную, политическую организацию, открыто противопоставлявшую себя КПЧ и стремившуюся к ликвидации социалистического строя в Чехословакии. Секретарем К-231 был избран Й. Бродский. В состав Клуба вошли прямые агенты вражеских разведок, такие, как Шмидт, Выдра, Р. Веселый, О. Рамбоушек и др.

К стр. 76 * 29.VII—1.VIII 1968 г. состоялась двусторонняя встреча Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ в Чирне-над-Тисой. 3.VIII в Братиславе встретились представители шести партий социалистических государств. Во время переговоров представители братских партий высказали руководству КПЧ свою обеспокоенность ходом политического развития в Чехословакии и указали на существование серьезной угрозы делу социализма. Руководство КПЧ обязалось принять решительные меры для того, чтобы пресечь деятельность антисоциалистических сил в стране. Однако фактически не сделал ни одного шага для реализации принятых на себя обязательств по защите завоеваний социализма в республике и укрепления социалистического содружества.

К стр. * 29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась встреча
81 Чемберлена, Деладье, Гитлера и Муссолини, во время которой без участия представителей Чехословакии было подписано соглашение о передаче гитлеровской Германии важнейших пограничных районов Чехословацкой республики. Мюнхенское соглашение было одобрено США, лишь Советский Союз отказался признать эту позорную сделку.

К стр. * Судето-немецкая партия (обычно именуемая генлей-
84 новской по имени ее лидера К. Генлейна) являлась прямой агентурой фашистской Германии в Чехословацкой республике. В ноябре 1938 г. слилась с гитлеровской нацистской партией.

К стр. * Кармазин Р. — с середины 30-х годов лидер фашист-
95 ской так называемой карпато-немецкой партии в Словакии. В настоящее время — один из руководителей рваншистского «Союза изгнанных с родины» в ФРГ.

** Дурчанский Р. — крупный землевладелец, один из руководителей сепаратистской глинковской Словацкой народной партии, министр иностранных дел клерикало-фашистского так называемого Словацкого государства. После падения фашистского режима в Словакии эмигрировал на Запад.

К стр. * Гольдштюккер Э. — в годы войны находился в эмигра-
100 ции в Англии, позже был пресс-аташе в Париже, советником посольства в Лондоне, послом в Израиле. Некоторое время преподавал в Карловом университете. На Западе его называли «отцом чехословацкой либерализации».

После января 1968 г. стал председателем Союза чехословацких писателей.

Э. Гольдштюккер был организатором Либлицкой конференции, посвященной памяти Кафки, в 1963 г.

В 1968 г. эмигрировал в Англию.

К стр. * Гофман И. — один из активных деятелей правоопор-
103 тунистической группировки, являлся членом редколлегии газеты «Руде право». Выступив по радио, обвинил главного редактора газеты «Руде право» О. Швестку в том, что он якобы запретил публикацию каких-то «объективных» материалов, связанных с кампанией, развернутой правоопортунистическими силами за созыв чрезвычайного съезда КПЧ.

** Операция названа по имени французского маршала Лотей, который был на рубеже XIX и XX столетий губернатором Северной Африки.

«Операция Лотей» — непрерывные, долговременные действия антикоммунистических центров по использованию объективных особенностей исторического, политического, экономического и культурного развития отдельных государств с целью постепенного отрыва их от социалистического содружества.

К стр. * «roll-back» — или так называемая теория «отбрасыва-
105 ния» — одно из проявлений империалистической политики холодной войны в 50-е годы, направленной против социалистических стран (в идеологической, политической, экономической и других областях) и революционного движения во всем мире.

- К стр.**
107 * Свитак И. — бывший сотрудник Института философии Чехословацкой Академии наук. Один из организаторов КАН. Был тесно связан с редакцией журнала «Сведетви» и с П. Тигридом. Эмигрировал в США, где продолжает свою антикоммунистическую деятельность в Колумбийском университете.
- ** Лим А. — один из активных членов так называемого «второго центра» — руководства правооппортунистической оппозиции в КПЧ. После августа 1968 г. эмигрировал.
- К стр.**
108 * «2000 слов» — контрреволюционная платформа правооппортунистических и антисоциалистических сил, содержащая прямой призыв к ликвидации руководящей роли партии и социалистического строя в Чехословакии.
- Этот политический памфлет был опубликован в период проходящих в стране областных и районных партийных конференций и подготовки чрезвычайного съезда КПЧ с целью оказать воздействие на его состав и решения.
- ** Л. Вацулик — писатель, один из руководителей правооппортунистической оппозиции в ЧССР.
- К стр.**
111 * Пеликан И. — бывший генеральный директор чехословацкого телевидения.
- ** Народная милиция — отряды Народной милиции возникли на промышленных предприятиях Праги в феврале 1948 г. по инициативе КПЧ для защиты социалистических завоеваний. В дальнейшем они были созданы на предприятиях всей республики. Руководство и члены Народной милиции неоднократно и решительно выступали против активизировавшихся антисоциалистических сил, за укрепление дружбы с народами СССР.
- К стр.**
112 * Черный В. — один из основателей КАН (Клуба беспартийных активистов). Был тесно связан с чехословацкой послефевральской (1948 г.) эмиграцией, в частности с П. Тигридом.
- К стр.**
116 * 14—15.VII 1968 г. в Варшаве состоялось совещание представителей пяти коммунистических партий социалистических государств. Руководство КПЧ отказалось принять участие в совещании. Участники встречи обратились с письмом в адрес ЦК КПЧ, в котором указывали, что защита социалистических завоеваний требует смелых и решительных действий против правых и антисоциалистических сил, мобилизации всех средств, которыми располагает для этого социалистическое государство.
- К стр.**
120 * Здесь и ниже в этом абзаце автор иносказательно использует спортивную терминологию. Футбольная лига — группа команд, участвующих в розыгрыше первенства страны, «Татран» — название одной из футбольных команд.
- К стр.**
124 * Граца Б. — бывший секретарь ЦК КП Словакии, один из активных деятелей правооппортунистической оппозиции.
- К стр.**
126 * Имеется в виду беседа, которая передавалась по чехословацкому радио в марте 1968 г. В качестве «жертвы» был избран коммунист, работник спортивной организации в Праге — И. Заруба. По мнению ее организаторов, такой человек не мог представлять собой серьезного оппонента.

Однако И. Заруба оказался одним из тех, кто своевременно распознал тактику врага. Он оказался солдатом партии, решительно выступил в ее защиту.

К стр.
130 * 8 октября 1620 г. в битве у Белой Горы под Прагой была разбита армия чешских дворян и горожан, восставших против абсолютизма Габсбургов и господства католической церкви. Поражение у Белой Горы повлекло за собой окончательную утерю Чехией политической самостоятельности, торжество католической реакции и положило начало трехсотлетнему периоду национального угнетения.

К стр.
134 * Штефаник М. Р. (1880—1919) — генерал, чехословацкий военный и политический деятель. В годы первой мировой войны один из организаторов чехословацких воинских формирований в странах Антанты, военный министр в первом правительстве Чехословакии, один из активных организаторов антисоветской интервенции в 1918 г.

К стр.
139 * На апрельском Пленуме ЦК КПЧ в 1968 г. открыто проявились слабость и отсутствие единства в новом руководстве партии, возглавляемом А. Дубчеком. Представители правооппортунистических сил овладели целым рядом важных позиций в высших партийных и государственных органах, Национальном собрании и Национальном фронте, в средствах массовой информации.

К стр.
144 * Фалтян С. — в то время заместитель председателя правительства ЧССР.

К стр.
148 * Имеются в виду контрреволюционные выступления преступных элементов в Праге, Брно, Либерце и некоторых других городах в августе 1969 г.

К стр.
149 * Пленум ЦК КПЧ в апреле 1969 г. освободил А. Дубчека от функций Первого секретаря ЦК КПЧ, избрал Первым секретарем ЦК КПЧ Г. Гусака, создал предпосылки для преодоления длительного кризиса в партии и обществе, организации решительного наступления на правооппортунистические и антисоциалистические силы.

1968 год. Объект атаки — социалистическая Чехословакия	5
От автора	13
I. Методы и варианты психологической войны	15
Исходные позиции антикоммунистической политики (15). Психологическая война и средства массовой информации (18). Обширный реестр методов антикоммунистической пропаганды (22). Методы манипулирования общественным мнением (25). Доктрина Джонсона о «наведении мостов» (30). Дифференцированный подход США или «мир не только белый» (34). Стратегическая цель — изменить статус-кво в Европе (37). Новый вариант идеологической диверсии: теория конвергенции (43). Скрытые формы антикоммунизма и антисоветизма (47). Ориентация на антисоветский «нейтралитет» (51). «Свидетельство» и «Свободная Европа» — голоса своих хозяев (56). О фабриках по изготовлению чехословацкой модели 1968 г. (64).	
II. Исторические параллели	67
«Чехословацкий эксперимент» и венгерская контрреволюция (67). Операция «Фокус» (70). Слова и дела контрреволюции (73).	
III. Место западногерманского реваншизма в психологической войне	84
Симпатии западногерманских реваншистов к реформаторам в ЧССР (80). Новый вариант старомодной диверсии (87). Несколько фактов о милитаризме и реваншизме в ФРГ (90).	
IV. «Чехословацкий эксперимент». Изготовлено в США	91
«Чехословацкий эксперимент» в замыслах стратегов империализма (99). «Обогащение» методов идеологической диверсии (104). Антисоветизм после Варшавской встречи 1968 г. (116). Ключевые вопросы: партия и отношение к СССР (125). Девальвация ценностей и смешение понятий (133). Буржуазные мастера манипуляций общественным мнением (141).	
V. Неизбежный крах «чехословацкого эксперимента» . .	147
Антикоммунистические центры ищут выход из кризиса (147). Новые коалиции чехословацких эмигрантов (153). Защищать принципы социализма и пролетарского интернационализма (155).	
Комментарии	163

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
55	2 св.	Гаек	Ганак
119	13 св.	народных	национальных
154	8 св.	Е. Отанер-Росиан	Е. Штайнер-Росиан

Милош Марко

56 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА